

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. А. РЕФОРМАТСКИЙ

ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1975

СЖН

В сборнике представлены статьи автора последних лет (1968—1971) по проблемам общей и русской фонологии. Решаются важные вопросы теории фонологии, в частности проблемы интонации, проблемы предмета и границ морфонологии. В этюдах, посвященных более частным темам, анализируются спорные и сложные вопросы описания фонологической системы русского языка.

К ИЗУЧЕНИЮ ИНТОНАЦИИ

Предлагаемые «этюды» — логической и морфонологической. Они не публиковались последние годы. Они не публиковались поэтому и названы «Фонологические этюды» традиции русской языковедческой школы. Этюды А. И. Томсона, «Татарские этюды» А. И. Томсона, «Татарские этюды по татарскому и русскому языку» В. А. Богородицкого и др.).

По первоначальному замыслу должен был предшествовать вводный этюд «Сегментные и суперсегментные явления в структуре языка», но по мере написания отдельных этюдов выяснилось, что эта тема достаточно развернуто представлена в отдельных статьях, и при наличии еще отдельного номера по этой теме получились бы ненужные повторения; поэтому этот этюд автор снял, заменив его этюдом по частной теме «Альтернатива <л> и <л'> при словообразовании», замысел которого возник из вопроса о том, как надо выбрать словоформу: *колыбелочку* или же *колыбелечку* при исполнении романса Чайковского «Колыбельная песня» на слова А. Н. Майкова, но вопрос этот вырос в небольшое исследование, где автор старался показать, что выбор той или иной морфонологической возможности тесно связан с морфонологическими моделями (даже при кажущейся тождественности модели) и умеет чутко сохранять и охранять необходимую различимость.

В самом большом этюде — «Пролегомены к изучению интонации» автор рассматривает основные понятия просодии, их иерархию и их связи, и анализирует различные точки зрения на этот предмет, достаточно противоречивые и несовместимые, исходя из понятий иерархии уровней и различия сегментных и суперсегментных явлений в структуре языка.

В этюде о «Фонеме йот и <и> в русском языке» автор полемизирует с мнением, высказанным его покойными друзьями, и пытается показать, что «и слоговое» и йот не сводимы к одной фонеме в русском языке.

Этюд «Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах» связан с последними работами, в которых представлены опыты определения этого статуса, а этюд о <л> и <л'> при словообразовании служит как бы экзemplификацией теоретических мыслей первого этюда.

Последние два небольших этюда «Звук [ы] после гласных в русском языке» и «[зф] из <зв>» — маленькое скерцо, посвященное некоторым парадоксам и курьезам фонологии русской речи.

Совершенно ясно, что во всех этюдах автор основывается на теоретических положениях Московской фонологической школы (МФШ), посильно их развивая и детализируя.

Эта книга — не симфония, а сюита. И такой жанр удобен для заострения проблематики и обнажения полемики. Пусть не сетуют на автора те, с кем он спорит; автор ищет истину, исходя из теории, известной ему за 50 лет его лингвистической деятельности...

Автор приносит благодарность своим союзникам и противникам (живущим и покойным) за те мысли, которые были поводом для многих положений «Фонологических этюдов*».

А. А. Реформатский

Декабрь 1971 г.

* Автор приносит извинение перед читателями за кустарный и, может быть, порой неуклюжий перевод французских и немецких цитат, не существующих в русском квалифицированном переводе...

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ИЗУЧЕНИЮ ИНТОНАЦИИ

*

«... нас интересует лишь интонация, сопутствующая распадению фразы на обособленные периоды... Совершенно в стороне остается как интонация эмоциональная, так и интонация „логического ударения“...»

Б. В. Томашевский. Ритм прозы, 1929

1. Предложение или фраза?

Вопрос о том, что такое интонация и как она построена, волнует многих как теоретически, так и чисто практически (как читать на эстраде, по радио и телевидению, как декламировать в театре, как учить правильному чтению школьников, как передавать звуковую языковую интонацию по каналам связи и т. п.). Об интонации много написано (см. хотя бы «Материалы для библиографии по вопросам фразовой интонации» С. И. Бернштейна в сб. «Экспериментальная фонетика и психология в обучении иностранному языку», 1940, содержащие 568 названий работ по интонации, а сколько еще прибавилось работ за последние 30 лет!), но ясного понимания в этих вопросах пока что нет, и мнения различных авторов порой расходятся диаметрально (ср., например, мнения А. М. Пешковского, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, С. О. Карцевского, Р. О. Якобсона, А. Мартине, Б. В. Томашевского, В. А. Артемова, Е. А. Брызгуновой, Т. М. Николаевой и мн. др.), а те или иные решения этих вопросов должны вылиться в правила речевого поведения и быть нормой.

Попутно так или иначе необходимо пересмотреть и терминологию интонационной проблематики, и стоящие за этими терминами отдельные понятия. Поэтому я и решил пошевелить все «за» и «против», иной раз и обостряя,

доводя до абсурда, парадоксируя и полемизируя, чтобы прийти в конце концов к каким-то позитивным рекомендациям практике. А для этого надо разрешить очень много теоретических узлов, которые весьма запутаны.

Прежде всего встает вопрос: что мы изучаем — интонацию речи или интонацию языка? Казалось бы, что интонация — это всецело область речи, она проявляется в речи, существует в речи и тем самым принадлежит речи. Да и изучать ее можно именно в речи, делая различные записи звуковой цепи и пробуя ее членить и соотносить с иными сегментами, скажем, синтаксическими. На помощь здесь приходит пунктуация для тех, кто верит, что пунктуация — это письменная передача интонационных возможностей устной речи.

Для того чтобы попробовать распутать этот клубок (а ведь в нем уже столько вопросов: язык и речь, цепь и сегменты, устная и письменная форма высказывания, сущность пунктуации и ее соотношение с другими явлениями и единицами языка и речи и т.д.), надо очень многое «пошевелить» и, не боясь оказаться «еретиком», прийти к какому-то решению, где не было бы противоречий, что свойственно пока что большинству работ в этой области.

Начну немного издалека; я хочу напомнить одну статью А. М. Пешковского 20-х годов «Интонация и грамматика»¹. В этой статье, как и всегда у Пешковского, много интересных наблюдений и замечаний, а предшествует им интересное воспоминание С. И. Бернштейна о разговоре А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым². Разговор, приводимый С. И. Бернштейном, крайне интересен, и может быть расценен по-разному, а так как это издание — библиографическая редкость, а в статье Пешковского приведено не все, что из данного разговора следует, то я приведу эту цитату несколько полнее. Вот этот т кст.

«...Одним из важных синтаксических средств, служащим для выражения самых разнообразных сопутствующих

¹ А. М. Пешковский. Интонация и грамматика. «Изв. по русскому и словесности АН СССР», 1928, т. 1, кн. 2.

² С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. «Изв. ОРЯС Российской Академии наук», т. XXV. Пг., 1922; повторено в статье С. И. Бернштейна «А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка» (см.: А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4-е. М., 1941, стр. 46—47).

представлений, является интонация в обширном смысле, т. е. мелодика речи, паузы, динамические акценты. Шахматов утверждал, что огромное большинство современных синтактистов — между прочим Вундт и, особенно, Фортунатов — исходят из представления не о реальном предложении, а о его письменном изображении. «Борьба против смешения письма с языком, которую с такой настойчивостью вел Бодуэн де Куртенэ в области фонетики, — говорил А. А., — должна быть распространена и на синтаксис». С горечью он рассказывал, что пытался затронуть эту тему в одной из последних бесед с Фортунатовым, но Фортунатов не оценил важности вопроса. Сам же А. А. неуклонно держался этого принципа. Из предшественников, которые могли оказать на него влияние в этом направлении, следует назвать Dittrich'a, Svedelius'a, а в русской литературе — Пешковского. Вслед за Dittrich'ом Шахматов считал интонационный (у Dittrich'a — «модуляционный») признак существенным для предложения: именно интонацией отличается предложение от простого грамматического единства. В одной из своих лекций А. А. указал, что словосочетания, которые пишутся на вывесках и в заглавиях, не могут считаться предложениями, потому что их содержание не составляет коммуникации; они не рассчитаны на произнесение и поэтому не содержат интонации, это условные письменные обозначения, которые не встречаются в живой речи и являются такими же «эквивалентами предложения», как шары на пожарной каланче. Вместе с Розвадовским и Пешковским, в интонации он видел формальный признак предложений, типа «NN — воспитанник корпуса» — предложений, которые Фортунатов объявил «неграмматическими»³.

В указанной статье А. М. Пешковского (1928) есть такое рассуждение по поводу приведенного отрывка из статьи С. И. Бернштейна (напоминаю, что отрывок этот приведен у Пешковского в еще «большем отрывке», чем был приведен нами в данной работе):

«Мы видим, таким образом, что один из крупнейших русских лингвистов и мировых не разделял в этом пункте «увлечений» другого, не менее, может быть, крупного лингвиста. В чем тут дело? Только ли в «смещении письма с языком»? В 1914 году, когда я впервые в русской

³ С. И. Бернштейн. Указ. соч., 1922 — стр. 227; 1941 — стр. 464.

литературе систематически вводил описание интонационных явлений в синтаксический труд, я, не задумываясь, утвердительно ответил на этот вопрос. Теперь я отвечаю иначе. Отношения между фразной интонацией и синтаксисом гораздо сложнее, чем они мне представлялись тогда, и затруднение в приобщении фразной интонации к прочим синтаксическим признакам заключается не только в традиции и в «гипнозе письма», а и в особом характере самих фразно-интонационных явлений, резко отличимых кое в чем от всех остальных синтаксических явлений. Простое безоговорочное включение признаков фразной интонации в общий запас синтаксических признаков (формы словоизменения, служебные слова, слоговые и тактовые интонации с грамматическим значением, твердый порядок слов) так же неосторожно, как и полное изгнание ее из синтаксиса. Необходим средний путь, наметить который и составляет задачу этой статьи»⁴.

И мне вслед за А. М. Пешковским, приведенное замечание которого мне очень приятно, хотелось бы еще раз поставить тот же вопрос: «В чем тут дело?». Желание найти «средний путь» оставило А. М. Пешковского в его правильных сомнениях, и он не довел это «дело» до конца. Это сделал позднее С. О. Карцевский в 1931 г.

А «дело» здесь заключается прежде всего в том, что «дело»-то тут — несколько. Это:

- 1) язык и речь в отношении к интонации;
- 2) письменная и устная форма высказывания по отношению к интонации и синтаксису;
- 3) интонация и грамматика (в частности, синтаксис);
- 4) предложение и фраза;
- 5) фонетика и грамматика (как общая фонетика, система фонем и строение морфем и слов, так и специальная, «синтаксическая фонетика», т. е. интонация и часть грамматики — синтаксис).

Все эти пять «дел» (пять — по крайней мере!) связаны между собой, но представляют собой разные стороны и аспекты этого сложного узла.

Я думаю, что ни С. И. Бернштейн в 1922 г., ни А. М. Пешковский в 1928 г., комментируя разговор А. А. Шахматова с Ф. Ф. Фортунатовым, не связали эту тематику с сосюровской проблематикой языка и речи,

⁴ А. М. Пешковский. Указ. соч., стр. 462.

а, на мой взгляд, в этом и заключается суть разногласия двух замечательных русских ученых, где, по-моему, более передовым и более близким к истине был старший — Ф. Ф. Фортунатов, который глубже, чем Шахматов, «оценил важность вопроса». Что значит у Шахматова ссылка на Бодуэна? Неужели же Бодуэн славен тем, что «записывал устную речь»? А что Фортунатов это «проглотил»?

Вопрос здесь гораздо серьезнее, если принять антиномию — язык и речь. Когда мы фиксируем любым способом интонацию речи в ее живом изглашении, то что тут получается лингвистически? Это все равно, что простые данные любой записи «звуков речи» преподносить как систему фонетики N-го языка.⁵ Но ведь это пока что только «звуковая фотография» произнесенного без признаков системы и системности. Если мы «сфотографируем» любой кусок какого-либо речевого акта и будем эту ленту исследовать с точки зрения выявления интонации, то мы окажемся в положении того человека, который в поисках кочерыжки взял в руки кочан капусты и его оглядывает. Но понятно, что кочерыжку он так не увидит. Надо снять несколько слоев капустных листьев, чтобы добраться в конце концов до заветной кочерыжки. Конечно, и снятые капустные листья — капуста, а для некоторых целей даже «именно капуста» Но, не сняв их, кочерыжку все-таки не увидишь...

Нечто похожее на «поиски» при виде целого кочана капусты происходит и при рассмотрении фонограммы речевого акта. Невольно вспоминается блестящий феноменологический анализ восприятия речевого акта у Г. Г. Шпета в его «Эстетических фрагментах»⁵. Как тонко и умно Г. Г. Шпет «совлек» эти «листья», разложил их по «полочкам» и установил их очередность.

В живом речевом акте интонация может передавать: намерение говорящего, его подспудный «подтекст» (здоров ли он, болен ли, устал, сердит, или «что?»), его волевое побуждение высказать то, что он сказал, извилину его мысли и «ухабы его души» (выражение П. Н. Сакулина по поводу «значимости» стихов), наконец, перехват дыхания, случайный кашель или толчок икоты...

Все это к интонации языка никакого отношения не имеет и не может иметь: это даты речевого акта и только,

⁵ Г. Г. Шпет. Эстетические фрагменты, II. Пг., 1923, стр. 16—18.

во всей его «натуре». Это даже не даты речи, так как речь и речевой акт — вещи разные. А тем более — язык!

Вопросам соотношения языка и речи, еще намеченным В. Гумбольдтом и отчетливо поставленным Ф. де Соссюром, было посвящено много работ и конференций, тем более что у главного авторитета в этих вопросах, у Ф. де Соссюра, можно обнаружить много противоречий, да и комментируют их по-разному.

На конференции МГПИИЯ 1962 г., посвященной проблеме языка и речи, были такие мнения: «...язык и речь как понятия лингвистически тождественны»⁶, где отрицается сама постановка этого антиномического тезиса. Правда, большинство докладчиков на данной конференции не придерживалось такой «нигилистической» точки зрения, и эти докладчики стремились кто во что горазд распутать непростой клубок противоречий вокруг данного вопроса. Одним из наиболее содержательных и конструктивных докладов конференции был доклад Н. Д. Андреева и Л. Р. Зиндера «К понятию языка и речи», где авторы, вслед за Л. В. Щербой, выдвинули «четыре с половиной термина»: 1) язык, 2) речь, 3) речевой акт, 4) «речевой материал» и: пол-пята: «говорение».

Для разграничения языка и речи в данном докладе была приведена такая формулировка: «...язык — это совокупность в первую очередь теоретико-множественных характеристик..., тогда как речь есть прежде всего совокупность вероятностных характеристик того же речевого материала».

Допускаю, что математически — это верно, но лингвистически такое определение и не дает пищи для ума, и не может быть использовано в прикладном плане. Следующие понятия в этом докладе были определены так:

«Под речевым актом мы понимаем двусторонний процесс говорения (создание текста) и понимания». Ну, что же? С этим можно и согласиться.

«Под речевым материалом понимается последовательность материализованных знаков, создаваемая в речевом акте (звуковые волны, печатные и рукописные буквы, телеграфные и световые импульсы и т. д.)».

⁶ «Тезисы докладов межвузовской конференции на тему „Язык и речь“». М., 1962, стр. 35.

В своих возражениях докладчикам на этой конференции я говорил:

«...в необходимости термина язык с признанием его реальности, а не фиктивности существования языка как целостного явления исторической действительности и разных языков, — не надо спорить».

«Вряд ли стоит сомневаться и в существовании речевого акта... без речевого акта нельзя осуществить речевого общения, речевой коммуникации...».

«Что же касается термина речь, то как и обычно и на этой конференции в докладе Зиндера и Андреева он не получил должной четкой характеристики. Как будто бы ясно, что речь и речевой акт — это не то же самое; есть ведь устная и письменная речь, и это не акты, а скорее формы высказывания, но это и не язык — языки бывают: русский, английский, арабский и т. д., и в каждом из них есть устная и письменная форма высказывания, есть и «прямая» и «косвенная речь», и это бесспорные факты, и объективно существующие понятия, с чем должна считаться лингвистика...».

Что же касается «речевого материала», то в своих возражениях я говорил так:

«Непонятно, почему „материал“ определен как „последовательность“, непонятно и то, что же надо понимать под этим „материалом“: то ли все „материализованное“, то есть „вещное“, доступное чувственному восприятию, или же это не „вещи“, а знаки, где важны не только физические качества „вещей“, но их функциональная характеристика? А тогда, почему же это „материал“? И нужен ли вообще четвертый термин, и зачем его вводить наряду с ясными и понятными терминами язык, речевой акт и речь? Вывод из всего сказанного я резюмировал тогда так:

«Итак, суммируя все сказанное, я полагаю, что русским лингвистам надо различать три понятия и надо употреблять три термина: язык, речевой акт и речь; следует отвергнуть предложенный Л. В. Щербой термин «речевой материал», а слова «говорение» и «речевая деятельность» не считать терминами лингвистики».

Я и сейчас держусь этой точки зрения. Добавлю еще, что тот же докладчик, который утверждал в 1962 г. «тождественность языка и речи», несколько иначе сформулировал ответ на этот вопрос в тезисах к конференции по

проблемам «язык и речь» в 1971 г.: «Одним из аргументов в пользу расщепления реального языка на два объекта — язык и речь — является указание на тот факт, что конкретное речевое высказывание представляет собой количественно ограниченный отрезок, а язык — всеобъемлющую систему, вследствие чего качественно определенный язык (?А. Р.) не может якобы быть суммой всех речевых актов...»⁷ И опять неясно: что же такое, по мнению данного докладчика, речевой акт в отличие от речи?

Для данной работы важно установить, что речь — и не язык и не речевой акт, а форма осуществления языка в том или ином виде общения людей.

Итак, в письменной речи (где нет места «страстям-мордастям» устного разговора) предстает для лингвиста более «очищенный» язык, о чем, видимо, думал Фортунатов в приведенном выше разговоре двух ученых. Именно в письменной речи аннулируется все то, что свойственно «накладкам» речевого акта, отводящим от языка и нужным больше психологам, а отнюдь не лингвистам.

Тогда встает законный вопрос: а может ли интонация соотноситься с языком? Может ли интонация, такой живой факт именно речи и даже колоритнейший узор речевого акта, может ли она быть фактом языка? А ведь ответ лежит не только в области синхронной абстракции, но и в плане исторической реальности?

Может. И должна. Иначе она — не факт языка!

К вопросу о том, как интонация связана с устной и письменной формой высказывания, мы вернемся несколько позже. А по поводу того, что такое «интонация языка», надо сразу объясниться.

В статье С. О. Карцевского «Sur la phonologie de la phrase»⁸, кроме всех удивительно точных и интересных соображений, что есть предложение — грамматический факт и фраза — фонологический факт, имеется одно частное и чисто фактическое положение, как интонировать счет? Вот это соображение Карцевского: «Почему не присоединить сюда также соображения о том, как мы интонируем цифры, например: 48. 875. 43» (стр. 203).

⁷ «Научная сессия по проблеме «язык и речь» (тезисы докладов). Тбилиси, 1971, стр. 23.

⁸ S. Karcevski, Sur la phonologie de la phrase. — TCLP, IV, 1931.

У Карцевского это фрагментарное замечание, но из него вытекает очень интересный и практически, и теоретически тезис: как интонируется в том или ином языке перечень цифр? Есть ли такая закономерность? В своих лекциях по «Введению в языковедение» и в моих книгах «Введение...»⁹ я всячески рекомендовал для того, чтобы уловить «нейтральную» интонацию простого *pagratio*, как это называли, бывало, римляне, сравнивать произнесение натурального ряда чисел, т. е. интонационную манеру счета, в разных языках. В таких примерах «сняты» всякие эмоции, особые модальные задания, желания, приказания, возмущения и т. п. Налицо — чистый нейтральный репортаж. А «считают», с точки зрения интонации, люди разных языков, действительно, по-разному.

Можно сделать еще один эксперимент: создать текст по образцу щербовской «Глокой куздры», только более длинный, но для его правильного интонирования пришлось бы в этом «тексте» расставить знаки пунктуации. А тогда возникает новый вопрос: как могут соотноситься знаки пунктуации и факты интонации? Это далеко не ясно, и мнения об этом соотношении весьма различны¹⁰.

Но так или иначе — проведение такого эксперимента с полной элиминацией «содержания» и всего, что его в речи сопровождает, позволило бы описать то, что Б. В. Томашевский называл «голой интонацией», на одном каком-нибудь неосмысленном звуке — «мычании», обозначаемое в письменной речи через «гм» с разными знаками препинания и обуславливающим значение контекстом»¹¹.

Конечно, «голое мычание» на «гм» и «Глокая куздра» — не то же самое, «Глокая куздра» — семасиологичнее, но важно то, что лексическая семасиологичность и там и тут элиминирована, а словоизменительная морфология и пунктуация в «Глокой куздре» — нормальны и дают ключ к «нейтральной интонации» данного языка, независимо от конкретного акта речи.

⁹ См.: А. А. Реформатский. Введение... 1947, стр. 98; 1955, стр. 153 и 240; 1960, стр. 153 и 252; 1967, стр. 187 и 310—311.

¹⁰ См.: Н. С. Поспелов. Основы русской пунктуации. «Русский язык в школе», 1936, № 4; Л. В. Щерба. Пунктуация. «Литературная энциклопедия», т. 6, 1937.

¹¹ Б. В. Томашевский. Ритм прозы. — Сб. «О стихе». Л., 1929, стр. 277.

Пока что я намечал пути, как избавиться от «предложения» и вообще от «грамматики», чтобы прийти к фразе как факту фонетики и чтобы осмыслить фразу фонологически.

Здесь в основе есть уже упомянутая замечательная статья С. О. Карцевского «Sur la phonologie...», к сожалению, по непонятной небрежности редакторов и составителей тома, посвященного трудам Пражской лингвистической школы, не переведенная на русский язык (хотя есть подозрение, что имеется ее русский авторский вариант!). Как и все, что писал С. О. Карцевский, эта статья написана не только умно и интересно, но и исключительно изящно. Но... в ней есть много не только афоризмов, но и парадоксов, которые смущают не только традиционно-банальные умы, но и умы тонкие и просвещенные. Но в этих парадоксах Карцевского стоит разобратся и понять его главную идею.

Главный пафос Карцевского сосредоточен на том, чем и как отличается «план предложения» и «план фразы». Он пишет: «Мы изучаем здесь фонологию фразы, т. е. совокупность фонетических явлений, которые отличают фразу от других единиц языка, таких, как синтагма, слово...» (189). «...фраза не должна обязательно иметь форму предложения. Фраза вообще не имеет ничего общего с грамматикой...» (189). И в другом месте та же мысль: «Часто говорят ...о „грамматическом акценте“, но мы не будем пользоваться этим термином, убежденные в том, что интонация не имеет ничего общего с грамматикой» (202). Карцевский всячески подчеркивает фонетический характер фразы: «Фраза — единица актуализированной коммуникации. Она не обладает собственной грамматической структурой. У нее есть особая фонетическая структура, которая состоит в интонации. Именно интонация создает фразу» (190).

Так же как и Б. В. Томашевский, С. О. Карцевский устремлен к поискам «чистой интонации» (у Томашевского «голой»): «Можно также наблюдать чистую интонацию, освобожденную от семантических пут. Обширное поле для наблюдателя представляют поистине алгебраические символы фраз различные интонации *gm*, *угу*, *hт*» (203). Совпадение с приведенными выше соображениями и примерами Б. В. Томашевского поразительное, а, как известно, две точки дают линию. И эта «линия» прежде всего

в том, чтобы признать фразу не грамматической, а фонетической единицей, которую конструирует интонация. А тогда уже можно ставить вопрос о слагаемых и составляющих эту единицу и решать проблему «интономы» (или лучше — просодемы, см. ниже);

2. Составляющие фразы

Ни одному здравомыслящему фонологу (самому даже заядлому «морфематисту» московской ориентации) не приходило на ум отождествлять фонему и морфему, хотя вне морфем, не в качестве компонентов морфем — фонемы немислимы. То же, *mutatis mutandis*, можно сказать и о соотношении предложения (или синтагмы вообще) и фразы.

Вне звуковой материи не может быть «слова», т. е. речевой репрезентации языка, но лингвист исследует не самую «природную материю», а ее семиотическое использование в акте коммуникации.

Для того чтобы осуществилась коммуникация между людьми, нужны «знаки-диакритики», те знаки, которые можно чувственно воспринять, и тем самым воспринять информацию в них заложенную. Знаковая природа языка отнюдь не исчерпывается этими «знаками-диакритиками». Есть в нем и более сложные знаки: морфемы, слова, предложения — «знаки-символы». Весь язык строится на знаках, и эта семиотическая реальность должна быть индикатором для постижения через язык и жизни, и быта, и истории, и прочего... (см. подробнее: А. А. Реформатский. Введение в языковедение... 1967, стр. 23—24 и «Из истории отечественной фонологии». М., 1970, стр. 42).

Но все это уже «за языком». Надо всякий раз начинать с языковых фактов: есть фонемы, морфемы, лексемы, синтагмы... Больше ничего в языке не бывает и не может быть. И тем не менее язык оказывается тем стержнем, на котором держится все, что связано с культурой, да и с бытом и с самой простой жизнью, без этого нет человека и человеческого общества (а человек немислим вне общества, он, по Аристотелю, «общественное животное». Тем самым исследование первичных возможностей человеческой коммуникации есть одно из важных «полей» исследования самого языка. Я хочу остаться в пределах

этого габарита и ареала, прекрасно понимая, что язык — это историческая данность, а не эмпирический факт речи и тем более речевого акта.

А интонация — это прежде всего сугубая принадлежность именно речевого акта, прямого высказывания; в худшем случае — речи... А я ищу интонацию языка как закономерную структурную единицу, как то, что «актуализирует фразу» (Карцевский), то, что в коммуникации создает «подлинность» информации и ее достоверность. В этой котроверзе — большая трудность. Надо расслоить «листы капустного кочана», надо найти «кочерыжку» и тогда понять, что же принадлежит языку?

Если согласиться с Карцевским, что «фраза — единица актуализированной коммуникации» и что «именно интонация создает фразу», а тем самым у фразы «есть особая фонетическая структура» (стр. 190), то следует изучать прежде всего интонацию как явление фонетики, без оглядки на ее функции в грамматике и в лексике, так же как изучают и описывают «звуки речи», не выдавая их за «фонемы» и даже не за «звукотипы», т. е. регистрируя их слуховым, а также инструментальным методом экспериментальной фонетики, измеряя и превращая полученные результаты в «кривые» и диаграммы, чтобы потом подвергнуть их настоящей фонологической интерпретации. Тогда раз и навсегда следует отказаться от пресловутых «грамматических характеристик» типа: «интонация сложного предложения», «интонация распространенного предложения», «интонация осложненного предложения» и т. п. В связи с этим мне хочется отметить одно парадоксальное место в интересной работе Т. М. Николаевой «Интонация сложного предложения»¹²:

«Настоящая книга носит название „Интонация сложного предложения“, однако автор не только не убежден в существовании специфической интонации сложного предложения, но твердо верит в обратное — в интонационной сфере есть свои типы и формы отношений между элементами речи, и они не соотносятся, во всяком случае единообразно, с традиционными единицами синтаксиса» (стр. 5). И еще: «Разумеется, цель научного исследования содержательной стороны просодии — изучение между интонационными, а не синтаксико-сегментными еди-

ницами. И поэтому, при строгом подходе, название настоящей книги («Интонация сложного предложения») неточно и в известной мере неграмотно» (стр. 17).

Присоединяясь к самокритическим словам цитированных отрывков и будучи готовым к ним еще многое прибавить в том же духе, я не понимаю все же заглавия этой книги и вообще использования грамматических терминов в ее тексте, особенно в приложении к разным языкам, где а priori ясно, что интонация должна быть разной, и не может быть «единой обязательной определенного типа предложения» в различных славянских языках, как нет у них «общей фонематической модели» ни на фонематическом уровне, ни на мерисматическом.

Итак, исходя из плана фразы при изучении интонации, считая фразу понятием фонетическим, а не грамматическим и полагая, что просодический уровень в фонологической иерархии является не сегментным, а суперсегментным, что интонация накладывается на фонемно-линейный ряд («накладывается на готовый набор фонем» — П. С. Кузнецов, см. ниже), на то, что называют «звуковая цепь», нужно определить составляющие этой «накладки», определить эти интонационные единицы и их соотношения. Здесь мы встречаем в литературе различные термины, которые пересекаются, но чаще не перекрывают друг друга; таковы термины «синтагма», колон, полу-фраза, каданс (или каденция), полукаданс, антикаданс, фразовое ударение и, наконец, «интонома» (или, что лучше, просодема).

Прежде чем разобраться в ассортименте этих терминов и соответствующих им понятий, нужно решить вопрос о том, что представляют собой «сегменты», «участки», «периоды», т. е. «составляющие» интонации, что же это: континуум или же они дискретны? Как ни странно, но в наше время в связи с успехами электроакустической методики экспериментальной фонетики эти вопросы стало решать труднее, чем в «старое доброе время», когда ни у кого не возникало сомнения в членимости звуковой цепи. Сейчас же, когда эксперименталисты показали, как зыбки границы «звуков речи», как рекурсии предшествующих «звуков» накладываются на экспансии последующих, какая царит в этой области антиципация, как свойства согласных отражаются в соседних гласных, как на протяжении данного звена звучащей речи свойст-

¹² Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения. М., 1969.

ва того или иного «звука речи» могут и усиливаться, и ослабляться вплоть до полного исчезновения (например, свойство звонкости шумных согласных в различных позициях и окружениях), когда можно слышать скептические рассуждения насчет дискретности даже фонемных единиц линейной цепи и утверждения, что сама эта цепь — континуум, а не серия дискретных единиц (что, очевидно, справедливо, если оставаться на фонетическом уровне наблюдения, но что совершенно иначе надо разяснять на фонематическом уровне при правильной фонологической интерпретации фонетических фактов), тем более трудно доказать, что явления интонации действительно единицы, обладающие дискретностью и могущие быть охарактеризованы через свои мерисмы и, в частности, через свои дифференциальные признаки. Если же этого не пытаются сделать, то вообще надо отказаться от объективно-фонологического исследования интонации, хотя в лингвистике известно, что всякое лингвистическое целое членимо и доступно описанию и в целом, и в частях его составляющих, памятуя, что «целое было раньше своих частей».

Примем пока что за аксиому дискретность элементов «интонационного континуума», а затем, разобравшись в его «составляющих», еще раз вернемся к этому вопросу.

Итак, разберемся в вышеперечисленных терминах «интонаетики» (пожалуй, лучше — просодики).

3. Разные мнения в толковании термина «синтагма»

1. Термин «синтагма». Этот термин сознательно взят в кавычки, так как я привык с этим термином связывать совершенно иное понятие, чем то, которым пользуются, увы, многие, рассуждая об интонации. Термин «синтагма» и его первичное толкование идут от Соссюра. Но само объяснение термина «синтагма» и происшедшие от этого термины «синтагматические ряды» (разумеются — линейные отношения) и «ассоциативные ряды» (то, что теперь называют «парадигматические отношения») мало проясняют и даже затрудняют понимание того, что же такое синтагма.

В данном вопросе (об интонации) очень важно показать, что интонация — явление не синтаксическое, что

единицы синтаксиса: словосочетание вообще не может обладать интонацией, а предложение может, но лишь через фразу, а не само по себе. Уже поэтому термин синтагма как термин интонационный — не годится. М. Граммон, а вслед за ним и Л. В. Щерба еще больше запутали это дело.

В книге «Фонетика французского языка» Л. В. Щерба так определяет употребляемый им термин «синтагма» (беру слово в кавычки, ибо думаю иначе, чем Лев Владимирович):

«...фонетическое единство, выражающее единое смысловое в процессе речи-мысли и могущее состоять из одной ритмической группы, так и из целого ряда их, я называю синтагмой»¹³.

К этому имеется сноска:

«Термин этот я заимствовал у Бодуэна де Куртенэ (с его разрешения), который употреблял его просто в смысле «слово»... Во всяком случае я употребляю этот термин в другом смысле, чем Соссюр» (стр. 81). К сказанному у Л. В. Щербы имеются еще следующие пояснения:

«Некоторые французские фонетики называют синтагму дыхательной группой (*group de souffle*. — P. Passy), желая подчеркнуть, что внутри подобной группы нельзя сделать паузы для вдоха... Надо, однако, иметь в виду, что после синтагмы пауза и вдох возможны, но неизбежны. Поэтому, хотя термин *group de souffle* и не является неправильным, однако он совершенно скрывает смысловую природу явления» (стр. 81).

«...синтагма и ритмическая группа совпадают по своим функциям (выражать единое целое в процессе мысли-речи) и различаются лишь по форме, чем и объясняется вышеуказанное стремление разговорной речи делать из одной синтагмы одну ритмическую группу» (стр. 81).

И еще одно замечание на следующей странице:

«Синтагмы как в русском, так и во французском могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями... и в конце концов образуют фразу — законченное целое, которое может состоять из одной синтагмы и которое нормально характеризуется конечным понижением тона» (стр. 82).

¹³ Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 2-е. Л., 1939.

Следует прежде всего отметить, что Л. В. Щерба дает эти определения и разъяснения в книге, посвященной фонетике, а не грамматике, что он соотносит термин «синтагма» с явно фонетическими терминами: дыхательная группа, ритмическая группа, что, учитывая разные мнения по поводу этого явления и термина, Л. В. Щерба не обращается к тем ученым, которые определяют «синтагму» как явление грамматическое (Соссюр, Бали, Карцевский, причем Л. В. подчеркивает, что употребляет термин «синтагма» «не как Соссюр»). Обращается же Л. В. Щерба к фонетистам (П. Пасси). Из всего этого следует, что Л. В. Щерба мыслил себе понятие «синтагмы» прежде всего в области фонетики, а отнюдь не в области грамматики¹⁴.

Затрудняет в приведенных определениях то, что это фонетическое понятие должно обладать еще одним признаком: «выражать единое смысловое целое в процессе мысли-речи». Упоминание два раза на одной странице «речи-мысли» вносит новое затруднение: является ли «синтагма» Щербы единицей а) мысли, б) речи или в) языка? а ведь эти три области или сферы даже не уровни одной структуры, а разные структуры! И еще одно затруднение, приведенное в последнем рассуждении Л. В. Щербы: «Синтагмы... могут объединяться в группы высшего порядка с разными интонациями... и в конце концов образуют фразу, законченное целое» (стр. 82). Что разумеет Л. В. Щерба под термином «фраза»? И в каком смысле «фраза есть законченное целое»? Фонетически? Грамматически? Семантически? Могут ведь быть различные «законченные целые» на разных уровнях структуры языка. Поскольку грамматических терминов «сло-

восочетание», «предложение» Л. В. Щерба не упоминает, надо думать, что это «законченное целое» — явление не грамматического порядка, а опять же «фонетико-смыслового», но как же быть тогда со знаменитой и прелестной «Глокой куздрой», замечательной грамматической моделью, изобретенной в час вдохновения Львом Владимировичем? «Глокая куздра» обладает и фонетическими, и грамматическими единствами, а вот «смысловых единств» в ней не удастся обнаружить, хотя ей присущи и «синтагмы» Щербы, и синтагмы Карцевского!

Отмечая все противоречия, присущие употреблению и определениям термина «синтагма» у Л. В. Щербы, невольно удивляешься, как легко берут без должной критики некоторые авторы «щербовскую синтагму» (я имею в виду такие работы, как: Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М., 1963, стр. 159, сноска 3; Т. М. Николаева. Интонация сложного предложения. М., 1969, стр. 14. А книги-то в общем хорошие!).

2. Иным способом использованы воззрения Л. В. Щербы у В. В. Виноградова в его статье «Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка»¹⁵.

В. В. Виноградов писал: «Единственная теория синтагм, с которой, по-видимому, следует посчитаться советскому лингвисту, — это теория, основы которой заложены акад. Л. В. Щербой» (стр. 205). А несколько ранее В. В. Виноградов об этом говорил так: «Термин синтагма появился почти одновременно в нашей отечественной и буржуазной западноевропейской лингвистике, но здесь и там — в совершенно различных значениях...» (стр. 184). «Название синтагма было первоначально применено проф. И. А. Бодуэном де Куртенэ к слову в связной речи. В этом значении синтагма противопоставляется лексеме, т. е. изолированному слову...» (стр. 185). «Бодуэновское словоупотребление не привилось в русской лингвистической литературе, так как ближайший ученик Бодуэна де Куртенэ — акад. Л. В. Щерба придал термину синтагма совсем другое значение. Для Л. В. Щербы синтагма — это предельная основная синтаксическая единица в процессе мысли-речи, выражающая единое смысловое целое

¹⁵ В. В. Виноградов. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., Учпедгиз, 1950.

¹⁴ Правда, в последней опубликованной статье Л. В. Щерба писал несколько иначе: «...многие так называемые «сложные слова», например немецкого языка или санскрита, являются в этих языках словами лишь по форме, а по существу будут соответствовать тем простейшим единицам «речи» (parole), которые я называю синтагмами: большинство сложных слов этих языков делается в процессе речи и не входит в репертуар «языка» как системы» (Л. В. Щерба. Очередные проблемы языковедения. «Избр. работы по языкознанию и фонетике». Л., 1958, стр. 9; первоначально опубликовано в «Известиях АН СССР, ОЛЯ» 1945). Данное определение «синтагмы» касается уже «внутренних синтагм», по Карцевскому, и не имеет никакого отношения к фонетике. Вот поневоле и вспомнишь любимую присказку Льва Владимировича: «А может быть, и наоборот».

и фонетически сплоченная усилением последнего словесного ударения (следовательно, особым синтагматическим ударением)» (стр. 185).

Если для Л. В. Щербы, по словам В. В. Виноградова, «синтагма — это предельная синтаксическая единица», т. е. единица грамматики, то почему же Л. В. Щерба свое учение о синтагме излагает не в грамматике, а в фонетике? И сопоставляет не с законными единицами грамматики: предложениями и словосочетаниями, а с единицами фонетическими (ритмические и дыхательные группы)?

Можно согласиться с В. В. Виноградовым, что «...внутренние противоречия и неясности в определении синтагмы, свойственные учению акад. Щербы, неразработанность теории синтагм — все это отразилось на разнообразном понимании осмысления этого термина у советских языковедов» (стр. 185). Но все-таки надо прежде всего решить: единицей какого же языкового яруса является синтагма? Грамматического или фонетического? Неужели же неясно, что первой задачей стратификации и определения иерархии языковых единиц является установление того яруса структуры языка, к которому мы должны отнести тот или иной факт и более сложное явление?

Новый поворот темы о синтагме возникает в следующем заявлении В. В. Виноградова: «Основоположителем советского учения о синтагме является акад. Л. В. Щерба. Проблема синтагмы встала перед Л. В. Щербой в связи с его интересом к изучению живой произносимой речи и к общим проблемам фонетики» (стр. 207). Я не продолжаю этой цитаты, но и не обрываю ее, так как сказанного достаточно. Но это еще не все; когда В. В. Виноградов определяет свое понимание синтагмы, то это оказывается совсем не то, что было у Л. В. Щербы... В. В. Виноградов писал:

«Подводя итоги взглядам Л. В. Щербы на синтагму, можно прийти к следующим выводам:

1) Синтагма — понятие не столько фонетическое, сколько синтаксическое и семантическое. Синтагмы образуются лишь в процессе речи для обозначения сложных понятий, возникающих в нашей мысли и отражающие кусок воспроизводимой действительности. В языке нет зафиксированных синтагм. Синтагмы являются творчеством, продуктом речевой деятельности человека. Синтагмы не даны в языке в готовом виде, как слова, хотя,

естественно, правила и возможности их образования обусловлены, как бы предуказаны, заложены в языке» (стр. 211).

Конечно, вопрос о том, сказать ли: «Я ел осетрину», или: «Я ем осетрину», или же: «Я буду есть осетрину», или даже: «Я съел бы осетрины», «Эх! Как бы осетринки поестъ» и прочее зависит от ситуации речи, но язык имеет готовый набор реализаций этих возможностей, которые диктуются правилами грамматики данного языка. Отсюда выражение Л. В. Щербы «в речи-мысли» только затемняет суть дела: «в речи» или «в языке»? Это не то же самое. Единицы языка существуют в самом языке, но если это синтаксические единицы, то они могут получать любое лексическое «наполнение»: можно не «съесть», а «поймать», и не «осетра», а «судака» — от этого синтаксическая модель не меняется, но в языке эта модель имеется!

2) «Синтагма наполняется конкретным смысловым содержанием лишь в контексте речи.. Синтагма — компонент речи... Этим синтагма отличается от словосочетания или «группы слов», образованной по законам данного языка» (стр. 211). Итак, синтагма, по В. В. Виноградову, — элемент речи, а не языка.

3) «Синтагма как основная семантико-синтаксическая единица речи меняет свой строй в зависимости от своеобразий данного стиля. Синтагма — категория активного и притом стилистического синтаксиса...» (стр. 211). Этот пункт добавляет еще одну характеристику «синтагмы» В. В. Виноградова — стилистическую, чего нет у Л. В. Щербы, и, безусловно, не могло быть у тех, кто ведет линию: Соссюр — Карцевский — Бали.

4) «Синтагматическое членение речи нельзя смешивать с традиционным делением предложения на «члены предложения». Однако состав и строй синтагм, общие правила их образования, конечно, зависят от способов сочетания слов в данном языке, от их связей и функций в предложении, от строя предложения и его членов, от принципов образования словосочетаний» (стр. 212). Это высказывание В. В. Виноградова не столько вносит ясность, сколько запутывает дело... Но все-таки остается «ясным», что «синтагма» В. В. Виноградова: 1) не фонетическая единица, 2) не «соединение двух членов, связанных известным отношением» (ARB по формуле «логики отношений»), 3) не единица языка (хотя и зависимая от единиц и отно-

шений языка), 4) не то, о чем писал Л. В. Щерба, 5) искать ее следует не в фонетике, не в грамматике, а в стилистике, т. е. скорее всего лингвистике с ней делать нечего, во всяком случае «лингвистике языка».

3. Этот большой экскурс был нужен для того, чтобы, опираясь не только на неясную формулировку значения термина «синтагма» у Л. В. Щербы, но и наконец прояснившуюся формулировку В. В. Виноградова, — не употреблять термина «синтагма» в фонологических исследованиях фразы и интонации.

Т. М. Николаева в упомянутой уже книге об интонации сложного предложения пишет: «В русской лингвистической традиции укрепилась идея Л. В. Щербы об основной интонационной единице — синтагме. Синтагма — факт не только акустико-физиологический, но и собственно лингвистический, поскольку границы между синтагмами не произвольны и определяются в значительной степени теснотой связи между составляющими синтагму компонентами» (стр. 14—15). Это «пояснение» еще больше убеждает нас в том, что «синтагма» Граммона — Щербы — Виноградова, при всем различии их толкований, может только путать того, кто по-настоящему желает исследовать интонацию...

Я уже много приводил различных мнений о «синтагме», падо же наконец поговорить и о синтагме, чтобы в данной работе проститься с ней до встреч на грамматическом поле.

Вот что говорил о синтагме С. О. Карцевский: «...комбинации определяемого и определяющего называются синтагмой»¹⁶.

Синтагмами, по Карцевскому, могут быть и сочетания слов (*маленький мальчик, мальчик читает, читает книгу, большую книгу* и т. п.) — это внешние синтагмы; и сложные и производные слова (*водовоз, учитель, домик, медвежонок* и т. п.) — это внутренние синтагмы. И то и другое объединяет наличие двух элементов, двух членов, связанных ролью определяемого и определяющего. Синтагматическое родство синтагм-словосочетаний и синтагм-дери-вативов и сложных слов наглядно обнаруживается, например, в тех случаях, когда можно внешнюю синтагму свести к внутренней: *зачётная книжка — зачётка, Треть-*

¹⁶ С. О. Карцевский. Повторительный курс русского языка. М.—Л., Госиздат, 1928, стр. 24.

яковская галерея — Третьяковская, Александринский театр — Александринка, двухствольное ружье — двухстволка и т. п.; род определяемого при этом в русском языке не играет роли: внутренняя синтагма, полученная через сведение (иначе — сжатие; у чехов это называется универбизация, что не подходит русской грамматической терминологии, так как «превращение в одно слово» (*univerbizacija*) может быть и другого типа, например *водовоз, дровосек*, а, кроме того, корень *Verb* связан в русском не «вообще со словом», а с глаголом, ср. *девербатив* «отглагольное образование»). Интересно, что при настоящем сведении роли членов синтагмы меняются: основа определяющего становится определяемым членом, а в роли определяющего выступает форманта *-ка*. Внешние синтагмы — это «словосочетания» в грамматической теории Ф. Ф. Фортунатова, но Фортунатов не сопоставлял с ними то, что Карцевский обозначает термином «внутренняя синтагма».

В цитированной уже статье С. О. Карцевского о фонологии фразы тоже упоминается и синтагма, но лишь для того, чтобы показать, что понимаемая в указанном смысле синтагма не имеет отношения к фразе и интонации: «Мы изучаем здесь фонологию фразы, т. е. совокупность фонических явлений, которые служат для различения фразы и других единиц языка, таких, как синтагма, слово и т. д.» (стр. 189).

Независимо от Карцевского, на тех же позициях стояли и Б. В. Томашевский, тем более что работа Карцевского была написана позднее работ Томашевского. В статье «Ритм прозы» Б. В. Томашевский писал: «..легко отождествлять ритмические единицы (колоны) с синтаксическими единицами (синтагмами). Однако это отождествление имеет значение чисто фактического совпадения двух принципиально разных явлений. Колон потому на самом деле совпадает с синтагмой, что ритм прозы воспроизводит синтаксис, так как не имеет средств к самостоятельному самоутверждению вне показаний графического синтаксиса. Но это совпадение подобно тому совпадению, которое мы замечаем между графическим и семантическим словом...»¹⁷. К этому высказыванию есть у Томашевского примечание, поясняющее, как Б. В. Томашевский пони-

¹⁷ Б. В. Томашевский. Ритм прозы, стр. 309—310.

мает термин синтагма: «Употребляю термин, применяемый проф. Л. В. Щербой в его учении о русском синтаксисе. Однако, ввиду отсутствия законченного изложения этой системы, я не имею возможности отождествлять значение этого термина в системе Л. В. Щербы с тем значением, которое придаю ему я. Так как моей задачей вовсе не является построение особой системы синтаксиса, то я не могу развивать здесь определения «синтагмы» в своем понимании. Ограничусь указанием, что синтагмой я называю единицу речи, выделяемую при помощи приемов, родственных школьно-грамматическому «разбору» предложения...»¹⁸. Конечно, под «школьно-грамматическим разбором» здесь разумеется «выделение пар слов, связанных отношением определяемого и определяющего», т. е. именно синтагма в смысле Карцевского. Это еще подкрепляется следующим соображением: «Я сказал, что одним из факторов, определяющих структуру ритма, является согласование и порядок слов. Если поставить эти два фактора в противоречие друг с другом, то синтагматическое членение сохранится, но синтагма окажется раздробленной расстановкой слов (инверсией), и колон совпадать с ней не будет. Напр., «в комнате дубовый поставил стол». Единство синтагмы «дубовый стол» не разрушается тем, что элементы этой синтагмы разорваны, но ритмически объединение этих двух слов в единый колон невозможно»¹⁹. Понимание термина синтагма у Томашевского из приведенных высказываний — ясно. А как же он определяет термин колон? Вот как: «...устойчивость фонационного объема речевого периода дает основание заключить, что ритмическим периодом является в прозе именно речевой колон, «обособленный член предложения», ограниченный разделительными интонациями. Это явление довольно подробно описал Востоков в «Опыте о русском стихосложении», напечатанном в 1871 г. Речевые колоны он именовал «прозодическими периодами» (стр. 98 и сл.) и так же, как и Пешковский, видел в этих периодах одно главное (фразовое) ударение»²⁰.

К сказанному есть сноска: «В системе проф. Л. В. Щербы речевой колон, или, по его терминологии «синтагма», играет основную роль» (стр. 267).

¹⁸ Б.В. Томашевский. Ритм прозы, стр. 309—310, сноска 2.

¹⁹ Там же, стр. 311.

²⁰ Там же, стр. 266—267.

Отвергая термин «синтагма» при исследовании фразы и интонации и признавая правильными соображения Б. В. Томашевского, я отнюдь не настаиваю на употреблении термина колон и не буду добиваться его внедрения: он мало популярен, мало употребляется, морфологически он изолирован, даже просто — он мало известен, хотя понятие, за ним стоящее, очень нужно при анализе суперсегментного уровня фонетического (или: фонологического) яруса структуры языка. Важно другое: как бы ни называть данное явление (только не «синтагма!»), — фраза членится на периоды, и эти периоды являются составляющими фразы.

Чтобы закончить вопрос о понимании понятия синтагма, не нужного при анализе фразы, приведу еще одно, более позднее, мнение одного известного французского лингвиста, Ж. Фурке:

«Nous sommes ainsi amenés à définir le syntagme en termes d'arbre (tree), non en termes de chaîne. Nous dirons: c'est l'unité supérieure qui résulte de la connection linguistique de deux unités linguistiques, quelle que soit la position dans la chaîne des deux unités considérées et de leur parties. Les deux unités peuvent n'être pas contiguës dans la chaîne, et être fermée d'éléments discontinus» (стр. 68.) «Le syntagme ainsi défini est une grandeur abstraite, résultat d'une analyse linguistique (syntaxique) (à l'axe paradigmatic, dans le vocabulaire de F. de Saussure)» (стр. 68)²¹ *.

«La rigueur avec laquelle certains structuralistes américains s'en tiennent à l'analyse de la chaîne, comme la seule donnée positive, pour échapper au reproche de mentalisme ne nous paraît pas justifiée» (стр. 71, sous la ligne) **.

²¹ J. Fourquet. Problématique du syntagme. «Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.

* «Итак, мы пришли к тому, чтобы определить синтагму в терминах дерева (tree), а не в терминах цепи. Мы скажем, что это более высокая единица, происходящая из лингвистического соединения двух лингвистических единиц, какое бы они ни занимали место в цепи и каково бы ни было положение этих двух единиц и их частей. Эти две единицы могут и не быть смежными в цепи, а могут быть и прерваны» (стр. 68). «Определенная так синтагма — величина абстрактная, результат лингвистического (синтаксического) анализа (... на парадигматической оси, в терминологии Ф. де Соссюра)» (стр. 68).

** «Упорство, с которым некоторые американские структурали-

4. Прочие термины, употребляемые при анализе фразы

1. Полуфраза — не очень точный термин, так как интонационное распадение фразы может быть и более, чем на две единицы, а тогда «полу-» — уже нелогично. По сути же дела «полуфраза» — это тот же колон, т. е. известный отрезок или период в составе фразы.

2. Термин каданс (каденция), антикаданс, полукаданс, употребляемые Карцевским, иного порядка: это скорее не «отрезки» или периоды, а пути направления и «движение» интонации внутри фразы и ее периодов. Думаю, что по соображениям чисто терминологическим каданс предпочтительнее, чем термин каденция, хотя бы в связи с возможностями деривативного словообразования прилагательных, наречий, глаголов.

3. Следует еще кое-что сказать о терминах фразовое и логическое ударение. Само словесное ударение, что подлечит ведению акцентологии, — явление суперсегментное, что прекрасно показано в работах Курыловича, Кузнецова и многих других исследователей. Оно, конечно, входит в понятие интонации наряду с интенсивностью, мелодикой, долготой и тембром, но сейчас мы имеем в виду иное явление, которое связано не со словом, а с фразой, хотя бы данная фраза состояла из одного слова.

Фразовое ударение — это главное ударение из серии ударений образующих фразу слов. Если исключить так называемое логическое ударение и взять фразу повествовательного, нейтрального стиля репортажа (интонация нормального, но отнюдь не манерного! репортажа диктора радио или телевидения), то словесные ударения на протяжении фразы будут неравноценны, а какое-нибудь должно быть главным, наиболее значительным, — это и будет фразовое ударение. Б. В. Томашевский в указанной выше работе писал: «Фразовое ударение в письменной речи есть динамический центр колона, занимающий в нем вполне определенное место»²². И несколько ранее: «...фразовое ударение... теряет свое «знаменательное» значение в письменной речи и превращается в чисто ритмическое средство членения речи»²³.

сты держатся анализа цепи, чтобы избежать упрека в ментализме, нам не представляется обоснованным» (стр. 71, в сноске).

²² Б. В. Томашевский. Ритм прозы, стр. 308—309.

²³ Там же, стр. 308.

Для русской повествовательной фразы — это ударение последнего слова фразы, независимо от того, какая это часть речи и что это слово значит. Ср. примеры: «*Это была явная глупость*» и «*Это была глупость явная*», «*Это Иван Никитич Петров*» и «*Это Петров Иван Никитич*», где фразовое ударение падает на слова: *глупость*, *явная*, *Петров*, *Никитич*, причем это выражается кроме усиления интенсивности еще и в резком понижении мелодики на ударных слогах этих слов (*глу-*, *яв-*, *-ров*, *-ки-*), а вовсе не «на последнем слоге», как это часто излагают в элементарных руководствах по «технике речи»: если последний слог (или: последние слоги) фразы не имеет ударения на себе, то этот слог (или: эти слоги) «выправляются» к нейтральной линии мелодики.

В разных языках «законное место» фразового ударения различно. Об этом писал Ю. Р. Курылович: «В фонетике в одних языках интонация является положительной на второй части (например, в славянском или латышском), в других на первой части (в литовском)»²⁴.

А что же собою представляет «логическое ударение»? На этот вопрос Б. В. Томашевский отвечает так: «Возможно, понятно, и в письменной речи логическое ударение, но оно воспринимается как смещение фразового ударения с предопределенного ему ритмически положения: логическое ударение в письменной речи определяется своим положением в ритмическом колоне и представляет собой не что иное, как фразовое ударение, встретившееся не на своем месте»²⁵.

Суждения Б. В. Томашевского о соотношении фразового и «логического ударения» мне кажутся вполне убедительными, но ограничение всех этих отношений лишь письменной речью мне не вполне понятно: и в устной нейтральной референции налицо те же отношения, если к ним не примешивать эмфазу и иные «мешающие моменты». А это и в «письменной речи» Томашевского есть *implicite*, но «акцент» поставлен не так; ведь если брать «голую интонацию» языка, то можно брать письменную речь и устную (вспомним разговор Шахматова с Фортунатовым, см. выше), только при этом следует избегать

²⁴ Ю. Р. Курылович. Эргативность и стадильность в языке. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1946, т. V, вып. 5, стр. 393 (перепечатано в сб.: «Очерки по лингвистике». М., 1962, стр. 132).

²⁵ Б. В. Томашевский. Ритм прозы, стр. 309.

«накладок»; оправдание у Томашевского в том, что он исследует в своей работе не интонацию вообще и не язык, а «ритм прозы»... Однако при некоторых расхождениих с ним все же его анализ этих вопросов — самый тонкий и продуктивный.

Кстати, о месте фразового ударения в русском языке. Интересно, что при образовании аббревиатур и даже сложносокращенных слов в русском языке фразовое ударение превращается в словесное, сохраняя то же конечное место, ср. «Выставка достижений народного хозяйства», — фразовое ударение на слове «хозяйства», а в аббревиатуре: ВДНХ [вэдээнхá] ударение на последнем слоге; то же самое и в аббревиатурах: СССР, РСФСР, МСПО, ВЦСПС, а также и в сложносокращенных словах: *Варнитсбó*, *Цекубѹ́*, *Наркомтяжпрóб* и т. п.

5. Ударение и интонация как суперсегментные просодические явления

Вряд ли стоит много аргументировать в пользу того взгляда, что ударение (если это, действительно, ударение!) не свойственно единицам фонемного, сегментного ряда, а явление суперсегментное, свойственное не фонемным единицам и даже не морфемам как таковым (а тем более слогам!), а слову и только через него — морфемам.

Очень интересны по этому поводу соображения П. С. Кузнецова. Еще в статье, опубликованной в 1941 г., но подготовленной еще в 30-х годах, Петр Саввич писал:

«Но, помимо фонем, есть звуковые единицы, играющие смыслоразличительную роль, реализующиеся на большем отрезке речевого потока, а именно — лишь на протяжении целого слова. Я имею в виду такие звуковые единицы, как ударение в некоторых языках, в частности в русском. Многие лингвисты (и, в частности, представители Пражской школы) не рассматривают ударения в качестве особой функционально различимой категории, а строят лишь фонематические противопоставления (корреляции) «гласная ударная / соответствующая гласная безударная», считая таким образом любую ударную гласную и соответствующую ей безударную разными фонемами. Но такая трактовка заводит фонологию в неразрешимые противоречия в силу того, что гласная ударная и безударная всегда заведомо стоят в разных позиционных

условиях, установить же, что два звука являются разными фонемами (а не двумя вариантами или даже вариациями одной и той же фонемы), мы можем только тогда, если поставим их в позиционно тождественные условия...»²⁶

И далее: «В тех языках, где последовательность распределения силы в слогах одного слова служит для различения слов и грамматических форм, как в русском языке (ср. *за́мок* — *замо́к*, *му́ка* — *мука́*, *гбро́да* — *города́*), или для различения различных классов слов, как в английском языке (*import* — *ipmórt*), ударение является фонематической единицей и должно быть рассмотрено при изучении фонематической системы соответствующего языка»²⁷.

Все это сказано и убедительно, и очень просто. Единственно, что может вызвать недоразумение, это то, что П. С. Кузнецов называет ударение «фонематическим средством» (не по существу, а лишь терминологически), а не фонологическим средством. На первый взгляд это — несущественно, но на самом деле — фонематичны только фонемы(!), составляющие собой фонемный уровень в структуре языка. Иные же смыслоразличительные средства, хотя и фонологичны, но относятся к другим уровням и не могут быть «фонематическими», хотя и служат для смыслоразличения. Это терминологическое уточнение важно еще и потому, что были тенденции у некоторых фонологов «причислить к лику фонем» и динамическое ударение, и тоновое (тонемы и тасемы М. Свадеша); фонемы ударения (у Л. Блумфилда и у многих других)... Все это создает путаницу и не содействует ясности. Есть фонемы, принадлежащие фонемному уровню, и есть иные фонологические средства и единицы, относящиеся к иным уровням: субсегментному, по Бенвенисту — мерисматическому, уровню «признаков» с их иерархией, или же — суперсегментному, по Трубецкому — просодическому.

В связи с этим интересно вспомнить некоторые справедливые соображения А. Мартине:

«Dans une langue comme le grec classique, le lituanien ou le serbo-croate, chaque mot non-enclitique présente une

²⁶ П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского языка. «Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V. Кафедра русского языка, вып. I, стр. 152 (в перепечатке 1970 г. — стр. 178).

²⁷ Там же, стр. 153 (в перепечатке 1970 г. — стр. 178).

syllabe mis en relief. Certains mots placés dans certains contextes ne manifeste pas cette mise en relief. C'est ce relief virtuel que la graphie du grec indique au moyen de l'accent grave... On constate que la mise en valeur accentuelle, réalisée essentiellement dans ces langues au moyen d'un sommet de la courbe mélodique, peut assumer deux formes différentes»^{28*}.

Вопрос о том, как трактовать фонологические средства ударения и интонации, очень оживленно дебатировался в американской лингвистике XX в. Чтобы сократить цитацию и детали, сошлюсь на статью Н. Д. Арутюновой, Г. А. Климова и Е. С. Кубряковой «Американский структурализм» в книге «Основные направления структурализма», где имеются следующие указания по интересующему вопросу:

1) Родоначалником того взгляда, что и ударение и тон можно называть «фонемами», был Л. Блумфилд, который в своей книге «Язык» писал: «Число простых первичных фонем колеблется в различных языках примерно от пятнадцати до пятидесяти... Несколько труднее выявить вторичные фонемы. Они не представляют собой частей каких-либо простых значимых языковых форм, взятых изолированно, но появляются только тогда, когда две и более языковые фонемы объединяются в более крупную форму, а также при определенном использовании языковых форм, особенно в функции предложения. Так, в английском языке при соединении нескольких простых элементов речи в слове из двух или более слогов всегда используется вторичная фонема — ударение... Высота тона используется в английском языке в качестве фонемы преимущественно в конце предложения...»²⁹

У Блумфилда термин «фонема» употреблен здесь по

²⁸ A. Martinet. Accent et ton. Miscellanea Phonetica, II. London, 1954, стр. 13.

* «В таких языках, как древнегреческий, литовский или сербохорватский, каждое не энклитическое слово представляет собой выделенный слог. Некоторые слова в некоторых контекстах не показывают этого выделения. Это потенциальное выделение, которое в греческой графике обозначалось грависом. Можно констатировать, что акцентологическое выделение, выраженное в таких языках вершиной мелодической кривой, совмещают две разные формы».

²⁹ Л. Блумфилд. Язык. [Русск. перев.]. М., 1968, стр. 89.

примеру Ж. Вандриеса, когда Вандриес говорит о «морфеме». Это явно не единицы, а средства, способы, приемы...

2) Продолжая идеи Л. Блумфилда, «Б. Блок и Дж. Трейгер предложили для двух типов фонем термины «сегментный» и «суперсегментный». Те из звуков, которые на фонетическом уровне выступают в определенной линейной последовательности, по цепочке, на уровне фонологии могут быть названы сегментными фонемами. Таковы гласные, согласные и полугласные. Те же из звуков, что как бы наслаиваются на них, — суперсегментны».

3) Говоря о «вторичных», или «суперсегментных», явлениях, Э. Хауген предлагает «...объединить подобные звуки в одну группу» и выдвигает для ее наименования термин «просодема» [кстати, уже имевшийся в «Основных фонологии» Н. С. Трубецкого, правда, с несколько другим значением; см. ниже об этом. — А.Р.]. Термин «суперсегментные фонемы» кажется Хаугену теоретически неудачным, поскольку он считает целесообразным... разграничить понятия фонем и просодем...»³⁰

4) «В то же время мысль о принципиальном разграничении фонем и просодем, т.е. о дифференциации двух разных единиц фонологического уровня и даже о выделении двух уровней в пределах фонологического анализа, ставится снова в повестку дня...»³¹

Справедливости ради надо упомянуть, что приведенные терминологические и теоретические мнения Э. Хаугена (1949) и А. А. Хилла (1961) были еще раньше сформулированы так:

«Вряд ли есть надобность модели фразовой интонации и слоговой акцентуации называть фонемами — если Свадеш не побоялся ввести для второго термины тонема и тасема, то для первого можно было применить термин иптонема — все это, конечно, элементы фонологии, но не фонемы»³².

³⁰ Н. Д. Арутюнова, Г. А. Климов, Е. С. Кубрякова. Указ. соч. «Основные направления структурализма». М., 1964, стр. 227 (здесь имеется в виду работа: G. L. Trager and B. Bloch. The syllabic phonemes of English. «Language», 1941, vol. 17, № 3).

³¹ Там же, стр. 228 (имеется в виду работа: A. A. Hill. Suprasegmentals, prosodies, prosodemes. «Language», 1961, vol. 37, № 4).

³² А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. записки МГПИ», 1941, т. V. Кафедра русского языка, вып. 1, стр. 120 (в перепечатке: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 224).

Относительно нужности термина «интонаема» оставим пока вопрос открытым и вернемся к нему после рассмотрения еще некоторых понятий, связанных с интересующей нас проблемой.

В дополнение к сказанному А. Мартине приведу еще два высказывания П. С. Кузнецова.

«Существуют такие звуковые единицы, играющие смыслоразличительную роль, которые реализуются еще на большем отрезке речевого потока — на протяжении целого высказывания, а именно движение голосового тона по высоте, сочетающееся с определенным движением интенсивности и темпом произнесения отдельных составляющих речевой поток единиц. Совокупность указанных средств называется интонацией в широком смысле (под интонацией в узком смысле понимают лишь движение голосового тона, играющее здесь ведущую, но не исключительную роль). Некоторые лингвисты и звуковые единицы этого порядка рассматривают не в качестве особой категории, а сводят к обычным фонематическим противопоставлениям, включая в характеристику гласных фонем степень интенсивности и характер движения тона голосового. Против такой трактовки следует привести те же возражения, что и против понимания ударения отдельного слова...³³

И второе высказывание П. С. Кузнецова:

«В отношении к смысловым единицам интонация существенно отличается как от фонем, так и от ударения слова тем, что в то время как фонемы и ударение, служащее для различения каких-то вполне объективно значимых единиц, образуют ограниченную и строго определенную для каждого языка систему звуковых единиц, служащих для дифференциации смысла, интонация, служащая для выражений модального порядка, представляет безграничное множество нюансов. Поэтому интонационные средства, реализующиеся в предложении целого высказывания, должны быть ограничены от собственно фонематических средств, которые представлены фонемами как звуками дифференциаторами и звуковыми средствами, реализующимися на протяжении слова»³⁴.

³³ П. С. Кузнецов. К вопросу о фонематической системе современного французского языка, стр. 153 (в перепечатке 1970 г. — стр. 179).

³⁴ Там же, стр. 154 (в перепечатке 1970 г. — стр. 179—180).

Вывод из приведенных высказываний П. С. Кузнецова и А. Мартине, при некотором различии их мнений, все-таки ясен. А различия состоят в том, что А. Мартине все просодические фонологические средства противопоставляет фонемам, а П. С. Кузнецов, тоже их противопоставляя, неожиданно противопоставляет интонационное фонемному и «акцентному», т. е. средствам ударения. Это объединение фонемных средств смыслоразличения и акцентных в противоположность интонационным мне представляется неубедительным, хотя соображения П. С. Кузнецова о большей простоте интонационных возможностей по сравнению с акцентуационными и заслуживают внимания. Но почему же на долю интонации отнесена только модальность? Конечно, для выражения модальности интонация — могучее средство, но, во-первых, модальность выражается в языке не только интонацией, а и наклоном глагола, модальными словами и частицами, а во-вторых, интонация призвана выражать не только модальность, и не только «эмоциональность», а и еще многое, даже чисто грамматическую группировку слов (ср. «Ходить — долго не могла» и «Ходить долго — не могла» и т. п.).

В данном вопросе важно соблюдать «табель о рангах», а по нему: фонемы сегментны, а акцентологические и интонационные явления — суперсегментны, это разные уровни. В данном вопросе, пожалуй, ближе к истине не Кузнецов, а Мартине, который сумел доказать с функциональной точки зрения «контрастивность» ударения, а это не то же, что репрезентативная функция фонем (у Мартине репрезентативная функция названа дистриктивной). Во всяком случае П. С. Кузнецов раньше А. Мартине поставил и по-своему решил эти вопросы, что отнюдь не умаляет роли Мартине, который позднее сформулировал все это очень интересно.

А ведь тут есть над чем задуматься! Конечно, как в любой системе знаков, и в фонологической системе все возникает из соотношения и оппозиции. Но в каждом ярусе и в каждом уровне структуры языка все это происходит по-разному. Прежде всего различны признаки или мерисмы различных фонологических дифференциаций и оппозиций. Следовательно, продолжая мысли Э. Бенвениста, можно утверждать, что на каждом уровне есть свой особый «мерисматикос», т. е. набор специфических данному уровню «мерисм».

Явно, что такая «мерисматика» у фонем и у «просодем» любого ранга — разная. Даже если и нельзя их причислить к «универсалиям», что мне не нравится. Ибо каждый язык идиоматичен, и в этом его прелесть. Главное здесь для нас то, что даты фонемной «мерисматики» и просодической «мерисматики» — существенно разнствуют. И важно еще то, что определение функции просодических фонологических средств как «контративных» исходит от того, что они обнаруживаются не в сопоставлении элементарных единиц, а в сопоставлении «цепей».

При любых лингвистических анализах всегда проще идти от «плана выражения» к «плану содержания», чем наоборот. Поэтому при анализе фонологических возможностей фонем и просодем лучше идти от физических различий, которые можно измерить и взвесить, конечно, только в семиотическом плане! А не просто «по звучанию».

Разделив фонологические средства на: 1) сегментные (фонемные) и 2) суперсегментные (просодические: ударение, интонация), следует поставить вопрос о соотношении ударения и интонации, полагая, что это не составляет двух разных уровней, но отношения этих явлений очень запутаны, принимая во внимание, что ударение бывает разное (динамическое, долготное, тоновое). А интонация содержит много составляющих, в том числе и ударение.

6. Квантитативное (долготное) ударение

Начнем наше рассуждение с квантитативного (долготного) ударения. Об этом писал А. Мейе:

«En grec moderne, il (l'accent de l'intensité) est si faible que les différences entre les syllabes accentuées et les inaccentuées consistent uniquement en des différences de durée»³⁵.*

Очевидно, А. Мейе в этом высказывании подразумевает то положение, когда динамическое усиление слога и его долготное выделение сопутствуют друг другу. Такое сопутствующее отношение есть и в русском языке, но это иное явление, чем в новогреческом.

³⁵ А. Meillet. Structure générale des faits linguistiques. Encyclopédie Française, t. I, «L'Outillage mental», 1937, 1—3—6.

* «В новогреческом языке он (динамический акцент) настолько слаб, что различие ударных и безударных слогов состоит исключительно в различии долготы».

Однако по данному вопросу могут быть и иные мнения. Иначе расценивал эти явления Р. О. Якобсон в книге «О чешском стихе...»³⁶

«Объективно русское ударение по сравнению с безударными выделяется силою экспирации, высотой и долгою...»

Русское ударение слова — редкий образец динамического ударения, входящего в фонологическую систему (сюда же относится болгарское и новогреческое ударения). На основании показаний сравнительной акцентологии мы можем установить следующей закон:

динамическое ударение слова как фонологический элемент возможно лишь постольку, поскольку ему сопутствуют внеграмматические количественные отношения» (стр. 23).

«Из приведенного закона вытекает другой закон если в фонологической системе какого-либо языка в результате фонетических изменений возникает сосуществование двух независимых элементов: динамического ударения слова и количества, то один из этих элементов исключается из фонологической системы» (стр. 24).

Здесь затронут очень интересный вопрос о тех случаях когда указанные явления не сопутствуют друг другу. Так происходит в чешском языке, в киргизском, где динамически более сильный слог может быть кратким, а более слабый слог может быть долгим. В чешском таковое соотношение начального слога и второго от начала (например, Svobóda, Havránek и т. п.), а в киргизском — наоборот, динамически более интенсивен последний слог, а предударный может быть длительным, но слабым.

Конечно, такое положение может существовать лишь благодаря тому, что в подобных языках фонологически могут различаться краткие и долгие гласные, т. е. что долгота гласных в этих языках не суперсегментное свойство, а дифференциальное качество фонемного уровня; долгота в таких языках — это мерисма сегментных фонем. А в языках, где нет оппозиции (в одинаковых позициях!) долгих и кратких гласных, долгота — суперсегментное

³⁶ Р. Якобсон. О чешском стихе. Прага, 1923, стр. 23 и 24.

свойство, и, следовательно, в них сила и долгота фонологически однородны.

Таково положение в русском языке. В свое время считалось, что русское ударение чисто динамическое (постарому: «экспираторное»), но в последнее время это определение подверглось пересмотру³⁷.

В некоторых своих работах и я указывал на случаи, когда пролонгирование безударного слога (т. е. его удлинение) в русском воспринимается как ударность (например, в командах: «Кру:гом», «Бе:гом!» и т. п., а также помещение в мужскую рифму слова «Слушай!» у Пушкина³⁸.

Но особенно убедительным был эксперимент, проведенный Леопольдом Абрамовичем Варшавским в начале 60-х годов, когда им был синтезирован русский слог «ка» (как бы взятый из слова *рука*), и этот синтезированный слог предъявлялся для прослушивания с удвоением, причем можно было менять долготу то первого из повторяемых, то второго «ка», не изменяя интенсивности. На слух эти предъявления воспринимались то как *ка́ка*, то как *кака́*, т. е. с разным местом ударения. Жаль, что покойному Леопольду Абрамовичу не удалось осуществить вторую серию эксперимента: менять интенсивность, сохраняя длительность неизменной. (Л. Р. Зиндер мне сообщил в 1973 г., что этот эксперимент был проведен, но не дал интересных результатов.)

Когда я слушал эксперимент Л. А. Варшавского и беседовал с ним, то мне было совершенно ясно, что русское ударение комбинированное: и долгота и интенсивность

³⁷ См., например: Л. В. Златоустова. Фонетическая природа русского словесного ударения (автореф. канд. дисс.), 1953; Она же. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962; Л. П. Бондарко, Л. А. Вербицкая, Л. Н. Щербакова. Об определении места ударения в слове. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1973, № 2 и др.

³⁸ См.: А. А. Реформатский. Обучение произношению и фонология. «Филол. науки», 1960, № 2. — См. также пример со словом «Слушай» у Пушкина в «О чешском стихе...» Р. Якобсона: «...сдвиг динамического ударения в русской эмоциональной речи крайне ограничен. Обычно он сводится к разложению слова на два такта. Такова звательная форма: „Ма-ня!“ или у Пушкина ...: „Слушай!“». С интерпретацией этого примера только по интенсивности — в свете высказанного выше — согласиться нельзя.

(или наоборот). Оба эти фактора действуют совместно, но это не тот случай, о котором писал А. Мейе по поводу новогреческого языка: там долгота берет на себя ведущую роль потому, что интенсивность проявляется слабо; в русском же языке интенсивность не слабая, она гораздо бо́льшая, чем, например, в чешском языке или в киргизском. Но тем не менее в русском ударении и долгота «играет», и трудно сказать, что тут дифференциальнее? Скорее всего здесь оба фактора действуют совокупно³⁹.

Здесь можно вспомнить интересное соображение М. Граммона:

«L'intensité entraine toujours avec elle la durée et souvent la hauteur: la réciproque n'est pas vraie. Mais souvent l'une de ces trois qualités tient la place d'une autre par compensation et l'oreille est toujours assez mal habile à discerner exactement la part qui revient à chacune»⁴⁰.

7. О некоторых парадоксах Л. В. Щербы

В связи с вышесказанным я хочу вспомнить один из последних докладов Л. В. Щербы (28/VIII 1943 г. в ОЛЯ АН СССР на Волхонке 18/2), где Лев Владимирович со свойственным ему интересом к парадоксам попробовал многое «поставить на попа». Доклад Л. В. Щербы назывался «Новое в русском вокализме в связи с пересмотром вопроса о русском ударении»⁴¹.

³⁹ Это подобно дифференциальным признакам «долготы и дорсальной мягкости» русских фонем <щ> и <ж>; см. об этом: А. А. Реформатский. <Ж>. «To honor R. Jakobson». The Hague — Paris, 1967.

⁴⁰ М. Grammont. Le vers français, ses moyens d'expression, son harmonie. Ed. 2. Paris, 1913, стр. 102.

^{*} «Интенсивность всегда проявляется вместе с долготой и часто и с изменением высоты тона: обратное — неправильно. Но часто одно из трех качеств заменяет другое по компенсации, но ухо всегда бывает недостаточно ловким, чтобы различить, какая часть принадлежит каждому»

⁴¹ В статье Д. Л. Щербы «Лев Владимирович Щерба» (сборник «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л., 1951, стр. 20) сказано: «На сессионном заседании Отделения языка и литературы Лев Владимирович выступает с докладом «Новое об ударении». Название доклада здесь указано неверно; в списке «Трудов в рукописи» этот доклад не значится.

Свой доклад Л. В. Щерба начал со сравнения двух примеров:

- 1) *Мой брат вдруг взял нож* — 5 ударений,
- 2) *Брат мой вдруг взял нож* — 4 ударения.

Думаю, что и это вступительное соображение уже неправильно. Если данные фразы произнести с правильной русской интонацией, то никаких «равноправных» пяти или четырех ударений не получится. Тут возможны такие варианты:

- а) *Мой брат/вдруг взял/нож*,
- б) *Мой брат/вдруг/взял нож*;

то же получается и с перестановкой слов *мой* и *брат* (что соответствует второму примеру Л. В. Щербы). Произношение же первого примера Л. В. Щербы с пятью «равноправными» ударениями — неестественно, это — скандирование, ничем не «лучше», чем произношение «по слогам»: *шах-ма-ты, не-у-ко-сни-тель-но* и т. п. То, что при произношении атонированных проклитических слов (*мой* из первого примера Щербы и *взял* — из второго) не возникает качественной редукции гласных, не может нас смущать: такие местоимения, как *он, мой, твой, свой*, при односложной словоформе чаще всего бывают проклитиками и энклитиками, но никогда не произносятся с гласными звуками (*а*) или [*э*], а *взял* из второго примера — сказуемое, что и подчеркивается отсутствием качественной редукции атонированной гласной.

Самое же главное здесь то, что если все пять моносиллабов ударны, а безударных слогов в этой фразе нет, то вообще ударения не получается. В этом пункте и возникает главное расхождение с «парадоксом» Щербы. Ударение в таких языках, как русский, — это выделение одного из слогов на фоне других — безударных. Об этом очень убедительно говорит А. Мартине:

«Une unité oppositionnel, un phonème, doit sa qualité, mieux même son existence, à sa présence dans le système d'autres unités que rien n'empêcherait d'apparaître à sa place sinon le désir du locuteur de transmettre un message bien de terminer. Dans la chaîne, l'unité oppositionnelle apparaît comme un produit phonique qui ne prend de valeur linguistique que lorsque l'auditeur l'a inconsciemment distingué de tous les autres produits phoniques qui auraient pu apparaître dans le même contexte. Une unité contrastive, comme l'accent, prend au contraire toute sa valeur dans

la chaîne; la syllabe accentuée y apparaît environnée d'autres syllabes que son non-accentuées...»^{42*}

Мартине абсолютно прав, что ударение обнаруживается только в речевой цепи и благодаря контрастности ударности — безударности.

Однако Л. В. Щерба с последовательной логичностью пытался доказать нечто обратное, для чего ему и потребовалась приведенная выше прелюдия с примером: *«Мой брат вдруг взял нож»*.

По мнению Щербы, «... можно произносить изолированные гласные и с ударением и без ударения». Это положение Лев Владимирович «доказывал», произнося изолированные русские гласные то с напряжением (= ударные), то — без напряжения (= безударные). А отсюда следовал еще более неожиданный вывод, что «основные оттенки — это гласные безударные», а «у ударных гласных что-то накладывается». Что ударение «накладывается» на произношение речевой цепи, не подлежит сомнению, но из этого не следует, что свойства этой «накладки» надо приписывать тем единицам, на которые накладывается ударение. Это же явления разных уровней!⁴³

Но вернемся к прерванным размышлениям. Тут есть, о чем пораздумать, так как контраверза между «естественным оттенком» гласной и ее характеристикой в положении

⁴² А. Martinet. Указ. соч., стр. 16.

* «Противопоставленная единица (фонема) получает свое качество, вернее, свое существование благодаря своему положению в системе других единиц, что не препятствует появлению других единиц на их месте, если есть на это желание говорящего дать законченное высказывание. В цепи противопоставленная единица появляется как фоническое явление, получающее лингвистическую значимость, когда слушающий бессознательно отличает его от других фонических явлений, которые могли появиться в том же контексте. Такая же контрастирующая единица, как акцент, получает всю свою значимость только в цепи; слог, несущий акцент, появляется там окруженным другими слогами, безударными».

⁴³ Я привожу здесь не все положения этого доклада Л. В. Щербы, некоторые из этих положений показались мне, как говорят французы, *trou bizarre*, например высказывание о том, что «[ə] стучится в фонему; это 7-я, но пока не достучалась»; что «переход [o] в [a] в предударном слоге не редукция»; что «аканье не фонетический процесс, а чередование по традиции, а, может быть, [o] там никогда и не было, а было [a] старое...» — и многое другое, о чем, почитая память Л. В. Щербы, не хочется как-то вспоминать ...

под ударением, которое «накладывается» на гласную, требует своего фонологического разъяснения:

1) любая «накладка» выше (т. е. наложение иного вышележащего уровня на явление другого нижележащего уровня) не может быть конструктивной характеристикой данного явления данного уровня;

2) ударение — явно не элемент характеристики фонемного уровня, а именно «накладка»;

3) фонологически главное: нарушает ли «накладка» фонеморазличимость или не нарушает? Как известно, в таких языках, как русский, гласные различаются именно под ударением, а в безударных слогах так или иначе нейтрализуются в общем варианте, например фонемы <о> и <а> в вариантах [л], [ə]. Этот факт отмечал еще Бодуэн де Куртене в своих лекциях по «Введению», говоря о трех уровнях русских гласных (Изд. 4-е. М., 1914, стр. 103).

Если полагать, что позиции являются не менее обязательным, чем оппозиции и само понятие фонемы, то следует признать: для русских гласных сигнифкативно сильная позиция (т. е. позиция фонеморазличения) имеется именно под ударением, а в безударных слогах и именно в силу редукции (да простит нам Щерба!) возникает неразличение фонем, т. е. нейтрализация двух и более (после мягких согласных) гласных фонем в одном, общем для них варианте;

4) отсюда следует, что всякие разговоры о более и менее «типичном оттенке» без учета фонеморазличения в сигнифкативно сильной позиции и сохранения ее по оппозиции без ее нейтрализации — это разговоры вне плана фонологии! Может быть, такие разговоры нужны для определения «звукотипа» (что является совершенно иным понятием, чем фонема!)... Но и тут «здравый смысл» подсказывает, что вряд ли для <о> и <а> [л] или тем более [ə] — могут служить эталонами «звукотипов»!

Как нам представляется, все приведенное выше рассуждение Л. В. Щербы об ударных и безударных гласных и о законности безударных как образцов «типичных оттенков» можно оценить лишь как «закономерное недоразумение на почве незаконного хода мысли», хотя бы это и было вызвано острым желанием преодолеть некоторые неясности в формулировках довольно очевидных явлений.

8. Тоновое ударение

Что касается тонового ударения, что здесь картина еще более запутанная, чем в отношении интенсивности и долготы как признаков ударения.

Прежде всего встает тот же вопрос об уровнях. Являются ли в «тоновых языках» (куда следует отнести не только такие языки, как китайский, тайский, вьетнамский, но и такие, как древнегреческий, сербохорватский, литовский — до последнего времени) тон свойством фонем-слогоносителей (и прежде всего — гласных) или же это суперсегментное свойство, накладывающееся на слог, морфему, слово?

Начинать эти вопросы лучше с сербохорватского языка. В своей работе «К характеристике евразийского языкового союза» (1931) Р. О. Якобсон писал: «...сербохорватская фонология — типично реликтовая, ее пафос — сохранение праславянского строя»⁴⁴.

Думаю, что в отношении морфологии в смысле верности индоевропейской древности еще последовательнее литовский язык и несколько менее — восточнославянские.

Наилучшее описание сербохорватской фонологии — у П. С. Кузнецова в его классической работе «О фонологической системе сербохорватского языка» (1948).

В этой работе Петр Саввич исходит из следующего положения: «Считаю необходимым лишь сказать, что единственно законной считаю последовательно функциональную точку зрения при анализе звуковых явлений, согласно которой доминирующее значение имеет смысловоразличительная функция соответствующего звукового элемента в системе языка, а не звукопредставление, существующее в сознании говорящих, и не материальная (физико-акустическая, артикуляционно-физиологическая) база этого элемента»⁴⁵.

Это — credo Московской фонологической школы (МФШ), верным адептом и одним из ее креаторов был П. С. Кузнецов.

Исходя из этого положения, П. С. Кузнецов рассматривает вопросы соотношения тона, долготы и качества

⁴⁴ R. Jakobson. Selected writings, I. Phonological studies, Mouton and Co, 's-Gravenhage, 1964; изд. 2-е — 1971 (оба раза стр. 159).

⁴⁵ П. С. Кузнецов. О фонологической системе сербохорватского языка. «Изв. АН СССР, ОЛЯ», 1948, т. VII, вып. 2, стр. 125.

(чистого тембра) сербохорватских гласных. Вот его аргументы:

«2. Изучая звуковую сторону языка с фонологической точки зрения, мы имеем дело всегда с какими-то противопоставлениями. Ведь и самый факт, что данный язык располагает именно такими-то фонемами, устанавливается на основании определенных противопоставлений. Но фонемами, различия которых определяются как различия отдельных звуков, противостоящих друг другу в тождественном положении и служащих для различения смысла, не исчерпываются, как известно, возможные для системы данного языка звуковые и смысловоразличительные средства»⁴⁶.

И далее: «...таким средством... является ударение, смысловоразличительная роль которого устанавливается на основании противопоставления не отдельных звуков, а целых слов»⁴⁷.

Разбирая вопрос об «акцентной триаде» (интенсивность, долгота и движение тона), П. С. Кузнецов долготу не включает в число фонологических признаков сербохорватского ударения:

«В системе литературного сербохорватского языка различают четыре ударения: долгое нисходящее, долгое восходящее, краткое нисходящее и краткое восходящее... Если же не принять во внимание различий по длительности, у нас получается лишь два ударения: восходящее и нисходящее (четыре типа получается в зависимости от того, что каждое из них может падать как на слог с долгим, так и на слог с кратким слоговым звуком). Восходящее и нисходящее движение голосового тона может различаться лишь на ударном слоге слова, т. е. на слоге, произносимом с максимальной интенсивностью. Все безударные слоги в сербском характеризуются... нисходящим тоном, и различий, не зависящих от фразовой интонации, в них не наблюдается»⁴⁸.

Следовательно, получается так: если из трех слагаемых (интенсивность, долгота и движение тона) долготу отнести за счет качества сегментных единиц — фонем (долгота — это качество слогаобразующих единиц, и не только глас-

⁴⁶ Там же, стр. 125.

⁴⁷ Там же, стр. 126.

⁴⁸ Там же, стр. 127.

ных, но и [г] в двух видах <г> и <г̣>...), то восходящие и нисходящие явления в сербохорватском языке — уже факты суперсегментные, не представляющие собой характеристики фонемных единиц, а сигнализирующие о «накладке» свыше. А из этого следует, что: а) может быть не только объединение интенсивности и долготы (как это происходит по-разному в новогреческом и в русском), но и б) может быть объединение интенсивности и движения тона (как в сербохорватском). Вопрос же о «двойных индексах» при показаниях дифференциальности всегда очень труден. А, кстати, от решения данного акцентологического вопроса зависит и решение вопроса о том, сколько же гласных фонем в сербохорватском языке?

Здесь может быть три мнения:

1) 5 (если движение тона и долготу считать суперсегментными признаками);

2) 10 (если долготу включать в признаки сегментных фонем, а движение тона полагать суперсегментным; мнение П. С. Кузнецова);

3) 20 (если не только долготу, но и тоновое движение считать свойствами сегментных фонем; мнение А. В. Исаченко).

Итак, в цитируемой статье П. С. Кузнецов держится второго решения, считая движение тона суперсегментным явлением, а долготу признаком отдельных слогаобразующих фонем, которые противопоставляются в сербохорватском не только по тембру (*и, е, а, о, у* и *р!*), но и по длительности, отчего их количество не только как звуков, но и как фонем — удваивается. Ударение же в сербохорватском языке — комбинированное, где взаимодействуют интенсивность и тон, но превалирует второе; поэтому прав Р. О. Якобсон, назвав этот язык среди индоевропейских и славянских — «реликтовым». До последней эпохи (а чем это мерить?) и по морфологии, и по лексическим этимологиям таким был язык литовский.

В данном случае нас не интересует вопрос о том, сколько же слогаобразующих фонем в сербохорватском языке, а проблема объединения и разъединения признаков ударения (интенсивность, долгота, тон). Думаю, что после указанной работы П. С. Кузнецова можно считать доказанным, что долгота в сербохорватском — свойство сегментное, т. е. качество гласных и [г] — слогаобразующих элементов речевой цепи, а движение тона — явление

суперсегментное, которое «накладывается» на сегментную цепь и ее элементы, но не может быть признаком отдельных фонем, а соотносено со словом в целом.

Для достижения еще большей ясности по вопросу о тоновом ударении очень существенны данные таких языков, как вьетнамский и китайский. И тут в интерпретации тона в этих языках единства мнений нет. А ведь от решения этого вопроса опять же зависит и характеристика вокализма указанных языков, и общее суждение об их фонологической системе. Конечно, не будучи специалистом в этой материи, я ограничусь «столкновением мнений», но на это я готов отважиться.

Вот один тип решения этих вопросов для вьетнамского языка:

«Тон находится в пределах только гласного звука, и каждый гласный в каждом тоне рассматривается как самостоятельная фонема»⁴⁹. Таково мнение М. В. Emeneau из «*Studies in Vietnams Grammar*», которое приводит в своем автореферате кандидатской диссертации Нгуэн Хай Зыонг (как студент — мой ученик, как аспирант — Кузнецова; я был оппонентом на защите его диссертации).

Вот и еще подобное же мнение наших советских ученых:

«Вьетнамский слог разделяется на две части, первая часть начальнoсogласная, или инициаль, вторая часть — все остальные элементы, безразлично, состоит ли эта часть из одного звука или звукосочетания. Вторая часть называется акцентируемой, и тон накладывается только на эту вторую часть. В связи с этим было высказано предположение отказаться от термина «фонема» во вьетнамском языке и обозначить отдельные звуки только по их роли в слогe: инициали, медиали, тона́ли, фина́ли»⁵⁰.

Нгуэн Хай Зыонг противопоставляет этим мнениям свое, основанное на фонологическом анализе по принципам

⁴⁹ Н. Х. Зыонг. Система тонов и спектры гласных вьетнамского языка (автореф. канд. дисс.). МГУ, 1963, стр. 10.— Мнение М. В. Emeneau изложено в его работе «*Studies in Vietnams Grammar*» (California, 1951).

⁵⁰ Там же.— Излагаемое автором мнение принадлежит Н. Д. Андрееву и М. В. Гординой, см.: Н. Д. Андреев, М. В. Гордина. Система тонов вьетнамского языка... «Вестник ЛГУ», 1957, т. 8; М. В. Гордина. К вопросу о фонеме во вьетнамском языке.— ВЯ, 1959, № 6.

МФШ и на проведенном им в ЛЭФиПР МГПИИЯ под руководством проф. В. А. Артемова эксперименте на электроакустическом интонографе. Вот это мнение:

«Экспериментальные данные, полученные нами на электроакустическом интонографе, показывают, что тон накладывается не только на вторую часть слога, а на весь слог в целом...»⁵¹

«Во вьетнамском языке необходимо различать мелодию и интонацию предложения. Мелодия предложения — это своеобразное сочетание тонов, входящих в него слов-словов. Каждое вьетнамское предложение отличается своей собственной мелодией... Наряду с мелодией имеется и фразовая интонация, которая свойственна каждому типу предложения, не зависит от тона, накладывается на все предложение и влияет на характеристики его тонов. Интонация предложения накладывается на тон таким образом, что это не разрушает системы различительных признаков тонов»⁵².

Не имея права решать этот вопрос, так как беру данные «из вторых рук», я все же полагаю, что в данном споре прав Нгуэн Хай Зыонг, а не сторонники иного взгляда (Эмено, Андреев, Гордина). Доказательством этого служат: 1) результаты экспериментальных данных Зыонга, 2) общие положения фонологии о сегментных (фонематических) и суперсегментных (просодических, «накладных») явлениях фонологии. Конечно, обидно, что Зыонг относит явление мелодии не к фразе, а вместо фразы говорит о предложении...

Приведу еще одно суждение на данную тему, связанное с анализом тоновых явлений в китайском языке. В одной статье в журнале «Phonetica» (1965) имеется следующее рассуждение:

«...взаимоотношение тона и интонации весьма своеобразно. Тон китайского языка есть этимологическая [*? А. Р.*] часть слова (Чжао Юань-шань) и, следовательно, явление лексическое [*? А. Р.*]. Интонация есть достойное предложения [*фразы? А. Р.*] и, следовательно, явление синтаксическое. Взаимоотношение тона и интонации, видимо, своеобразно в различных коммуникативных типах и видах предложений. Например, тон и интонация в многосостав-

⁵¹ Н. Х. Зыонг. Указ. соч., стр. 10.

⁵² Там же, стр. 10—11:

ном предложении китайского языка размежевываются следующим образом. В многосоставном предложении основным компонентом тона выступает частотный диапазон, а компонентами тона, появляющимися в основном под ударением, являются: время звучания, динамичность, частотная [?А. Р.] контрастность. Интонация многосоставных предложений, в отличие от тона, содержит следующие основные акустические свойства... 1) общее время звучания, 2) среднее время звучания слога, 3) динамичность, 4) общее направление движения частоты основного тона, 5) контрастность по частотному диапазону, 6) максимальный и минимальный частотные регистры, 7) длительность произнесения, 8) общий высотный рисунок, 9) высотные регистры начала, середины и конца произнесения. Кроме того, интонация многосоставных предложений включает расстановку ударений, паузальную и темповую характеристику»⁵³.

Хотя в приведенном отрывке сказано слишком много, пожалуй, и вряд ли эти 9 номеров можно ставить в один ряд, но мысль в основном мне представляется правильной.

Из ряда явлений акцентно-ритмически-интонационной области, т. е. из ряда просодических явлений, следует выделить: 1) то, что относится к слову и 2) то, что относится «не к слову», точнее: к «неслову» (лучше говорить в этом случае не о предложении, а о высказывании в целом, будь то действительно законченное высказывание, имеющее форму предложения, или же его какая-то часть), а к фразе.

Повторяю: номеров может быть (и даже — наверное!) меньше, но главное — это различать то, как динамические, квантитативные и мелодические явления перераспределяются и размежевываются, обслуживая слово и фразу, хотя они и могут состоять из «того же мяса», но разнствовать функционально. Этот функциональный прицел касается как языков тоновых, так и тех, где акцентологические и шире — просодические явления связаны не с тонами, а с динамикой, т. е. интенсивностью, и с квантитативностью, т. е. долготными отношениями.

Ударение (любого типа) есть одновременно и факт акцентуации, т. е. — плана слова, и факт интонации,

⁵³ Ю. М. Галенович. Тон и интонация в современном китайском языке. «Phonetica», Basel — New York, 1965, vol. 12, № 3—4, стр. 142.

т. е. плана фразы. Особую трудность в этом размежевании представляют те случаи, когда мы имеем дело с однословной фразой, типа односоставного предложения, или же неполных (эллиптированных) предложений. В этих случаях план слова и план фразы фактически совпадают, но функционально различаются. В этом случае на просодические явления слова (на акцентуацию) накладываются еще и просодические явления фразы (интонация), что создает сложную иерархию, распутать и старатифицировать которую не так просто.

Первая и наиболее частая ошибка при описании подобных явлений заключается в том, что суперсегментные явления приписываются сегментным единицам. Так описывал дифтонги и долгие гласные рязанских говоров Е. Ф. Будде. Об этих ошибках в статьях Е. Ф. Будде убедительно писал С. С. Высотский⁵⁴.

Он показывает, как легко спутать явления сегментные и суперсегментные и приписать просодические свойства сегментным единицам, в то время как в действительности это суперсегментные накладки. Вот некоторые соображения С. С. Высотского:

«...показанное им [Е. Ф. Будде.— А. Р.] спорадическое появление в живой речи касимовского края звучаний типа *yo* в безударных слогах увело его в своих заключениях далеко от истины, поскольку он поставил в центр своего внимания «дифтонги», возникающие на почве ритмометрической структуры предложения» (стр. 65);

«Он [Е. Ф. Будде.— А. Р.] указывает, что «дифтонг» в таком положении слышится редко. Можно думать, что это явление тоже обусловлено интонационным удлинением слога» (стр. 69);

«Примером недифференцированного подхода Е. Ф. Будде к языковому материалу представляется пресловутое учение о долготах в современных русских говорах» (стр. 79);

«Найденную в современных рязанских говорах манеру растягивать гласные в определенной фразовой позиции Е. Ф. Будде принял ... за продолжение традиции...» (стр. 81); «...изложение материала построено так, что

⁵⁴ С. С. Высотский. Работы Е. Ф. Будде о рязанских говорах в свете новых данных. «Бюллетень диалектологического сектора ИРЯ АН СССР», 1949, вып. 6 (стр. указаны по тексту).

долгим гласным приписывается значение самостоятельных фонем, являющихся в составе определенных слов и морфем» (стр. 81);

«Не вскрыто также, что любой гласный (обычно в закрытом слоге) всякого слова, помещенный в конце интонационного объединения, может факультативно более или менее заметно продляться, чем исключается возможность фонематического противопоставления в данных говорах гласных долгих гласным недолгим» (стр. 83);

«Это растяжение независимо от морфологических или фонетических свойств слова, что доказывается его универсальной возможностью проявляться во всех гласных, находящихся в определенной фразовой позиции» (стр. 85).

Приведенные соображения С. С. Высотского по интересующему нас вопросу показывают четкость анализа и дальновидность их автора, а, главное, ясное понимание того, что только позднее стали называть «уровень», а ведь С. С. Высотский в этой работе 1949 г. показал правильную стратификацию явлений и точное понимание сегментных и суперсегментных уровней.

9. Соотношение ударения и интонации

Итак, в результате рассмотрения разных точек зрения и анализа некоторых основных понятий, нужных для решения просодических проблем, мы пришли к выводу, что:

1) и ударение, и интонация не входят в характеристику фонем как сегментных единиц;

2) и ударение, и интонация по отношению к фонемам — явления другого уровня, они суперсегментны;

3) ни явления ударения, ни интонационные явления не следует называть «фонемами» («фонема интенсивности», «фонема тона» и т. п.), так как все это явления просодические; вопрос о том, можно ли к ним применять «эмическую терминологию» (например, такие термины, как «интонома», «просодема»), мы пока оставим открытым. А пока что приведу еще одно высказывание А. Мартине из уже цитированной его работы:

«Toutes les écoles structurales distinguent bien, les unes entre phonématique et prosodie, les autres entre phonèmes segmentaux et supersegmentaux, d'autres encore entre phonèmes d'une part, tonèmes, chronèmes et «stro-

нèmes» d'autre part. Mais ces distinctions sont fondées plus sur des différences physiques que sur des différences de fonction, et, à ma connaissance, personne n'a osé jusqu'ici faire, de la fonction, le principe de base dans la classification des faits prosodiques»^{55*}.

И в другом месте:

«La fonction essentielle de l'accent ne se confond donc pas avec celle, distinctive, des phonèmes. C'est une fonction qu'on peut désigner comme contrastive, et que s'exerce au moyen de mise en relief de certaines sections de la chaîne...»^{56**};

4) ударение «входит» в интонацию и является одним из ее составляющих, но в связи с разными типами ударения (что определяется уже составляющими самого ударения: интенсивность, долгота, тон или их разные комбинации) это «вхождение» очень варьирует от языка к языку. Таким образом встает проблема: как же ударение «входит» в интонацию?

Прежде чем ответить на этот вопрос, мы должны разобраться еще в одном понятии, сопряженном с ударением. Это — ритм. Литература о ритме очень велика, главным образом, это стиховедческая литература, но и лингвистически это понятие весьма важно.

Для понимания этого явления очень существенны высказывания о ритме Б. В. Томашевского в его статьях «Проблема стихотворного ритма» и «Ритм прозы»⁵⁷.

Вот основные положения Б. В. Томашевского о ритме:

«Все элементы звучания могут быть факторами ритма» (стр. 13);

⁵⁵ А. Martinet. Указ. соч., стр. 13.

* «Все структуралистские школы хорошо различают фонематику и просодию, другие — сегментные фонемы и суперсегментные, иные различают тонемы, хронемы и «стронемы». Но эти различия основаны больше на физических данных, чем на функциональных, и, как я думаю, никто еще до сих пор не осмелился взять функцию как принципиальную базу при классификации просодических фактов.

⁵⁶ Там же, стр. 16.

** «Главнейшая функция акцента не совпадает с дистинктивной функцией фонем. Эту функцию лучше обозначить как контрастивную, предназначенную для выделения отдельных участков цепи».

⁵⁷ См. сборник статей Б. В. Томашевского «О стихе». Л., 1929 (цифры в скобках указывают на страницы этого сборника).

«В ритме стиха приходится учитывать три количественных отношения звучания: энергию звучания, высоту собственного тона и длительность...» (стр. 13). Иначе говоря: интенсивность, долготу и тон, о чем шла речь и раньше.

Очень важно в методологическом отношении следующее высказывание Б. В. Томашевского:

«Функция словесного ударения заключается не только в абсолютном усилении экспирации и энергии произношения. У русского ударения есть еще организационная роль объединения вокруг себя неударных слогов того же слова, подчинение их себе. Слово представляет собой обособленную группу звуков, как бы «управляемую» ударением. Ударение разделяет слово на две части — на слоги предударные и послеударные, которые отличаются друг от друга по характеру произношения. Русская речь не агглютинативна, т. е. не представляет собой ряд слогов, среди которых некоторые ударны, некоторые неударны. Слова не сливаются между собой. Границы слов мы твердо «слышим», и представление об ударении сопоставляется у нас только на фоне восприятия расчлененности речи на слова...» (стр. 15).

Это высказывание представляет собой экзemplификацию общего положения И. А. Бодуэна де Куртене о различии индоевропейских языков и «туранских», типа тюркских (агглютинирующих), о чем писал позднее и В. В. Радлов, ссылаясь на Бодуэна. Напомню это высказывание Бодуэна де Куртене:

«Гармония гласных в туранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В ариоевропейских эту роль соединения слогов в слова играет прежде всего ударение... В ариоевропейских словах до тех пор пельзя говорить о цельных словах, пока отдельные слоги и сочетания звуков, корни, суффиксы и вообще приставки, окончания и т. д. не соединены в одно целое свойственным одному из них ударением...»⁵⁸

Жаль, что Б. В. Томашевский не «использовал» такого мощного предшественника! А идея-то у них общая.

В указанном сборнике статей Б. В. Томашевского

⁵⁸ И. А. Бодуэн де Куртене. Резья и резьяне. «Славянский сборник», т. III. СПб., 1876, стр. 322—323.

«О стихе» в статье «Ритм прозы» имеются также высказывания об общих принципах понимания ритма:

«Ритмом вообще мы называем систему последовательно сменяющихся во времени сравниваемых между собой явлений» (стр. 257). «Словесный ритм есть закономерное упорядочение звучания во времени» (стр. 258) и, как правильно замечает Б. В. Томашевский, «вопрос о речевом ритме есть, собственно говоря, вопрос лингвистики и к поэтике он прямого отношения не имеет» (стр. 256).

Из всего сказанного ясно, что:

а) ритм связан с чередованием однородного во времени;

б) «словесный ритм» возникает при чередовании ударности и безударности, причем «ударность» организует ритмический ряд;

в) сама эта «ударность» может опираться на три фонематических фактора: интенсивность, долготу и тон.

Конечно, могут быть сомнения в принадлежности ритма только протекаемому во времени. Ведь говорят же о ритме в архитектуре, живописи? Безусловно, есть ритм в любом орнаменте, где повторяемость (а при разглядывании это происходит и во времени!) — основа композиции целого. Орнамент очень напоминает «Болеро» Равеля — это тот же принцип. Но если говорят об искусстве, то будь это поэзия, музыка, хореография, т. е. те искусства, где пужное и конструктивное воспринимается во времени и где можно хронометрировать чередования, т. е. точно регистрировать то, что есть ритм, но и в не протекающих во времени, так сказать, статических искусствах, как живопись, скульптура, архитектура, где «физически» движения нет, и нельзя «хронометрировать» ритм картины, скульптуры или здания, — а все-таки в них есть ритм! Не только важна сукцессивная последовательность, но и симультанное целое, будь то сонет Петрарки (самого!), или же «Сонет Петрарки» Листа, «Спящая красавица» Чайковского, или это: «Спозалицию» Рафаэля, «Амур и Психея» Кановы или храм Василия Блаженного, не говоря уже об орнаменте... Симультанность для последних очевиднее, чем для первых, но зато сукцессивность характернее для первых. Однако и то и другое — обязательно и для тех и для других ⁵⁹. И ритм есть и в тех

⁵⁹ См. об этом еще: А. А. Реформатский. Семиотика географической карты. «Лингвистическая терминология и прикладная

и в других. Впрочем, пусть об этом судят искусствоведы... Вернемся к вопросам лингвистическим. И здесь с вопросом о ритме есть своя контрверза. Ведь сукцессивность обязательна для линейной речи (будь то речь устная или письменная), а симультанность в речи затруднена именно этой сукцессивностью; языку же как системе, как коллективному достоянию — сукцессивность принципиально противопоказана. Но язык реализуется только в речи, которая линейна и сукцессивна. На первый взгляд здесь получается заколдованный круг.

Если, как говорит Б. В. Томашевский, «вопрос о речевом ритме вопрос лингвистики», то к чему же отнести лингвистическое понятие ритма — к сукцессивности речи или же к принципиально не сукцессивному языку?

Рассуждая дедуктивно, следует полагать, что то, что есть в речи, должно быть фундировано в языке. И если мы говорим: русский язык, английский язык, венгерский язык и верим, что, действительно, языки — это достояния соответствующих национальных или иных исторических объединений, а не просто: «английская речь», «венгерская речь», «русская речь» (последнее существует как название журнала «Русская речь» ...), то мы можем смело говорить о ритмике слов русского, английского, венгерского и других языков. И это — реально.

Так, при заимствовании или просто адаптации иноязычных слов обычно возникает их переакцентуация по моделям заимствующего или адаптирующего языка. Венгры и чехи акцентологически, а тем самым и ритмически, унифицируют русские «анаксесты» или «амфибрахии» под свои «дактили»: *Шéбалин, Сýхотин; Бóтвинник, Прóкофьев*, вместо русских акцентных словоформ: *Шебали́н, Сухоти́н; Ботви́нник, Прокóфьев*. А англичане и американцы хотя и меньше искажают ритмическую схему слов, вследствие некоторых общих черт просодической системы этих языков, все-таки склонны произносить вместо: [лп'úск'ин] — *Опискин*, или [лм'éлин] *Омелин* — ['əpiskin] и ['əmelin], давая вторую ступень редукции для первого предударного неприкрытого слога, что получается совсем «не по-русски». Во всех подобных случаях нарушаются действующие в языке модели, а, значит, эти модели су-

топономастика». М., 1964, стр. 48—49; см. также: В. Солоухин. Опавшие листья. «Москва», 1973, № 10.

ществуют объективно и принадлежат не «чьей-то речи» или «какой-то манере речи», а языку.

Совершенно очевидно, что ритмика слова различна в разных языках и она определяется соотношением ударных и безударных слогов в слове. Это можно констатировать в самых различных языках при различных просодических составляющих: динамических, квантитативных, тональных и комбинированных с преобладанием то одной составляющей, то другой (вспомним различие новогреческой и русской акцентуации при наличии, казалось бы, тех же составляющих).

В упоминавшейся уже работе А. Мартине делает очень меткие замечания о типе ударения в разных языках и (на стр. 20) приводит сводную таблицу акцентуации и типов ударения. Вот его некоторые характеристики языков по данному вопросу:

«... l'accent tchèque ou hongrois est démarcatif, mais du point de vue dynamique synchronique, il vaut surtout pour marquer la place où peut se faire la mise en relief qui donnera la syllabe accentuée d'un mot donné une place à part parmi les autres syllabes accentuées de la chaîne et un mot entier une importance toute spéciale» (17);

«... en allemand, l'accent est fixe dans le sémantème Café et Káffe sont inanalysable et se distinguent par la place de l'accent» (21);

«... on pourrait en anglais distinguer entre trois types de syllabe: 1) les syllabes accentuées, une seule par mot (celle qui porte l'accent «principal»). 2) les syllabes à vocalisme plein où l'on trouve les mêmes oppositions vocales que dans les syllabes accentuées, 3) les syllabes à vocalisme réduit où la voyelle est neutre tend vers [ə]...» (23);

«... on pourrait, en mandarin, distinguer entre 1) les syllabes accentuées, une seule par mot, 2) les syllabes où on trouve les mêmes oppositions tonales que dans les syllabes accentuées, 3) les syllabes où les quatre tons se neutralisent» (23)*.

* «... акцент в чешском или венгерском выполняет пограничную функцию, но с динамической синхронической точки зрения он пригоден больше для указания места, где возможно выделение, чем для отметки особого места ударения и его особой значимости между другими безударными слогами в цепи и в слове» (17);

«... в немецком ударение, фиксированное на сémантème Café и Káffe неразложимы и разнятся только местом ударения» (21);

Если исключить из этого списка показательный пример из немецкого языка: *Káffe* и *Café*, — оба слова относятся к подсистеме «заимствованных слов» (лучше бы привести «истинно немецкие примеры» типа: *'blutarm* и *blut'ar m* и под.), — то все остальные примеры А. Мартине очень показательны и типичны для указанных языков (чешский, венгерский, английский — не тоновых) и «мандаринского», сиречь китайского (тонового), и демонстрируют возможности выделения «ударного слога» в слове и создания ритмики слова разными средствами, как динамическими, так и тональными.

Если взять примеры из русского языка, где ударение, как уже сказано, комплексное: квантитативно-динамическое и подвижное (т. е. могущее перемещаться в разных словоформах внутри слова с одного слога на другой — *голова́*, *голове́*, *голове́ка*, *голове́* и даже вовсе уходить за пределы слова, например на предлог: *на́ голове́*). Тем самым русское ударение и подвижное и разноместное, кроме того, оно свободное и морфемное в отличие от таких языков, где ударение неподвижное и либо одноместное (как в чешском, киргизском, только с «обратным местом»), либо подвижное, но не свободное, а связанное с определенным счетом слогов с начала или с конца слова, а потому и не морфемное (как, например, в польском, где ударение падает на предпоследний слог слова, но в разных словоформах может поэтому перемещаться).

Это последнее положение прекрасно разъясняет Ю. Р. Курылович в статье «Структуры морфемы»⁶⁰, сопоставляя две подобные словоформы в русском и польском языках: *рука́ми* и *reka mi* (тот же *instrumentalis pl.*).

«Различие между польской формой *reka mi* и русским

«... в английском можно различать три типа слогов: 1) ударные слоги, один на каждое слово, которые имеют главное ударение, 2) слоги с полным вокализмом, где имеются те же оппозиции, что и в ударных слогах, 3) слоги с редуцированным вокализмом, где гласная нейтральна и тянет к /ə/ ...» (23);

«... В мандаринском можно различать: 1) ударные слоги, один на каждое слово, 2) слоги, где имеются те же оппозиции тона, что и в ударных слогах, 3) слоги, в которых все четыре тона нейтрализуются» (23);

⁶⁰ Е. Курылович. Структура морфемы. «Очерки по лингвистике». [Русский перев.]. М., 1962 (впервые эта статья была опубликована по-польски «*Structura morphemi*» в сб.: «*Węletyn polskiego towarzystwa językoznawczego*». Kraków, 1938).

эквивалентом *руками* заключается в том, что польская форма имеет ударение на предпоследнем слоге слова, а русская форма — на первом слоге окончания... С точки зрения русского языка идет речь о чередовании: первый слог окончания : корневой слог» (стр. 77).

И ранее: «В языке с так называемым постоянным местом ударения оно падает на слог слова (начальная или конечная граница слова). В языках с так называемым свободным и подвижным ударением оно падает не на отдельные слоги слова, а прежде всего на отдельные морфемы в пределах слова» (стр. 76—77).

Есть еще одно высказывание Ю. Р. Курыловича: «Точное определение слога, вернее позиции слога, на который падает ударение.... Существенная задача лингвиста именно определение этого слога, а не констатация того, какой элемент обладает — силы или высоты» (стр. 76).

Вряд ли с таким мнением можно согласиться. А вот мнение А. Мартине о том же:

«Nous avons tenté, dans ce qui précède, de réduire a quelques formules l'ensemble de la prosodie de chacune des langues considérées, et, de ce fait, se coudoient dans notre tableau les traits contrastifs et les traits oppositionnels, les fonctions démarcatives, culminatives et distinctives... On sait que bien des langues présentent des traits prosodiques lexicaux pertinents sans connaître l'accent et ceci veut dire qu'une typologie générale demande une typologie tonale à côté de la typologie accentuelle» (22) ^{61*}.

Мнение А. Мартине в данном случае мне представляется убедительнее. Однако заслуги Ю. Р. Курыловича в разъяснении типа русского ударения бесспорны; приведу еще одно его соображение ⁶²:

⁶¹ А. Martinet. Указ. соч.

* «Мы попытались в предыдущем свести вместе несколько формул просодии для каждого из рассмотренных языков, и отсюда в нашей таблице сталкиваются черты контрастивные и оппозиционные, пограничные функции, кульминативные и дистриктивные. ... Известно, что многие языки представляют лексикологические просодические явления, подходящие под это без наличия ударения, а это значит, что общая типология предполагает и тональную типологию рядом с акцентной» (22).

⁶² Е. Курылович. Система русского ударения. «Очерки по лингвистике» (первоначально напечатано в сб.: «Наукові записки Львівського державного університету», 1946, т. III, вып. 2; статья написана по-русски).

«Ударение в русском языке является индивидуальным признаком слова, т. е. характеризует слово наряду с отдельными фонемами. Например, *му́ка* : *мука́*, в которых разница смысла связана с разницей места ударения. Само по себе ударение не является фонемой [С удовольствием присоединяюсь к этому мнению! — А. Р.] и даже признаком фонемы: в слове *му́ка* ударение является не признаком гласного *у*, хотя оно и падает на нем, но признаком целого слова, потому что подчеркивает один слог, или одну морфему, которая противопоставляется всем остальным. Поэтому ударение и называется просодическим признаком, который мы добавляем к уже готовому фонетическому составу слова. Итак, например, слово *му́ка* надо анализировать не *м + у́ + к + а*, но *м + у + к + а + ударение на у*. Ударение является надстройкой над фонетическим составом слова» (стр. 436—437).

Приятно цитировать эти мудрые слова. Именно о такой трактовке и шла речь на протяжении предыдущих страниц. Единственно, что хочется заметить, это то, что лучше сказать «надстройкой над фонематическим составом слова», так как фонетически ударение слито с той сегментной единицей, на которую оно падает.

Такая трактовка русского ударения и соотношения ударных и безударных гласных всегда была неизбежна для Московской фонологической школы (см. приведенные выше высказывания П. С. Кузнецова и др.). И в этом пункте всегда имелось расхождение между МФШ и TCLP, а также и с «поздним» Р. О. Якобсоном и его единомышленником М. Халле⁶³, а вот Ю. Р. Курылович по данному вопросу — хороший союзник!

Все сказанное пока что касалось сегментного и суперсегментного в «плане слова», т. е. ударения. Следует перейти к более сложному просодическому вопросу: к вопросу о соотношении ударения (план слова) и интонации (план фразы).

Сводить интонацию только к мелодике — большой соблазн, но это удел «любителей и дилетантов», в частности — писателей (ср. в романе W. Somerset Maugham

⁶³ См. об этом: «Projet de terminologie phonologique standardisée». — TCLP, IV, 1931, стр. 317; P. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du Russe. — TCLP, II, 1929, стр. 7; M. Halle. The Sound pattern of Russian.' s-Gravenhage, 1959, стр. 45—47.

«Neil Mc Adam»: «She spoke Englisch with sing-song Russian intonations» — «Она говорила по-английски с монотонными русскими интонациями»). Большинство лингвистов понимает, что интонация — явление сложное и неоднородное; у интонации много составляющих. И мелодика, и ударение слов, и порождаемая им ритмика слова входят в интонацию как ее составляющие, а отношение этих составляющих значительно варьирует от языка к языку. Приведу еще одно высказывание А. Мартине из цитированной выше работы ⁶⁴:

«...on peut se demander s'il est indiqué de voiler ce caractère en considérant comme faisant partie de l'accent certains traits «suprasegmentaux» a fonction qui se combinent intimement avec la mise en relief caractéristique de l'accent au point de se confondre souvent avec elle» (стр. 18)*

О том же приведем некоторые соображения Б. В. Томашевского, где затронуты и некоторые методические вопросы.

«Подобно тому, как метрические единицы имеют свою иерархию — из стоп или ударных периодов слагаются полустихия, из них стихи, из стихов строфические единицы, которые в свою очередь, сочетаясь между собой, могут давать сложную строфу, так и в живом звучании слова от слога мы восходим к слову, а от слова к различным степеням фразового членения, к речевым *тактам*, фразам, предложениям, периодам — какова бы ни была принята терминология. Фразовое членение производится иерархически с подчинением менее крупных единиц! более крупным. Поэтому вопрос об интонационном строе может принимать различные формы, в зависимости от того, поднимаемся ли мы или же опускаемся по иерархической лестнице фразовых членений» ⁶⁵.

Я предпочитаю второй путь: не «восходить», а «опускаться», не «подниматься», а «нисходить», идя от целого к частям, от общего к частному, от высших кругов иерархии к низшим, — мы отчетливее можем видеть иерархическую

⁶⁴ А. Martinet. Указ. соч.

* «... можно себя спросить, можно ли вуалировать эту особенность, отмечая ее как составляющую акцента некоторых «супер-сегментных» явлений, в дистинктивной функции которые интимно комбинируются с выделением акцентом и смешиваются с ним» (стр. 18).

⁶⁵ Б. В. Томашевский. О стихе, стр. 19.

перспективу и так легче избежать ложных единиц и ненужных ступеней иерархии. Но идея о том, что «фразовое членение производится иерархически», — нам представляется абсолютно правильной.

Явление ритма, по Томашевскому, может проявляться в речи трояко: «Таким образом намечаются три отдела ритмики: словесно-ударный, ритм интонационно-фразовый, ритм гармонический» (стр. 25).

О «ритме словесно-ударном» — это план слова и его акцентуации — уже сказано выше; «ритм гармонический» — всецело принадлежит стиховедению и поэтике и поэтому исключается из нашего рассмотрения. Сейчас нас будет интересовать «среднее звено» ритма: «ритм интонационно-фразовый».

В другой статье сборника Б. В. Томашевский так определяет специфику этого «интонационно-фразового ритма»:

«Наряду с системой смыслоразличающих элементов, каждому языку свойственны свои фразовые элементы звучания. Многие элементы звучания, не осознаваемые нами как смыслоразличающие, служат материалом фразового оформления, придавая предложению оттенок утверждения, вопроса, восклицания, эмфазы, сомнения, иронии и т. д. Это ясно слышно на диалоге: «Дома?» — «Дома.» Восходящая интонация первого слова и нисходящая второго указывают на изменяющееся фразовое значение одного и того же слова....» (стр. 43).

Приведу еще одно высказывание Б. В. Томашевского об интонации из третьей статьи того же сборника — «Ритм прозы».

«Так как здесь нас интересуют только звуковые явления, сопутствующие дроблению предложения, то на синтаксической стороне вопроса не будем останавливаться. За основу деления А. М. Пешковский принимает интонацию. Подробнее эта интонация дробления речи описана проф. Богородицким в его «Русской грамматике». У разных авторов это звуковое явление, сопровождающее деление предложения на более мелкие периоды, описывается как мелодическое и музыкальное построение фразы. Удержим термин «интонация», так как термин «мелодия» и «музыка», заимствованные из чуждой словесному материалу сферы, могут повлечь за собой аналогии, не оправдываемые явлениями звуко речи. Каждая группа явлений

должна иметь специфическую номенклатуру. «Мелодия» и «музыка» — не более как метафоры» (стр. 264).

В этом высказывании Б. В. Томашевского радует отказ от синтаксической фиксации интонационных явлений. Что же касается «музыки» и «мелодии», то не следует забывать о мелодике именно как реальном компоненте интонации, вовсе не «метафоре», а о принятом термине (ср. книгу Б. М. Эйхенбаума и статью В. М. Жирмунского под тем же названием: «Мелодика русского лирического стиха», 1922, 1923).

Свой предмет Б. В. Томашевский определяет так:

«...нас интересует лишь интонация, сопутствующая распадению фразы на обособленные периоды, синтаксическая разделительная интонация. Совершенно в стороне остается как интонация эмоциональная, так и интонация «логического ударения» и пр.» (стр. 277).

«Интонация разделительная бывает двух типов — восходящая, заключающая в себе внутренние члены предложения, — и нисходящая, заключающая всё предложение. Восходящая интонация есть «повышение голоса перед запятой», несколько напоминающая вопросительную интонацию. Нисходящая — «понижение голоса на точке», напоминающая утвердительную интонацию» (стр. 253).

«...каденция этих интонаций происходит на самом ударяемом слоге. Разделительные интонации помещают свою восходящую и нисходящую каденции главным образом на послеударные слоги, причем мелодическая сторона сочетается с постановкой фразового ударения, т. е. ритмического периода» (стр. 265).

Указанные Б. В. Томашевским «два типа» разделительной интонации («восходящая» и «нисходящая») соответствуют терминам С. О. Карцевского: «каданс» и «антикаданс» (ТCLP, IV, 1931), но термин «каденция» у Б. В. Томашевского неустойчив, ср. приведенное выше.

Что же ясно? 1) «каденция интонаций» как будто бы указывает на переломный момент восходящей к нисходящей части (как тут не вспомнить бессмертные строки Данте: «E come corpe morte caddel»), 2) но: «восходящая и нисходящая каденции указывают, что «каденция» — это направление интонации (вверх или вниз), 3) по первому пониманию «самый ударный слог» — это тот слог, где происходит переломный момент, т. е. в середине фразы, 4) но: «мелодическая сторона сочетается с поста-

новкой фразового ударения, т. е. относительного усиления словесного ударения в конце выделяемого периода» — спрашивается, где же «самое сильное ударение?». На рубеже каденций или же в конце?

Кроме того, здесь трудно понять следующее утверждение: «разделительная интонация помещает восходящую и нисходящую каденции главным образом на послеударные слоги...» — причем же тогда «самое сильное ударение», будь оно на рубеже или в конце? И как интонируются послеударные, т. е. безударные, слоги, когда известно, что они по интонации нейтральны, т. е. если фраза кончается не на ударный слог (т. е. клаузула не мужская, а женская, дактилическая или даже гипердактилическая!), то последующие слоги от отклонения вверх или вниз от ударного слога «выравниваются» на среднюю линию, а тем самым не могут быть релевантными!

Если исключить неясности в указанной части статьи Б. В. Томашевского, все остальное в высказываниях стоит твердо. Эти же идеи позднее изложил С. О. Карцевский.

В посмертно опубликованной статье Б. В. Томашевского «Стих и язык»⁶⁶ автор так определяет составляющие ритма:

«Таким образом под словом интонация я подразумеваю систему, в которую входят разные средства членения речи и соединения расчлененных частей: это и повышение и понижение основного тона (мелодия), и расстановка более или менее сильных ударений, так называемых фразовых или логических ударений (динамика), и относительное ускорение или замедление речи внутри отдельных ее членов (темп), и разрывы произношения (паузы)» (стр.10). К этому перечню составляющих фразы следует полностью присоединиться и перейти к следующим вопросам. А они еще есть.

Из всего сказанного ясно, в составе фразы явления интонационные сосуществуют и взаимодействуют с явлениями акцентуации; и то и другое представляет собой явления суперсегментные, которые накладываются на фонологически готовые сегментные единицы: на слова (ударение, ритмика слова) и на серии слов, образующие те или иные периоды во фразе (мелодика, паузирование, фразовые и «логические» усиления словесных ударений) и на фразу в целом (кадансы или каденции в их раздели-

⁶⁶ Б. В. Томашевский. Стих и язык. М., 1958.

тельном и соединительном аспектах, в приступе к фразе и в отступе от нее).

Об этом же несколькими иными словами говорит А. Мартинет в указанной выше работе:

«...lorsqu'il ne s'agit plus de decrire une langue donnée, mais de présenter une typologie générale de faits prosodiques, il semble préférable d'avoir recours a deux types de classement un classement, accentuel qui epuise tous les faits essentiellement contrastifs, et un classement tonal où entre tous les faits prosodiques oppositionnels, qu'ils se manifestent sur toutes les syllabes du mot, ou sur l'une des elles seulement» (стр. 24) ^{67*}.

В случаях, когда фраза состоит из многих слов и даже ее периоды не представляют собой одного слова, расчленение плана фразы со всеми ему присущими атрибутами и плана слова — со своими — более или менее легко осуществимо (хотя и тут есть свои трудности, хотя бы связанные с фразовым и тем более «логическим» ударениями). Но гораздо труднее подвергнуть стратификации те случаи, когда мы имеем дело с однословными фразами.

10. О суперсегментике односложных предложений

Итак: как же различить и стратифицировать факты интонации фразы и акцентуации слова в случае однословных предложений (будь то: односоставные, типа «Светает», или же «неполные», типа: «Вы дома?» «Дома.»).

Эти слова-предложения не имеют ничего общего с фактами инкорпорирующих полисинтетических языков, которые тоже называют «слова-предложения». В указанных однословных предложениях дело абсолютно не касается инкорпорирования, а речь идет лишь о тех случаях, когда одно слово может выступать в роли предложения. И тотчас же надо сделать одну оговорку: такие примеры не должны быть однослоговыми, так как односложные слова (будь они просто члены предложения: «Мой брат вдруг взял

⁶⁷ А. Martinet. Указ. соч.

* «... когда дело идет к тому, чтобы не описывать данный язык, а представить общую типологию просодических фактов, предпочтительнее выбрать два вида классификации: один вид — акцентологический, который охватывает все контрастивные явления, а другой — тональный, куда относятся все просодические противопоставления, проявляются ли они во всех слогах слова или же только в одном» (24).

нож» — см. выше, или эквивалентны предложения: «Свет.», «Дом.») ударения не имеют, и, значит, план акцентуации в них отсутствует.

В неодносложных словах, осуществляющих предложение, «фактически» планы фразы и план слова совпадают, но это лишь грубо эмпирическое *Schein*, не только требующее, но и обладающее стратификацией слова и фразы, акцентуации и интонации, чтобы установить подлинно онтологическое *Sein* и его ярусов и уровней.

Можно ли думать, что ритм относится к акцентуации, а мелодика — к интонации? Вряд ли: ритмика слова есть одновременно и ингредиент интонации, а мелодика, в какой-то мере, сопутствует и акцентуации слова. Но и обратное ясно: мелодика не является признаком акцентуации слова, а ритмика — является. Очевидно, сложность вопроса в этих случаях состоит в том, как «распределить» ритмику слова и ритм как элемент интонации во фразе.

Ясно и другое, что кадансы и антикадансы, восходящие и нисходящие движения тона (в нетональных языках) и тому подобное — слова не касается. Только приняв эти положения, можно размотать клубок, запутавшийся в явлениях односложного (не односложного!) предложения типа: «Светает». «Дома?».

11. К вопросу о «просодеме» и «интонема»

Прежде чем подводить окончательные итоги, мне остается еще обратиться к двум терминам: «просодема» и «интонема», выяснить их необходимость и взаимоотношения стоящих за ними депотатов-понятий. Из этих двух терминов само собой разумеется, что интонема может относиться только к явлениям интонационным, но не акцентуальным. А просодема — шире: она может охватывать и интонационные явления, и акцентуальные. Но как этот термин понимать? Прежде чем решить данный вопрос, разберемся в термине «интонема».

В «запуске» термина «интонема» в обиход русской лингвистической литературы повинен прежде всего я... Это в статье «Проблема фонемы в американской лингвистике», опубликованной в 1941 г., а написанной в конце 30-х годов... Нужно это было в связи с тем, что многие американские фонологи употребляли такие термины, как «фонема интенсивности», «фонема высоты тона», «суперсег-

ментные фонемы и т.п. (я имею в виду работы Л. Блумфилда «Язык», стр. 896), Г. Л. Трегера и Б. Блока о «силлабических фонемах английского языка» и «Очерк лингвистического анализа» и др., на что возражали Э. Хауген, А. А. Хилл и др.). В моей статье было написано:

«Вряд ли есть надобность модели фразовой интонации и слоговой акцентуации называть фонемами — если Свадеш не побоялся ввести для второго термина тонема и тасема, то для первого можно было бы применить и термин интонема — все это, конечно, элементы фонологии, но не фонемы»⁶⁸.

Наиболее последовательным защитником термина «интонема» и его денотата в наши дни является В. А. Артемов (этому вопросу он посвятил доклад на Конференции по базисным проблемам фонологии в 1963 г. и еще, позднее, две статьи).

В статье «Об интонеме» (доклад на V Международном конгрессе фонетических наук, 1964)⁶⁹ имеются следующие высказывания:

Справедливо указывая, что «...язык не] просвечивает через речь непосредственно», В. А. Артемов делает мало понятное с семиотической точки зрения заключение: «Он должен быть извлечен из нее физико-математически» (стр. 129).

С этим перекликается и другое утверждение автора: «...фонологическое изучение интонационной системы того или иного языка возможно на основе электроакустического анализа и соответствующей математической обработки полученных таким образом данных с целью нахождения относительных структур и их различительных признаков» (стр. 131).

Спрашивается, а что же остается на долю лингвистического анализа, который, по смыслу данного высказывания, вообще не участвует в исследовании интонации?

А вот и определение «интономы».

«...в речевой артикуляции у взрослого человека отработаны те типы и виды артикуляционной системы, которые полностью и адекватно соответствуют системе фонем и

⁶⁸ А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. зап. МГПИ», 1941, стр. 122 (в перепечатке 1970 г. — стр. 224).

⁶⁹ В. А. Артемов. Об интонеме. «Phonetica». Basel—N. Y., 1965, vol. 12, № 3—4.

интоном какого-либо языка в данное время его развития, даже если бы эти системы имели ложную теорию [? *А. Р.*] или если бы теория в них вовсе отсутствовала [? *А. Р.*] (стр. 131). Пока что все сказанное непопятно. Далее кое-что разъясняется:

«Многочисленные экспериментально-фонетические исследования различных видов и типов речевой интонации... убедили нас в наличии интонационных речевых инвариантов [разрядка моя. *NB — А. Р.*], которые мы называем интонами» (стр. 131). И далее: «Интонома — общественно отработанная единица звуковой системы языка. Непосредственно она дана нам как тот или иной ее вариант в виде интонации конкретной фразы со всеми внеязыковыми... наслоениями» (стр. 131).

Ясно ли, что такое «интонома» по В. А. Артемову? Думаю, что по приведенным высказываниям — неясно. Здесь: и «электроакустическое», и «артикуляционная система», и «фраза», и «предложение», и «инвариант», и «относительная система составляющих», не говоря уже о соотношении «синтаксического, коммуникативного, логического и модального», вытянут в один ряд... Воистину, темна вода во облацех!

«Интонома обусловлена коммуникативно, синтаксически, логически и модально. Интонома как относительная структура составляющих проявляется статистически, она производится речевым аппаратом человека в том или ином акте коммуникации. Интонома является полноправной составляющей при синтаксическом, коммуникативном, логическом и модальном анализе предложения» (стр. 13).

Оставив в стороне вопрос о том, почему «синтаксическое» и «коммуникативное» противопоставлены, почему «модальное» не включено в «синтаксическое» и почему особо выделено «логическое», что так или иначе, «умно или глупо», всегда присутствует в любом высказывании, — отметим лишь главное, что интересует нас в данный момент, — определение термина «интонома», что: «интонома» — это «инвариант», который дан нам в той или иной интонации «конкретной фразы». Если уж нужен термин «интонома», то, пожалуй, с данным определением можно согласиться.

Но что же происходит у данного автора во второй статье на ту же тему, опубликованной в том же 1965 г.? Ответ получается, мягко говоря, несколько иной.

(см. статью В. А. Артемова: «Об интонеме и интонационном варианте»)⁷⁰.

Автор справедливо указывает, что «...в речи каждого из нас сочетается индивидуальное и общее, речевое и языковое, вариативное и инвариантное», и что «...под интонацией мы понимаем такое наблюдаемое в устной речи явление языка, при помощи которого... предложение становится фразой» (стр. 7). Последнее не совсем понятно: к чему же относится интонация — к речи или к языку?

Следующее за этим положение о том, что «интонация воспринимается... как своеобразная звуковая структура высоты основного тона, громкости и долготы, расчлененных во времени паузами и ударениями» (стр. 7), можно бы принять, хотя соотношение акцентуации и интонации не разъяснено, а это как мы могли убедиться выше, одна из труднейших и интереснейших проблем просодии, а громкость, хотя и относится к интонации, но не стоит в одном ряду с высотой тона, длительностью и интенсивностью, т. е. не входит в характеристику «составляющих» интонации.

Дальнейшие рассуждения о тембре речи могут вызвать серьезные возражения. Об этом В. А. Артемов так пишет:

«Мы не обращаем внимания на то, что интонационные различия фонем делают речь модально различной. Это так называемый тембр речи... возможно предположить, что тембр сомнения, гнева, ласки и других изъятий чувств и воли [странно, что «сомнение» отнесено к «чувствам»! — А. Р.] не меняет спектрального состава фонем, а придает им особую интонационную окраску... вот почему мы всегда возражали тем, кто пытался рассматривать тембр как один из компонентов интонации. Это не компонент интонации, а ее фонемное проявление, ее реализация на уровне фонем...» (стр. 8—9).

В этом высказывании много непонятного: 1) Почему «модальное» исключается, хотя это явно входит в коммуникативные интенции высказывания? 2) Почему тембр, «не меняя спектрального состава фонем», оказывается «не компонент интонации, а ее фонемное проявление»; ее

⁷⁰ В. А. Артемов. Об интонеме и интонационном варианте. «Интонация и звуковой состав». МГУ, 1965.

«реализация на уровне фонем?» Как может интонационный элемент тембр, который накладывается не только на готовый набор фонем, образующих морфемы и слова высказывания, но и на готовую интонацию (вопросительную, утвердительную и т. п.), быть «фонемным проявлением» «на уровне фонем»?

Это высказывание В. А. Артемова можно «изглашать лишь с вопросительной интонацией, окрашенной тембром удивления!»

Так же неясно и следующее утверждение В. А. Артемова:

«Интонационный пласт языка лежит не по горизонтали фонемного, лексического, грамматического и стилистического уровней языка, а вертикально, как бы пронизывая их» (стр. 9). Может быть, автор этим хотел сказать, что интонация не входит в сегментный ряд фонем, слов, словосочетаний, а накладывается на них сверху как явление суперсегментное? Но как это связать с приведенным выше мнением, что тембр существует «на уровне фонем»? К тому же «горизонталь» самой интонации очевидна: интонация имеет протяженность во времени, она линейна и членима на те или иные периоды в составе фразы.

Об «интоне́ме» в этой статье сказано мало, хотя данный термин и стоит в заголовке статьи. Здесь сказано:

«Единицами нашего языка служат не только фонемы, лексемы и синтаксические конструкции, но также и интонационные структуры, инто́немы» (стр. 8). Следовательно, изоморфическая параллель интонации с линейными уровнями налицо. Далее следует такое положение:

«...некоторые авторы стали рассматривать как инвариант ее вариантивных проявлений в потоке речи» (стр. 11); «...физико-математический анализ фонемы [? А. Р.] приводит к ее пониманию как усередненной совокупности признаков, постоянно и необходимо присутствующих во всех проявлениях (вариантах) фонемы в речи в заданных условиях (в определенной позиции) ...» (стр. 12). Хотя сказанное о фонеме и непонятно («усередненная совокупность признаков...», «физико-математический анализ фонемы»), но В. А. Артемов продолжает изоморфическую аналогию: «Все это относится и к интонации» (стр. 12), но тут же ставит вопрос, отменяющий тезисы предыдущей статьи того же автора в том же году: «Итак, инто́нема или интонационный инвариант? А, может быть, и то и дру-

гое, но в разных аспектах анализа?» (стр. 12). На это после нескольких диспаратных эквивалентов следует ответ:

«...факты говорят о том, что языковое дано в речевой интонации в двух планах,— в плане интоны и в плане инварианта, и что это не одно и то же, как нам казалось раньше» (стр. 15).

На следующей странице аналогия интоны и фонемы еще усилена: «Интоны имеет сигнификативную функцию. Она служит для различения речевых поступков, осуществляемых посредством языка... В этом плане интоны подобна фонеме, которая также различает, но не речевые поступки, а предметы и явления...» (стр. 16). Заметим, что «предметы и явления» различают, вернее называют, слова, а не фонемы; фонемы же могут различать морфемы, а через них — слова. Интоны же из синонима «интонационного варианта» под пером того же автора в том же году перекочевала в область модальностей... А что же осталось на долю «интонационного инварианта»? В данной статье В. А. Артемов об этом писал так:

«Интонационный вариант» имеет коммуникативную функцию, статистически освобожденный от всего внеязыкового...» (стр. 16). В этих рассуждениях еще раз удивляет противопоставление «модального» и «коммуникативного», если же этого противопоставления нет, то в чем же различие «интоны» и «интонационного инварианта», когда эти понятия для автора перестали «казаться тем же самым»?

Естественно, что за волосы притянутая аналогия «интоны» с фонемой явно не нужна ни читателю, ни автору... В общем, эта вторая статья того же автора в том же году не прояснила вопрос об «интоны», а только больше запутала.

Однако у В. А. Артемова есть общий источник и предшественник этих двух несовместимых статей: доклад «Об интоны» на Конференции по ... базисным проблемам фонологии⁷¹, где некоторые вопросы из предшествовавшей дискуссии изложены и проще, и понятнее.

«...языковая единица в речи существует позиционно обусловленной, т. е. дана нам вариативной... Иначе говоря, инвариант звуковой системы языка дан нам в речи в том или ином варианте» (стр. 50). «Многочисленные

⁷¹ «Тезисы докладов... АН СССР», 1963.

экспериментально-фонетические исследования различных типов и видов синтаксической интонации..., которые мы называем интонемами, аналогично фонемам» (стр. 51). Сама же «интонема» здесь определена так: «Интонема — общественно отработанная единица звуковой системы языка...» (стр. 51; до чего же похоже на цитату из Марра!). Эти положения понятны, однако это не значит, что изложенные в них положения правильны. Все это — сомнительно, а то, что автор в течение одного и того же года на 180° изменил свое мнение, показывает, что сомнение может посетить и самого автора. Тем более это простительно тому, кто смотрит со стороны на эти противоречия. Поиски обоснования термина «интонема» у В. А. Артемова, на наш взгляд, — лишь «эмическая инерция», следующая мыслям К. Л. Пайка, но, да простит мне автор, ни это понятие, ни этот термин лингвистике не нужны.

В сфере суперсегментных явлений языка бытует еще один термин: просодема. По своему этимологическому облику этот термин гораздо шире и общее, чем интонема. Однако пославший его в оборот фонологии Н. С. Трубецкой придал ему узкое и очень специальное значение: «Под просодемой мы понимаем минимальную просодическую единицу данного языка, иными словами — слог в слогосчитающих и мору в моросчитающих языках. Различению просодем в слогосчитающих языках способствует интенсивность, а в моросчитающих — высота тона»⁷².

Сказанное Н. С. Трубецким и логично, и понятно, но, может быть, недостаточно по охвату. Ведь «просодическое» (в старину говорили: «прозодическое») бытовало в русской фонологической литературе от Тредиаковского, Ломоносова, Востокова и до Богородицкого и именно в широком понимании этого «прозодического». Поэтому можно в отличие от других терминов эмического ряда: фонем, морфем, лексем, синтагм использовать для общего эмического обозначения единиц суперсегментного (просодического) порядка термин просодема и говорить о «просодемах интенсивности», «просодемах долготы» (в случаях квантитативного ударения, а не в случаях фонемного дифференциального признака долготы), «просодемах тона»; в ряду просодем окажутся и паузы, и фразовое и «логи-

⁷² Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. [Русск. перев.]. М., 1960, стр. 222.

ческое» ударения, и восходящие и нисходящие кадансы и т. д. Все это просодическое и достойно именования разного ранга просодем. Приведу к этому и мнение П. С. Кузнецова, который в последних своих работах писал так:

«Особенностью просодемы (сравнительно с фонемой) является то, что она не может быть изолирована и воспроизведена (хотя бы искусственно), так как всегда накладывается на некоторую последовательность фонем.

Встает вопрос, характеризуется ли любая просодема также дифференциальными признаками, как фонемы, и может ли быть она определена как некоторый набор дифференциальных признаков (подобно фонеме), и может ли быть просодема охарактеризована одновременно несколькими дифференциальными признаками или для нее существенен некоторый один признак, а другие являются дополнительными»⁷³.

Вот здесь у меня с цитированным автором нет расхождений!

Заключение

Сейчас уже можно подвести некоторые итоги сказанному выше. В данном этюде я отнюдь не претендовал сразу дать рецепты для исследования интонации какого-либо языка. Задача моя была скромнее и заключалась в том, чтобы сопоставить различные мнения об изучении интонации, присоединиться к одним из них и отвергнуть другие; предостеречь тех, кто хочет по-настоящему изучать интонацию, от ошибок и неверных путей, далеких от истины; рассмотреть все термины, связанные с данной проблематикой, и связанные с ней, и стоящие за ними денотаты-понятия, фундирующие интонационную проблематику, а потом выяснить, какие же из них нужны, а, главное, выяснить, в каких они стоят иерархических отношениях. Одним словом, надо было, наконец, подытожить все нужное и отсеять ненужное, чтобы навести умы, непредубежденные, для верного изучения интонации в систематизированном и в системном плане.

Если мои положения и выводы исследователи интонации примут и приложат к своим конкретным задачам, я буду рад. Если же отвергнуть, я не буду в обиде, а поста-

⁷³ П. С. Кузнецов. К вопросу об ударении и тоне в фонологическом и фонетическом отношении. «Теоретические проблемы прикладной лингвистики». МГУ, 1965, стр. 97.

раюсь учесть критику и либо утвердить и подтвердить свою аргументацию, либо (что, конечно, хуже) — отказаться от тех или иных, не выдержавших критику положений, что, естественно, и обидно, и очень трудно к исправлению, так как написанное мною здесь — плод долгих и серьезных размышлений.

Итак, переберем все, упомянутые ранее термины и еще раз определим стоящие за ними понятия.

1. Необходимо строго различать план предложения (грамматический) и план фразы (фонетический). Само предложение как грамматическая единица не имеет и не может иметь интонации. Оно актуализируется в коммуникативное явление — высказывание через фразу, которую организует в целое интонация.

2. Фраза имеет свое строение, распадается на ей свойственные периоды (ритмические группы, колоны и т. п.).

3. Интонация может обслуживать как интеллектуальную сторону высказывания, так и экспрессивную (будь то экспрессия эмоциональная или иная: эстетическая, риторическая, логическая), а также и грамматическую сторону высказывания (группировка синтагм и их сочетаний).

4. Интонация — это суперсегментное фонологическое явление, которое накладывается на высказывание в целом (будь то предложение или его какая-либо часть).

5. Внутри этой «покрывающей» есть свои деления и движения: интонация восходящая, интонация нисходящая, иначе говоря, кадансы и антикадансы, которые могут члениться на полукадансы и т. д.

6. Составляющими интонации являются градации и контрастирующие движения, основанные фонетически на: а) интенсивности, б) долготных характеристиках (включая сюда и темп, и паузы) и в) тоновых соотношений (мелодика, т. е. восхождение и нисхождение тона в пределах высказывания, с возможностью ломаного хода и обрыва).

7. Дополнительным ингредиентом интонации является тембр речи (при выражении иронии, сомнения, энтузиазма и т. п.); тембр накладывается на готовую уже схему фразы с ее строением.

8. Следует строго различать суперсегментные явления, которые относятся к фразе и которые относятся к слову. По своей физической природе они могут совпадать, хотя бы и не нацело, а частично, но функционально они не

тождественны, а различны. Суперсегментные явления, сопровождающие слово (ударение, ритмика), входят в область акцентуации; суперсегментные явления, сопровождающие фразу, входят в область интонации (здесь главную роль играет мелодика, даже в так называемых тональных языках, где надо отличать движение тона как факт акцентуации слова и движение тона как факт интонации фразы).

9. К интонационному членению фразы никакого отношения не имеет синтагма — понятие чисто грамматическое (в понимании Соссюра, Бали, Карцевского, Томашевского, Фурке и некоторых других). То, что называют «синтагмой» Граммон, Щерба, Виноградови и их последователи, к синтагме в вышеуказанном смысле отношения не имеет.

10. Особую трудность правильной стратификации явлений акцентуации слова и интонации фразы представляют те случаи, когда слово и фраза «фактически» совпадают. Это бывает в случаях однословных фраз типа: «Светает.» или «Дома?». Здесь следует точно расслоить и стратифицировать, что в фонетическом оформлении относится к акцентуации слова и что — к интонации фразы.

11. Важным регулятором интонации является ритм, который основан на ритмике слова через его акцентуацию, но этим не исчерпывается, а подчиняется ритмике и мелодике фразы (это проявляется в фактах фразового и «логического» ударения, в паузировании внутри и в соотношении кадансов и антикадансов).

12. Термин просодема вряд ли сбóит по Трубецкому применять только к слогу и мере — они сами за себя отвечают. Лучше понимать под просодемой любые суперсегментные явления как в плане акцентуации слова, так и в плане интонации фразы.

13. Термин интонема по вышеуказанным причинам не имеет основания для своего приложения к явлениям интонации и потому должен быть оставлен.

Напоминание: Просодемы ни в коем случае, не следует именовать «фонемами тона», «фонемами длительности» и т. п., если это действительно просодемы, т. е. явления суперсегментного уровня, в отличие от явлений сегментного уровня — фонем и их дифференциальных и интегральных признаков.

Март 1970 — декабрь 1971 г.

ФОНЕМЫ ЙОТ И <И> В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

*

«j-ик так задумался, что не заметил, как стало тихо. Согласные фонемы забыли о его существовании, принявшись опять за ассимиляцию, диссимиляцию, оглушение, озвончение и т. п. будничные повседневные дела. А он, j-ик, никогда больше не пытался {найти родственную душу. Он так и остался одиноким и несчастным в богатой системе фонем русского языка».

Н.А. Еськова. Печальная повесть о j-ике.
Изд. 2. М., 1967 (ротапринт).

1

В посмертно опубликованной статье П. С. Кузнецов, ссылаясь на устное мнение В. Н. Сидорова, писал: «Для русского литературного языка речь идет по существу об одной единице в области гласных и одной единице в области согласных, которые, если эти две области фонем устанавливаются отдельно (независимо) друг от друга..., определяются как особые фонемы, но которые на основании особенностей их поведения могут быть сведены в одну фонему.

Речь идет об [i] среди гласных и [j] среди согласных»¹, к чему имеется сноска: «Эта мысль была высказана в частном разговоре несколько лет тому назад самим В. Н. Сидоровым, и кажется, еще не нашла отражения в его печатных работах»². И далее еще одно напоминание: «...возвращаясь специально к вопросу об отношении

¹ П. С. Кузнецов. Введение к объективному определению границ слова в потоке речи. «Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики». МГУ, 1968, стр. 208.

² Там же.

[i] и [j] в русском языке, должен сказать, что здесь не все ясно даже в свете общей теории сонантов и предложения В. Н. Сидорова об объединении [i] и [j] в одну фонему»³.

Соблазн такого рода мне понятен и именно потому, что, с точки зрения МФШ, объединение звуков в одну фонему можно доказать не артикуляционно-акустическим родством самих звуков, а лишь функционально, «на основании особенности их поведения».

Когда я занимался фонологической интерпретацией соотношения *ich-Laut*'а и *ach-Laut*'а в немецком языке, что легко объясняется фонологически как две вариации одной фонемы⁴, мне захотелось «подключить» сюда же и [h], так как [h] и [ç/x] не могут встречаться в одной позиции (<h> только в инициале морфемы, а <ç/x> только в финали, кроме суфф. *-chen*); но затем я понял, что здесь отсутствует один важный признак: возможность чередования в тех же морфемах на том же месте, что как раз характерно для отношений *ich-Laut*'а и *ach-Laut*'а (*Dach-Dächer*, *Macht-Mächtig* и т. п.); конечно, случаи *König* [kø:nɪç], *Königin* [Kø:nigin] сюда не относятся, так как тот же звук *ich-Laut* здесь чередуется с другим звуком [g] и относится к другой фонеме⁵.

Бесплодность своей попытки объединения [h] с [ç/x] я понял в связи с несоблюдением второго правила: «возможность чередования в тех же морфемах на том же месте», а принцип «экономии модели» мне никогда не казался заманчивым и убедительным; это путь конструктивного прагматизма, а не познания объективно данной онтологии; истина познается не путем «порождения эконоимой модели» исследователя, а путем установления объективных отношений объекта и построения адекватной модели с условием, чтобы «модель была похожа на объект и была бы проще объекта» (А. А. Марков, математик).

Мне кажется, что то, что меня остановило в причисле-

³ Там же.

⁴ См. об этом: А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V, вып. 1, стр. 117 (в перепечатке: А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М., 1970, стр. 220—221); а также Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 40, 44, 309.

⁵ А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике.

нии немецкого [h] к членам «гуттуральной фрикативной фонемы», правомочно и при решении вопроса о соотношении йота и [и] в русском языке.

2

Может ли быть такая ситуация в языке, чтобы «и слоговое» и йот были бы одной и той же варьирующей фонемой? Конечно, может. Не надо далеко ходить: возьмем авторитетное свидетельство Н. С. Трубецкого: «„Фонемы йот“ нет в немецком литературном языке. Литературное *j* скорее можно рассматривать как комбинаторный вариант гласного *i*. А это значит, что такое *j* не принадлежит к системе согласных»⁶.

И в другом месте: «В тех северочаковских диалектах хорватского языка, где, согласно А. Беличу и М. Малецкому, *j* восходящее к праславянскому *j* (например, *јаје* «яйцо»), отличается от *j* иного происхождения (например, *џаја* «џажда»), первое *j* с фонологической точки зрения является не согласным, а комбинаторным вариантом гласного *i* в непосредственном соседстве с другими гласными»⁷.

Хотя чисто фонетически «категорического разграничения» [j] и [i] в русском языке (да и в большинстве славянских) нет, тем не менее [j] в русском следует фонологически отнести к консонантизму, а не к вокализму, несмотря на то, что статистически эта фонема чаще появляется в виде «и неслогового», т. е. фонетически как гласный звук.

По данному вопросу приведу некоторые авторитетные мнения:

«Переднепалатальное образование *j* чередуется с *i* (я — ја или ја и под.) без категорического разграничения»⁸.

«Звонкий фрикативный ... *j* известен по всему славянскому миру, но всегда не разграничен категорически от *i*...»⁹.

«...в русском языке фонема *j* после гласных реализуется как неслоговое *i*, а после согласных — либо как *i*,

⁶ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 80.

⁷ Там же, 171.

⁸ О. Брок. Очерк физиологии славянской речи. «Энциклопедия славянской филологии», 25. СПб., 1910, стр. 52.

⁹ Там же, стр. 27.

то как спирант *j*, оба варианта являются факультативными»¹⁰.

Может смутить выражение О. Брока о том, что *j* и *i* «чередуются», но, хотя Брок и не стоял на базе теории фонем, но совершенно ясно, что здесь «чередуются» надо понимать как аллофоническую замену, а не как альтернативу. Это важно учесть для дальнейшего, когда придется рассмотреть вторую возможность этого выражения.

Принадлежность *j* к консонантизму в русском языке можно показать на различных примерах дистрибуции этой фонемы и ее позиционного поведения.

1. Йот закрывает слог как в конце слов (*мой, май, рой, лей, жуй, Вий* и т. п.), так и внутри слова (*мой-ка, май-ка, лей-ка, буржуй-ка*, и т. п.) и этим *j* становится в ряд с другими: *р, м, н, л* (*кор-ка, кром-ка, кон-ка, пол-ка* и т. д.). Слоги с сонорной финалью можно называть «полузакрытыми» в отличие от слогов с шумной финалью, что может быть только в конце слов (*поп, пот, ток* и т. п.), но не внутри слова (*во-дка, кле-тка, ко-пка, ку-кла* и т. п.).

2. В русском языке йот прикрывает слог как любая другая согласная, что видно из поведения предшествующих безударных гласных того же речевого такта, ср. *злая Оля* [зла́йа/бл'а] и *злая доля* [зла́йа/дóл'а], *злая ярость* [зла́йа/ја́рэс't'].

3. Интересно, что в тех русских говорах, где существует прогрессивная ассимиляция заднеязычных финалей основ после мягких согласных, то же происходит с заднеязычными и после йота, они ассимилятивно палатализуются, ср.: *Колька, Колькю; пятачка, пятачку* и *зайка, зайкю; чайка, чайкю*. Таких *-ка, -кю* не может быть после гласных, ср.: *черника, чернику; заика, заикю* и под. в тех же говорах.

3

Рассмотрим некоторые другие соотношения звуков [*j*] и [*i*] в современном русском языке.

1. Могут ли быть два «и слоговых» подряд в русском языке? Фонетически, на подфонемном уровне бывают очень часто (*армии, линии, гении, тернии* и т. п.). Однако если все это изобразить на фонемном уровне, то картина будет другая. Поскольку есть словоформы: *армию, линию,*

¹⁰ Н. С. Трубецкой. Указ. соч., стр. 58.

гению, тернию и: *армиям, линиям, гениям, терниям*, а, главное, есть словоформы, состоящие из чистой основы (разумеется, с нулевой флексией!): *армий, линий, гений, терний* и т. п., где $\dot{y} = [j]$ (хотя бы в ослабленном виде как «и неслоговое»), постольку словоформы типа: *армии, линии, гении, тернии* и т. п. следует фонематически понимать как сочетания йотовой финали основы и флексии *-и*, т. е.: <арм'и $\dot{y}$ -и, л'ин'и $\dot{y}$ -и> и т. д. Следовательно, соседство двух *и* в данных случаях фонематически мнимое: они имеют между собой прослойку $[j]$, но эта прослойка фонетически поглощается вторым $[и]$. Таким образом, в орфографических написаниях: *армии, линии* и т. д. первое *и* знак фонемы <и>, а второе *и* — знак бифонемного сочетания: йот + <и>, где буква *и* выступает как силлабема¹¹.

Фонематическое соседство двух *и* возможно лишь в ограниченном морфологическом положении, а именно — на стыке префиксов с финалью <и> и корнем с инициалью <и>, например *прииск, Прииртышье; наизобильнейшая, наимовернейшая* (Мусоргский, Попович). И всё.

2. Бывают ли в русском языке два йота подряд? Могут быть в иноязычных словах: *секвойя, Майя, Гойя*, а также в давно освоенных, типа: *район, майор*; последнее в орфографическом плане надо ставить рядом со случаями: *бульон, каньон*, где, правда, один йот, а сочетание $[j + o]$ графически передано посредством *ьо*, что значит $[jo]$, но не $[j'o]$ (ср. ниже написания типа: *революционер*, где *о* мягкости предйотовой согласной нет и речи). В случаях *бульон, каньон* — *ь* лишь сигнал, указывающий, что стоящее после него *о* — силлабема = $[jo]$. В случаях написания *майор, район* *о* — тоже силлабема = $[jo]$. Ср. слогоделение: *рай-йон, май-йор*, а не **ра-йон*, **ма-йор* и тем более: **рай-он, май-ор*.

Очень любопытен пример, который приводит Н. А. Еськова: *Гойй* (В. Брюсов, род. падеж. мн. числа от *Гойя*). Этот случай очень трудно выполнить по-русски

¹¹ Ср., например, у А. Н. Гвоздева: «Сколько у кошки ушей и хвостов?» и мой комментарий к этому примеру, с привлечением примеров: *выи* (род. пад. от *выя*) и *Вы и* (местоимение и союз); см.: А. А. Реформатский. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования и их варьирование в современном русском литературном языке. «Доклады и сообщения ИЯ АН СССР», 1955, VIII, стр. 23 (в перепечатке 1970 г. — стр. 397).

фонетически: йот требует рядом гласной, либо спереди: *Ай!*, либо сзади: *Я* ([ja], что лишний раз доказывает консонантную природу йота в русском языке)¹².

3. Итак, фонема йот может в современном русском языке реализоваться: а) в своем основном виде как [j] *колей*, б) в ослабленном виде как [j] («и неслоговое»): *колей* и в) в виде нуля: *колеи* и т. п., но не в виде «и слогового»!

Случаи типа: *ййцо*, *ййца* и *ййц* фонематически следует интерпретировать как: <jaј-ц-о>, <jaј-ц-а> и <jaј-иц>, где «и слоговое» в *ййц* относится не к корню, а к суффиксу, т. е. находится в другой морфеме и к судьбе корневой финали, йоту, никакого отношения не имеет; ср. деминутив *ййчки*, фонематически <jaј-ич-к-и>.

Такие же случаи, как *иметь*—*заиметь* (без йота!) и *займище*, *заем*, *займа*, *уймется*, *неймется* с *иметь* синхронически не связаны, и для современного русского языка здесь чередования «и слогового» и «и неслогового», т. е. йота нет. Случаи же — *идешь*, *пойду*—*пойдешь* следует для современного русского языка относить к супплетивизму, а не к чередованиям (ср. только с йотом: *отойду*—*отойдешь*, *зайду*—*зайдешь*, *найду*—*найдешь*, *дойду*—*дойдешь* без наличия словоформ и «и слоговым» на месте йота).

Зачастую при фонологической интерпретации орфографических примеров могут происходить и некоторые недоразумения, что, забегая вперед, я обнаружил в одной работе В. А. Редькина: «j в таких формах, как *пою*, является позиционным вариантом *и*, ср. *поишь*»¹³. Здесь явное смешение фонетики и орфографии: *пою* (фонематически: <пој-у>, ср. *поёшь* <пој-ош> и *поишь* <пој-иш>), в последнем случае <ji> фонетически дает [и], но фонематически корень <пој-> остается в силе, а в орфограмме *поишь* — *и* — силлабема [ji].

4. Сейчас начинается самое главное по данному вопросу — это дистрибутивное поведение йота и «и слогового». В русском языке возможны следующие сочетания:

¹² См. подробнее: Н. А. Еськова. Фонема [j] в русском литературном языке «Уч. зап. МГПИ», 1957, т. XVII, вып. 4, стр. 48. Она же. Невидимый согласный. «Знание — сила», 1974, №-6, стр. 45.

¹³ В. А. Редькин. О задачах изучения морфонологических единиц и их связи с единицами смежных уровней. «Единицы различных уровней грамматического языка и их взаимодействие», М., 1969, стр. 197, сноска 4.

1) С + [и] + С: *рис, мир, пир* и т. п.; могут быть и удвоения (и более) для С: *риск, приз, бриз, иск, спи...* и другие вариации консонантизма спереди и сзади «и» при возможности их скопления.

2) Г + [и] + Г встречается очень редко, разве что в иноязычной ономастике типа Каиафа, где получается трехсложное сочетание. Ср. фамилию киприота Папаиоанну. Вообще русский язык хиатусов не любит.

3) Г + [и] + С не часты: *аир, Каир, Каисса, уистити*, это реальнее при префиксальном шве: *занметь, заика, наилучший* и под.

4) С + [и] + Г встречается чаще: *лиана, Гвиана, радио, Родион*, — но опять это всё либо заимствования, либо собственные имена.

5) Особо надо оговорить сочетания с «и» гласных и согласных в аббревиатурах, где ведь «Бывает всё, и всякое бывает» (Беп-Акиба, «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова). Вот некоторые примеры из «Словаря русских сокращений»¹⁴: *НИИ* (Научно-исследовательский институт), *ЗИИ* (Заочный индустриальный институт), *ИИМК* (Институт истории материальной культуры), *ИИЕТ* [и́ет(?)] (Институт истории естествознания и техники) и т. д. — примеры можно умножить, но смысла в этом нет: аббревиатуры, как правило, «гомункулы», а не «гоминес», и доказательств в их свидетельстве для языка нет.

Все последние случаи ничего о закономерностях языка не говорят. Пусть это и не чисто «окказиональные» слова, но это только факты различных подсистем — иноязычных слов, собственных имен, аббревиатур, что в языке «погоды не делает».

5. В русских диалектах в случаях хиатуса чаще возникает эпентеза между гласными, и чаще всего йотовая: *фиялка, пиён, шпиён, киятер* и т. п., а также и протезы типа: *ето, етот, енти, ефти, ести* и в «иностранных словах»: *элемент, электричество, ероплан* и т. п. В литературном языке бытуют некоторые странности этого порядка типа: слова на *-иэнт, -иэнция*: *ингредиент, коэффициент, конгруэнция, диета* и нек. др. А с другой стороны, бытуют и такие факты, как *проэкт* без йота, когда там йот сам бог показал: латинское *projectum*. Наконец

¹⁴ Д. И. Алексеев и др. Словарь сокращений русского языка. М., 1963.

само производящее слово: *јасео*. А ведь есть сторонники «безйотового» написания и произношения этих слов!

Все это, конечно, путаница, касающаяся «подсистемных» слов, но путаница все же существует.

Однако в русском языке есть и другая тенденция во многих говорах — упразднение интервокального йота (особенно в говорах Вологодско-Вятской группы и отчасти Владимиро-Поволижской): *копекз*, *бываэт* (а далее: *бываат* и *быват*) и даже инициального йота: *эсли бы!*

Как противоречивы эпизоды с этим самым йотом!

6. В связи с этим мне хочется упомянуть о статье А. В. Исаченко «Der Schwund des intervokalischen [j] im Russischen»¹⁵. В этой статье А. В. Исаченко пишет:

«Bekanntlich besitzt die russische Schriftsprache ein Phonem [j], das einen stimmhaften palatalen Mittelzungelaut, der bald als Engelauf mit geringen Reibbrausch, bald als Halbvokal ohne Reib eräusch gesprochen wird» (116)*.

В сноске 2 добавлено:

«Vor dem Laut [y] kommt [j] im Russischen nicht vor, da ja das [y] im Russischen gerade jene Variante des Phonems [i] darstellt, die nur nach nicht palatalisierten («harten») Konsonanten stehen kann, während aber [j] ein palataler («weicher») Konsonant ist» (116)**.

Пока что все правильно и согласуется с тем, что писали О. Брок, Н. С. Трубецкой и другие фонетисты. Но дальнейшие соображения А. В. Исаченко не представляются убедительными. Он пишет:

«Da [j] stimmhaft ist, kann es in gewissen Stellungen seine Stimmhaftigkeit einbüßen. Eine solche Stellung ist der absolute Wortauslaut, wobei den paarwesenaufgetretenen Phonemen immer nur die stimmlose Glied aufscheint: *народ* [na'rot] ... Nun wird im absoluten Auslaut auch die Sonans [r] und [r'] gewöhnlich stimmlos gesprochen, und zwar

¹⁵ А. В. Исаченко. Der Schwund des intervokalischen [j] im Russischen. «Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft». Bd 2, 1—4. Berlin, 1959, стр. 116—124.

* «Как известно, в русском литературном языке есть фонема [j] — среднеязычный палатальный звонкий звук, которая произносится то как проточный звук с легкой фрикацией, то как полугласный — без фрикации» (116).

** «Перед звуком [y] в русском [j] не встречается, так как [y] в русском — это вариант [i], который может стоять только после непалатализованных (твердых) согласных, тогда как [j] — палатальная («мягкая») согласная» (116).

nicht nur nach anderen stimmlosen Konsonanten wie etwa in *министр*, sondern auch nach Vokalen, wie etwa in *двор, удар, не верь*. Dieselbe Tendenz zu Stimmhaftigkeit Verlust äussert sich auch beim auslautenden [i]. In Wörtern wie *домой* kann man häufig die Aussprache... mit stimmlosen («geflüsserten») [i] hören. Bei besonders intensiver Aussprache kann auslautendes [i] in [j] übergehen und dieses spirantische [j] in Auslautstellung kann mitunter Sonorität einbussen, d. h. in [x'] werden. Der Schreiber diesen Zeilen hat es oft beobachtet, das ... Anfänger, denen ein russischen Text diktierte und beim Diktat sich bemühte, möglichst deutlich und intensiv zu artikulieren, wie *этих мнений*, oder *летний день* das auslautende -й als stimmloses [j] hörten und dementsprechend widersinnig «*этих мнений*» oder «*летних день*» schrieben. Offenbar wurde in diesen Positionen tatsächlich stimmloses [x'] artikuliert» (118—119) *.

Если бы это все было так, как утверждает А. В. Исаченко, то произношение немецкого *ich*-Laut'a не вызвало бы у русских трудностей, однако они есть. Когда русские, не владеющие немецким языком, произносят немецкие фамилии: Рихтер, Редлих и т. п., то они подменяют имеющийся в них *ich*-Laut даже не мягким [x'], а твердым [x]. Кроме того, глухой йот — это не палатализованное заднеязычное [x], а именно среднеязычный звук, т. е. как раз [ç] — *ich*-Laut.

Мнение А. В. Исаченко об оглушении финального [p] после гласных тоже неточно. Конечно, некоторое ослаб-

* «Так как [j] звонкий, то он может в известных положениях свою звонкость утрачивать. Таково положение в абсолютном конце слова, в котором парные фонемы предстают в своем глухом виде: *народ* [na'rot] ... Так же в абсолютном конце слова произносятся без голоса сонанты [r] и [r̥] и не только после глухих, как, например, *министр*, но и после гласных, как, например, *двор, удар, не верь*. Такая же тенденция к утрате голоса проявляется и в конечном [i]. В таких словах, как *домой*, часто можно слышать безголосовое («шепотное») [i]. При особо отчетливом произношении может конечное [i] переходить в [j], и это фрикативное [j] в положении конца слова может терять свою сонорность, т. е. превращаться в [x']. Пишущему эти строки приходилось часто наблюдать, как у начинающих, когда им старательно диктовали русский текст и стремились отчетливее и яснее артикулировать в таких сочетаниях, как *этих мнений* ... или *летний день*, слышно конечное -й как глухой [j], и поэтому писали «*этих мнений*» и «*летних день*». — Ясно, что в таких позициях артикулировалось [x']» (118—119).

ление звучности тут есть, но не такое, как, например, в словах: *министр, смотр, весть* и под., где возможно и полное исчезновение этого оглушенного [r] (ср. «*Пёт Петрович! Пойдем в театр.*»). Конечный же йот, который не может быть после согласных (ср. *статей, скамей, семей, свиней* и под. при основах в других падежах без «вставного» [e]) оглушается только в эмпазе, например, при эмпатическом произношении междометий *ай! ой!* Это может происходить даже в цепии, ср. последнюю реплику Надежды Насоновой в «Вере Шелого» Римского-Корсакова: «*Мой!*» (о чужом ребенке), где в финали звучит отчетливый *ich-Laut*. Нормально же финальный йот вокализуется в [и], т. е. «осопоривается» сильнее, чем сам йот в позиции опорной согласной.

Еще одно замечание по поводу сказанного в статье А. В. Исаченко (стр. 122, сл. 14). Речь идет о произношении йота в словах: *славное, рабскую, знает* в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта». Да, в этой пластинке произношение указанных слов без йота имеется, но ведь это декламирует А. А. Остужев, индивидуальной манерой которого в связи с глухотой было опускание интервокального йота (ср. пародию на его произношение у Н. Л. Андроникова: «Где вы шлязетесь?»).

Вернемся однако к дистрибуции йота в русском.

7. Сочетаний *С + <j> + С* в русском не бывает. Даже в тех случаях, когда основа оканчивается на *С + <j> + Ø* («диэреза» по М. В. Панову), возникает «вставная гласная»: *свинья—свиней, скамья—скамей, семья—семей* и т. п.; ср. также те случаи, когда исходную «диэрезу» именительного падежа ед. числа заменяет в косвенных падежах гласная флексия: *воробей—воробья, соловей—соловья*. а, следовательно, и: *Васильевич, Василья—Василей* и: *шалунья—шалуней!* Сюда же относятся и деэтимологизированный *заец—зайца* («беглого а» русский язык не знает, здесь теперь <е>!). То же бывает и при словообразовании: *житьё—житейский, литъё—литейный* и т. п. (ср. в славянизмах: *житие—житийный, бытие—бытийный* и т. п., где <и> константно). «Нелюбовь» русского языка к сочетаниям двух согласных в конце слова (в конце одного закрытого дважды слога) проявляется и в иных, «нейотовых» случаях, ср. *кольцо—колец, земля—земель, окно—окон, сукно—сукон* и т. п., когда после мягких согласных появляется «вставное е», а после твердых — «вставное о».

На тему о «двусогласных финалях» с участием йота под № 1 есть очень скрупулезная статья В. Н. Топорова «О дистрибутивных структурах конца слов в современном русском языке»¹⁶.

В этой статье В. Н. Топоров регистрирует у русских словоформ такие финали со скоплением согласных: 1) *-йб* (*шайб*), 2) *-йв* (*айв*), 3) *-йд* (*пройд*, *офсайд*), 4) *-йств* (*краснобайств*), 5) *-йм* (*обойм*, *сейм*), 6) *-йль* (*коктейль*), 7) *-йн* (*войн*), 8) *-йн* (*телетайн*), 9) *-йр* (*мойр, эсквайр*), 10) *-йс* (*рейс*), 11) *-йт* (*флейт, войт*), 12) *-йф* (*шлейф*), 13) *-йфь* (*дрейфь*), 14) *-йх* (*шейх*), 15) *-йц* (*убийц, флейц*), 16) *-йш* (*гейш*), при этом В. Н. Топоров замечает, что нет ни одного примера с обратным порядком финального скопления согласных, где бы йот был на конце (стр. 154).

В приведенном перечне пропущены финали: 1) *-йл* (*кайл*), 2) *-йск* (*войск, Можайск*). Но самое главное состоит в том, что в приведенных примерах подавляющее количество заимствованных слов (*шайб, айв, офсайд, сейм, коктейль, телетайн, эсквайр, мойр, рейс, войт, флейт, шлейф, дрейфь, шейх, флейц, гейш*), на долю же «своих» слов приходится лишь 4 примера: *пройд, обойм, войн, убийц*, да еще можно добавить к этому пропущенные: *войск* и *кайл*, — итого 6 из 22, т. е. меньше, чем 25%; да и те, кроме *войн, войск, обойм* и *убийц*, слова редкие, и, главное, только в словоформе родительного падежа мн. числа.

Все это показывает нелюбовь русского языка к финалям на группу согласных, где одна из них йот.

8. Что касается случаев типа русских: *житьё, бытьё, умение, терпенье* и морфологических славянизмов: *житие, бытие, умение, терпение*, то здесь можно усматривать в вариантах тех же слов соответствия <и> и ноль (*житие — житьё*) в суффиксе и больше ничего. Главное же здесь то, что эти «варианты» — разные слова из двух различных лексических пластов с разными лексическими значениями; там же, где нет лексического различия варианта с суффиксом *-<j>* и с суффиксом *-<ij>*, — это так называемый стилистический вариант, и к фонетике современного русского языка это никакого отношения не имеет.

9. В отношении «поведения» йота в русском языке сле-

¹⁶ В. Н. Топоров. О дистрибутивных структурах конца слов в современном русском языке. «Фонетика, фонология, грамматика». М., 1971, стр. 152—162.

дует напомнить то, что было написано С. О. Карцевским еще в 1943 г. (см.: *Cahiers F. de Saussure*, 3, 1943) и независимо от Карцевского Н. А. Еськовой в «Печальной повести о j-ике» (позднее опубликовано в ее статье «Невидимый согласный») — их мысли совпали!

Йот — одиночка. Он не входит ни в одну корреляцию (привативную оппозицию, по Трубецкому). «Мягкий» он или «твердый»? Это очень трудный и, я сказал бы, ненужный вопрос! Он — в основном — никакой...

Картина, действительно, очень противоречивая: в ударных слогах гласные перед йотом скорее, как перед мягкими согласными, <а> в *май* такое же, как <а> в *мать*, но после йота гласные, как после твердых согласных: ср. *мамка*, *ямка* и *лямка*; корневая фонема <а> в *ямка* звучит не так, как в *лямка*, а как в *мамка*.

В безударных слогах гласные после йота ведут себя, как после мягких согласных. ср. *яви* [йив'й], как *тани* [т'ин'й], а не как в *тони* [тан'й].

Особо следует отметить тот факт, что йотовые основы объединяются в одну парадигму с основами на твердую согласную, а не на мягкую: *край* — *краёв*, как *трудо*, но не как *коней*, *путей*, *костей*, *мечей*, *ножей*, *шалашей* (в последних двух случаях «на мягкую согласную» следует понимать условно, т. е. — морфонологически). Странный господин этот йот!

10. Уже, хотя бы исходя из последнего соображения, ясно, что фонолог не может игнорировать показания морфонологии, а тогда всё говорит за то, что в русском языке йот — это элемент консонантизма, а <и> — вокализм. И это разное, не сводимое к единству на фонематическом уровне. А морфонология этот тезис более чем ясно подтверждает.

4

Здесь очень интересен вопрос о характере основ в русской морфологии, с точки зрения финальных фонем.

Именные основы могут быть в русском языке:

А. Существительные:

- а) на твердую согласную: *бор*, *окно*, *жена*;
- б) на мягкую согласную: *конь*, *меч*, *путь*, *поле*, *земля*, или на «бывшую мягкую»: *шалаш*, *нож*, *мышь*, *рожь*;
- в) на йот: *край*, *жизнь*, *змея*, *свинья*.

Б. Прилагательные:

- а) на твердую согласную: *рьяный*,
- б) на мягкую согласную: *синий*,
- в) на йот: *лисий*.

Последний пункт нуждается в примечании. Парадигмы типа *синий* и *лисий* довольно схожи, но это обманчивая схожесть: основа в *синий* на мягкую согласную <с'ин'->, а в *лисий* — на йот: <л'ис'ей-). Ср. женский род: *синяя* и *лисия* (по Шахматову: из **лисья* через гаплоглогию).

Основ на гласную в склоняемых словах русский язык не имеет.

В области глагола дело обстоит несколько сложнее, так как в образовании словоформ в спряжении у глаголов есть еще «тематические гласные» и... «тематический йот»!

На тему о том, сколько же основ у русского глагола, есть разные мнения. Разберемся в этом вопросе, чтобы решить судьбу йота в русском глаголе.

Существует две трактовки морфологии русского глагола: одна, более обычная, признающая в формообразовании русского глагола две основы: инфинитивно-прошедшую и настояще-императивную, и другая — «одноосновная». Сторонниками первой трактовки являются Н. Н. Дурново, С. О. Карцевский, В. Н. Сидоров и др., сторонниками второй — Р. О. Якобсон, Ф. Папп и нек. др. Я — непримиримый сторонник первой трактовки, поэтому иная трактовка для меня неприемлема. И это не из упрямства, а потому, что первая трактовка мне представляется не только более экономной и удобной для объяснения всего многообразия словоформ русского глагола, но и более реалистичной по отношению к онтологии русского глагола. Распределение продуктивных и непродуктивных классов русского глагола легко ложится в лоно первого объяснения; труднее у Дурново и Сидорова, и всего проще у Карцевского; исходя же из второй версии, очень трудно логически точно провести эту классификацию. И дело здесь прежде всего упирается в признание наличия двух или одной основы в формообразовании русского глагола. При множестве тонких замечаний и наблюдений в статье Р. О. Якобсона «Russian conjugation»¹⁷ почти невоз-

¹⁷ R. Jakobson. Russian conjugation. «Selected writings», II. The Hague — Paris, 1971, стр. 119 и сл.

можно определить, что же здесь относится к продуктивным классам, что к непродуктивным, да и запомнить эту классификацию глагольных типов и их сходств и различий трудно. То ли дело у Карцевского: две основы, даются приметы аффикса инфинитива и 6-го лица настоящего времени (императив иной раз коварен и нерегулярен!), и сразу обозначаются 5 продуктивных классов, а непродуктивные сгруппированы экономно в 7 групп, которые можно и дробить далее (В. Н. Сидоров), а что они суть «непродуктивные» — ясно без лупы.

И дело здесь в значительной мере в том, что в основе классификации лежит признание двух основ в формообразовании русского глагола. Выделение особых элементов морфологии — основообразовательных, по старому «тематических», элементов, не имеющих своего значения, но морфологически значимых, конструктивных для формообразования (А. Н. Тихонов предложил их называть «структемы» в отличие от морфем, имеющих значение¹⁸) — четко показывает различие двух основ в морфологии глагола.

В связи с вышесказанным мне придется сделать небольшое отступление по поводу статьи Н. А. Янко-Триницкой «Основа и флексии в русском глаголе»¹⁹, а потом уже изложить свою точку зрения на судьбу йота в формообразовании русского глагола.

Опираясь на имевшиеся ранее высказывания об основах русского глагола Р. Якобсона, М. Халле, Ф. Паппа, Е. Кржижковой, Н. А. Янко-Триницкая утверждает: «Итак, в глаголе, как и во всяком изменяемом слове, одна основа, т. е. одна постоянная часть, общая для всех форм одного глагола. Формы настоящего и прошедшего времени различаются не только системами флексий: лица и числа (для настоящего-будущего времени) или рода и числа (для прошедшего времени), но и другими формальными показателями: флексией *-л-* для прошедшего времени и различными преобразованиями основы для настоящего времени, приводящими к тому, что основа оканчивается на согласный».

¹⁸ А. Н. Тихонов. Морфема как значимая часть слова. «Филологические науки», 1971, № 6, стр. 48.

¹⁹ Н. А. Янко-Триницкая. Основа и флексии в русском глаголе. «Фонетика, фонология, грамматика», стр. 303—311.

Выделение этой основы глагола показывает, что в глаголе может быть две флексии в одной форме, каждая флексия со своим значением. Две флексии наблюдаются и в некоторых других формах, например в формах множественного числа повелительного наклонения глаголов продуктивных классов: *нес-и-те*, *чита-й-те*. Одна из них указывает на значение повелительного наклонения, другая — на множественное число.

Система флексий в русском глаголе тоже одна, представленная вариантами, которые задаются морфонологически характером основы глагола» (стр. 310, сн. 11).

Мы привели большую цитату из статьи Н. А. Янко-Триницкой, так как в ней сконцентрированы основные мысли этой работы и так как многие положения этой цитаты вызывают у нас сомнение.

1) Утверждение, что «...во всяком изменяемом слове одна основа...» не соответствует действительности, ср. *мать* и *матери*, *дочь* и *дочери*, *небо* и *небеса*, *чудо* и *чудеса*, *брат* и *братья*, *стул* и *стулья*, *кум* и *кумовья*, *молот* и *мелю* и т. п., где не только встречаются разные основы для единственного и множественного числа, но и в пределах одного числа.

2) Пренебрежение принятой классификацией глаголов приводит автора к тому, что глагол *нести* оказывается глаголом продуктивного класса наряду с глаголом *играть*!

3) Н. А. Янко-Триницкая утверждает (стр. 311, сн. 12), что в причастиях настоящего времени «тоже следует выделять два словоизменительных [? А. Р.] аффикса *нес-ущ-ий*». Неужели же можно думать, что *несущий* и *нести* — это «то же слово», а дальнейшая их аффиксация есть «словоизменение»? Не реалистичнее ли предположить, что это два разных слова — одно склоняемое, а другое спрягаемое (формальный признак Фортунатова — налицо!), и что постоянно присутствующий в этом слове *несущий* суффикс *-ущ-* образует слово, словообразовательный, не участвующий в изменениях этого слова по падежам и числам? Очевидно, автор опирается на какую-то новую теорию различения словообразования и словоизменения, которая остается «за кулисами» и мне непонятна, хотя я и последователь московской школы в грамматике и один из могижан МФШ.

4) В первом абзаце приведенной цитаты имеется еще

одно место, которое мало вяжется с категорическим утверждением об одной основе в спряжении русского глагола; автор говорит: «Формы настоящего и прошедшего времени различаются не только системами флексий..., но и другими формальными показателями... и различными преобразованиями основы для настоящего времени, приводящими к тому, что основа кончается на согласный» (стр. 310).

Следовательно, основа глагола претерпевает в спряжении «преобразования»? Один ее вид может оканчиваться гласной, а другой — согласной? Ведь это же аргумент в пользу того, что основы в глаголе могут быть разные! И, может быть, их две, а не одна? Так, по-старому? А тогда весь приведенный выше пассаж об «одной основе» теряет всякий смысл! И не лучше ли вспомнить то, что писал великолепный русский грамматист В. Н. Сидоров ²⁰:

«Для образования форм спряжения подавляющее большинство глаголов имеют две основы, различающиеся между собой суффиксами или различными фонемами в этих основах» (стр. 176). И далее: «Различия между основами прош. и наст. вр. у различных глаголов неодинаковы. На учете того, какого рода различия представляют те или иные глаголы в основах прош. и наст. вр., строится классификация глаголов» (стр. 177).

Вся трудность в морфемной характеристике спряжения русского глагола состоит не в «конечных» словоизменительных аффиксах, они легко понятны, а в видоизменении основ благодаря присутствию в морфемном строении словоформ глагола «тематических элементов».

Если в продуктивных классах глаголов картина более или менее ясна (речь идет о тех классах, где при образовании словоформ участвует йот, т. е. о 1-м, 2-м и 3-м классах: *игр-а-* и *игр-а-й-*, *бел-е-* и *бел-е-й-*, *сов-а-* и *су-й-*). «Или менее», потому что в 3-м продуктивном классе, в отличие от 1-го и 2-го, есть затруднение в истолковании соотношения 1-й и 2-й основ (*сова-* и *суй-*), неизменной остается лишь одна согласная *с-*, остальное — иное. Я интерпретирую это явление так: 1) альтернатива в корне: *ов-/у-*,

²⁰ Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., «Учпедгиз», 1945 (раздел «Морфология» написан В. Н. Сидоровым).

2) «тематическое чередование» -а/нуль и 3) появление «тематического йота» для образования 2-й основы.

Аналогичные явления происходят и в глаголах непродуктивных классов. Особый интерес представляют в данном случае 5 глаголов, где можно «заподозрить» чередование «и слогового» с йотом, это *пить*—*пью*, *бить*—*бью*, *вить*—*вью*, *лечь*—*лечу* и *шить*—*шью*. Имеются ли в этих примерах «и слоговое» и йот «в тех же морфемах, на том же месте»? Думаю, что это не так. Возьмем для сравнения и «разбега» такие глаголы, как *жать*—*жну* и *жать*—*жму*; в них нет тематического йота второй основы, но корень альтернирует: *ж-*, *жн-* (или *жм-*) (не считая видовых альтернатив *жин-* / или: *жим-* /). Дело в том, что гласная фонема перед -ть инфинитива (и, соответственно, перед -л прошедшего времени) «перестала быть корневой» и превратилась в тематическую гласную, играющую в формообразовании глагола такую же роль, как -а в *игр-а-* или -е в *бел-е-*; ведь иначе пришлось бы считать в словоформах *жать*—*жну* чередование <а—н>, а в *жать*—*жму* — <а—м>.

Так же и в упомянутых пяти глаголах на -и-ть: -и- стало тематической гласной, и при образовании второй основы это «и» исчезает (как в *сов-а-* / *су-й*, где -й отнюдь не альтернант для а, а йот оформляет вторую основу, как в *игр-а-й*, *бел-е-й* 1-го и 2-го продуктивных классов). Следовательно, в словоформах *пить* — *пью* нет чередования «и слогового» и йота в той же морфеме на том же месте, а тематическая гласная первой основы чередуется с нулем во второй основе, а йот второй основы — это другой «тематический элемент» в другой морфеме (или, по А. Н. Тихонову: «структеме»).

Такие словоформы, как *убийца*, *кровопийца*, подкрепляют сказанное: ведь в них в линейной последовательности присутствуют и «и слоговое», и йот! В императивах же *пей*, *бей*, *вей*, *лей*, *шей* — ввиду невозможности русских словоформ с финалью С + йот имеется «вставное е», как в *свиней*, *семей*, *статей* и т. п.

В соответствующих глаголах после твердой согласной (а их всего четыре: *мыть*, *ныть*, *рыть*, *крыть*; глаголы: *жить*, *плыть*, *стыть*, *быть* — к вопросу о йоте не относятся) формообразование сопровождается иным чередованием: «и слоговое» — о, а йот опять же предстает как «тематический элемент» (*мо-й*, *но-й*, *ро-й*, *кро-й*).

Такой йот следует отличать от йота в таких глаголах, как *клеить, стоять, везть, прицвоить, удвоить, сбойть, таить, гноить, драить* (ср. *клей, стой, вей, присвой, удвой, сбой, тайна, гниение, драение*); здесь йот — элемент корня, присутствующий во всех словоформах (а буква «и» в *клеить* и под. — силлабема [j + и]).

Весь этот экскурс нам понадобился для «иноного понимания» образования глагольных основ и как прямой ответ на мнение Н. А. Янко-Триницкой: «В единичных основах глаголов непродуктивных классов используются и некоторые другие способы преобразования основы, например, в глаголах *пить, бить* конечный -и основы замещается на j: *п'j-ут, б'j-ут* и т. д. ...». Ясно, что я против такой трактовки этого вопроса.

5

Непричастность йота в русском языке в вокализму косвенно подтверждается еще и такими морфонологическими случаями, как словоформы *собью, совью, солью, сошью* и под., где, как и в словоформах *сомну, сожру, сожму, сорву* и под., возникает альтернатива нуля с гласной перед двумя согласными, в префиксе.

Что же касается иноязычных слов с «колебаниями» выбора варианта с «и слоговым» или йотом типа: *кианти — кьянти, фиорд — фьорд* и под., то они к данному вопросу не относятся: это просто две разные транскрипции с одного оригинала: при *и-овой* (так любил называть Олаф Брок!) транскрипции получается: *кианти, фиорд*, а при йотовой — *кьянти, фьорд*, с различием в счете слогов.

Сюда же надо отнести и такие случаи «поэтических вольностей», как *интернационал, революционный, физиономия, венецьянский* (вместо: *интернационал, революционный, физиономия, венецианский*) у А. Блока; *вьолончель, миллионеры* (вместо: *виолончель, миллионеры*) у А. Белого ²¹.

Добавим к этому у Пастернака: «Как *визьонера...*» (171), «Вы *революционер?*...» (284), «В *революционной...*» (319), *Тицьян Табиезде обдан...*» (394) и др.; и даже при написании с *и*: «*Пианино* в огне пробежится и вскочит...» (130), «*Пианисту* понятно пшырянье ветош-

²¹ См.: Н. А. Еськова. Указ. соч., стр. 80—81.

ниц...» (191), «...какую вещь в какой комиссариат...» (337), «желтофиолем...» (рифма: *привольем*, 455) и др.; хотя есть и обратные случаи: «Разило парами *иода*...» (467)²².

Хотя эти случаи и окказиональные, но допустимые по узуальным моделям русского языка, ср. *венецианский* от *Венеция* и *итальянский* от *Италия*, *персианка*, *негоциантка* от *Персия*, *негоция* и *итальянка*, *маньячка* от *Италия*, *мания*. Наряду с более привычным: *маньяк* (бытовое слово) — *маниакальный* (научный термин). В случаях: *биллиард* и *бильярд*, *миллиард* и *мильярд*, *миллион* и *милльон*, *пианист* и *пьянист*, *бриллиант* и *брильян*, *материалист* и *матерьялист* и под. обе формы узуальны, но первые из них имеют более книжный характер, а вторые — разговорный. Это типичные варианты (или: варианты!) слов. Ср. с таким случаем, как *христианин* и *крестьянин*, где этимологически одно слово в двух вариантах, но в современном языке (и уже давно!) — это два разных слова, что поддержано передачей греческого «хи» как *х* и как *к*. «Рейхлиновой» и «Эразмовой» передачей греческой «эты» и разным местом ударения.

6

Теперь остается поговорить еще об уровневой характеристике йота в современном русском языке, хотя у меня здесь нет никаких сомнений, но, поскольку в лингвистической литературе этот вопрос ставился и по-разному решался, надо и на это ответить.

При рассмотрении вопросов, связанных с характеристикой фонемы йот в русском языке, легко пойти по соблазнительному пути и прийти к утверждению, что йот в русском языке — редчайший случай, когда «дифференциальный признак», в данном случае — мягкость, выступает в качестве целой фонемы, содержание которой исчерпывается одним дифференциалом! К подобному заключению можно прийти путем такого рассуждения:

1) Для единицы йот в русском языке иррелевантны и недифференциальны: а) его звонкость — сонорность ввиду отсутствия в русской фонологической системе [ç] — *ich-Laut'a*, б) его фрикативность — проточность ввиду

²² Страницы указаны по изданию: Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М., 1965.

отсутствия для среднеязычных другого способа образования, в) его локальный признак ввиду отсутствия «переднеязычного» и «заднеязычного» йота и, наконец, г) тут маленькая заминка: говорить по дифференциалу «мягкости — твердости» нет однозначной оппозиции, т. е. нет твердого йота, — можно, но суть-то дела именно в том, что, конечно, йот — мягкая согласная, и «мягкость» йота есть его единственное свойство, но, с другой стороны, в ряде случаев (по отношению к последующим согласным, по парадигме словообразования) йот объединяется с твердыми, а не с мягкими согласными ([a] в *ямка* такое же, как и в *дамка*, а не как в *лямка*; *краёв* от *край*, как *даров*, а не как *царей*). Йот в этом смысле — никакой.

2) Отсюда легко вывести то, с чего началось все рассуждение: йот в русской фонологической системе единственный и парадоксальный случай, когда один дифференциал исчерпывает все содержание целой фонемы, где пресловутый «пучок ДП» = 1! А сама эта единица равна одному ДП. А, может быть, даже — = 0? То есть единица фонематического уровня принадлежит уровню мерисматическому? Все это примечательно, интересно, парадоксально, единично... но: неверно.

Аргументы мои таковы:

1) Из чего бы ни состояли единицы, они всегда — единицы определенного уровня, и закон стратификации и ярусов, и уровней в языке непреложен. Например, если такие явления, как служебные слова, междометия, или же «индеклинабели» типа *манто*, *уистити*, *кенгуру* выступают в качестве членов предложения, имеют при себе «зависимые слова» («постоянное *но*», «залихватское *эх!*», «изящное *манто*», «маленькие *уистити*» и т. п.), то это не дает нам права констатировать, что в данных случаях в качестве членов предложения выступают морфемы (хотя указанные «явления» и состоят из одной морфемы!), так как это нарушение зоны яруса и уровня, и «иерархический скачок», недопустимый не только методикой исследования, но и онтологией иерархии единиц языковой структуры.

2) Йот — функционально — такая же единица, как и <р>, <л>, <т>, <д> и т. д., в отношении состава морфем, т. е. попросту говоря, в слове *яма* так же четыре фонемы, как и в слове *дама*, и из них 2-я и 4-я — гласные, а 1-я и 3-я — согласные.

3) Спор о различении единиц фонемного уровня и уровня мерисматического ведется давно. Н. Ф. Яковлеву в его известной статье «Математическая формула построения алфавита»²³ это еще не было ясно. Он писал:

«Грубо говоря... фонемы — это те звуки, с помощью которых происходит различение слов в языке. Точнее говоря, мы должны признать фонемами те звуковые отличия, которые выделяются в речи как ее кратчайшие звуковые моменты в отношении к различению значимых элементов языка».

В моей статье «Проблема фонемы в американской лингвистике» (статья была написана в конце 30-х годов, но вышла в свет в 1941 г.²⁴) я, возражая Н. Ф. Яковлеву именно по данному вопросу, писал:

«На мой взгляд, здесь смешиваются два соподчиненных явления. С одной стороны, «звуковые отличия» или различительные признаки», с другой стороны, некоторые «их объединения или совокупности, реально существующие и функционирующие в данном языке в тех или иных звуках речи. «Различительные признаки» или «звуковые отличия», — будем называть их впредь для краткости дифференциалы (например, «звонкость», «глухость», «твердость», «мягкость», «взрывность», «фрикативность», «краткость», «долгота», «назализация», «лабиализация», «аспирация», «гортанность», «язычность» и т. п.) — являются, действительно, «кратчайшими моментами», но на нынешней стадии развития языков они не могут существовать изолированно, отдельно — они образуют известные совокупности, которые уже не являются «кратчайшими моментами», однако они действительно неделимы с точки зрения реального функционирования и без потери функциональной значимости в данном языке... Я полагаю, что из всех фонологических возможных единиц языка термином фонема надо называть именно эту единицу».

В этой маленькой дискуссии, пока что в общей форме, идет разговор о различении единиц разных уровней: фо-

²³ Н. Ф. Яковлев. Математическая формула построения алфавита. «Культура и письменность Востока», I. М., 1928, стр. 46 (в перепечатке 1970 г. — стр. 129).

²⁴ А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике. «Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V, вып. 1, стр. 135, 136 (в перепечатке 1970 г. — стр. 243, 244).

нематического и мерисматического, т. е. фонемы и «признака» — мерисмы.

В наши дни эти вопросы опять оживились, благодаря вниманию к «анализу по уровням» и вследствие особого внимания к характеристикам по мерисмам у Р. О. Якобсона, М. Халле и других сторонников определения фонологических описаний в терминах мерисм.

На эту тему была написана и статья А. С. Либерманом «Фонема или различительный признак?»²⁵, где автор, привлекая обильный материал из немецкого, английского и исландского языков, решает два вопроса: может ли «признак» выступать в качестве фонемы и может ли быть линейная последовательность: фонема + признак.

Постановка вопроса у А. С. Либермана несколько парадоксальна: ведь фонема и «признак» — единицы различных уровней, и их характеристика принципиально различна: фонема, хотя и нечленима линейно, но принадлежит линейному ряду, выделяется путем членения звуковой цепи как *sui generis* отрезок, как звено; различительный же признак — общее: мерисма — принципиально не линейна, мерисма не может быть выделена путем членения цепи на сукцессивные звенья: существование мерисм в составе фонемы симультанно, что признает и сам А. С. Либерман: «Известно определение, что фонема представляет собой пучок симультанно заданных признаков, кажется ясным и недвусмысленным» (стр. 143).

Справедливо пишет А. С. Либерман и далее: «Фонемы выделяются как парадигматические элементы» (стр. 148). Кстати, мерисмы выделяются тем паче парадигматически, так как они к «синтагматическому плану» никакого отношения не могут иметь. А вот фонемы входят и в «синтагматический план», они характеризуются не только своей парадигматической валентностью (см. указанную мою статью 1941 г.), но и синтагматической валентностью (см. статью В. Н. Топорова, указ. выше).

Далее А. С. Либерман подходит к интересующему нас вопросу; он ставит вопрос так: «...чем является палатализация в русском — различительным признаком согласных или реализацией фонемы <j>?»

²⁵ А. С. Либерман. Фонема или различительный признак? «Фонетика. Фонология. Грамматика», стр. 143—150.

ЕЩЕ РАЗ О СТАТУСЕ МОРФОНОЛОГИИ, ЕЕ ГРАНИЦАХ И ЗАДАЧАХ

- (1) «Морфонология — это часть фонологии слова, рассматривающая фонологическую структуру морфемы».
- (2) «Морфонология представляет собой раздел грамматики».
- (3) «Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике».

Н. С. Трубецкой TCLP, IV, 1931.

Итак, три возможности определения искомого статуса морфонологии. Каждая из этих возможностей может быть аргументирована и может иметь достаточные основания. Однако, если сохранить все три возможности, однозначное решение не получается. Надо сделать выбор, разобрав все «за» и «против» каждой из них.

С конца 20-х годов прошло более сорока лет. За это время было высказано много мыслей, по данному вопросу было написано много статей. Попробуем подвергнуть различные мнения анализу и критике, чтобы высказать положительное суждение об интересующем нас предмете.

1

Если термин «морфонема» встречается и в других работах 30-х годов не только у Н. С. Трубецкого¹, то разговор о морфонологии первый начал Н. С. Трубецкой, и ему мы обязаны возникновением термина «морфоноло-

¹ См.: *Н. Ułaszyn. Laut, Phonema, Morphonema.*— TCLP, IV, 1931; см. об этом также: *А. А. Реформатский. Проблема фонемы в американской лингвистике.* «Уч. зап. МГПИ», 1941, т. V. Труды кафедры русского языка, вып. 1 (в перепечатке: *А. А. Реформатский. Из истории отечественной фонологии.* М., 1970).

гия»; термин же «морфонема» Н. С. Трубецкой понимал и употреблял в совершенно другом смысле, чем Г. Улашын². Дальнейшие работы европейских и американских исследователей то принимали этот термин в смысле Улашына, то — в смысле Трубецкого. Первое было чаще и дожило до наших дней. В данной работе я не буду касаться «улашинской морфонемы», а буду говорить «потрубецки», но отнюдь не о его «морфонеме», а о морфонологии, так как термин «морфонема» для меня не существует в любом его осмыслении: ни по Улашину, ни по Трубецкому; морфонология же, что бы в нее ни включать, на мой взгляд абсолютно необходимый для лингвистики уровень языковой онтологии и необходимый раздел лингвистики, где получают структурную связь два основных яруса языка, а тем самым и два раздела лингвистики: фонология и морфология.

Возьмем к примеру такое сочетание прилагательного с существительным: *сукотная сука*. На первый взгляд *-сук-* в обоих словах — это «одно и то же». Да, это то же самое и фонетически, и фонематически, а морфологически и морфонологически это не «то же самое». Здесь разные морфемные границы и швы: *су-кот-н-ая* и *сук-а*, т. е. в первом случае *су-* не входит в корневую морфему, это префикс (ср. *сузаяная*, *супоросная* и под.), а *к* начинает корневую морфему (*кот-*); во втором же случае *су* и замыкающее корень *к* — элементы одной морфемы, а положение *к* финальное. В словах: *сук-а* и *суч-к-а* — [к] фонологически «то же самое», а морфонологически — не «то же самое»: в первом слове *к* — финаль корня, а во втором *к* — суффикс. Следовательно, и принадлежность той или иной морфеме, и место в морфеме релевантны морфологически, по можно ли на этом основании выделить морфонологию в особый структурный ярус языка, такой же полноценный, как фонология и морфология? Думаю, что нельзя. И дело здесь прежде всего в том, что у морфонологии нет своего «героя», т. е. основной единицы, а у любого подлинного структурного яруса она есть: у фонологии это фонема, у морфологии — морфема. Морфонология тоже имеет дело и с фонемой, и с морфе-

² См.: А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). «Вопросы грамматического строя». М., 1955 (в перепечатке см. там же).

мой, но это не ее «личные» единицы, а чужие, «от соседей»: фонема как низшая, минимальная, морфема как высшая, максимальная. Искусственное введение «своей» единицы для морфологии — «морфонемы» — мне не представляется убедительным. Недаром же у этой дисциплины нет «своего» имени, а ее «кличка» (морфонология) — опять же взаимные реверансы двух полноценных соседей: морфологии и фонологии. По Трубецкому: морфонология из морфофонология с применением гаплогонии. Терминологическая проблема решена Трубецким безукоризненно, по желанию Трубецкого оправдать это обязательным наличием и особой «единицы» — «морфонемы» уводит дело в сторону и представляется мне ненужным.

2

В опубликованных в первом выпуске TCLP (1929) «Тезисах...» предмет морфонологии был определен так:

«4. Важной проблемой лингвистики... является... морфологическое использование фонологических различий (морфофонология, сокращенно морфонология). Морфонема играет первостепенную роль в славянских языках. Этот образ, состоящий из двух или нескольких фонем, способных заменять друг друга согласно условиям морфологической структуры внутри одной и той же морфемы (например, в русском языке морфонема *к/ч* в комплексе *рук/ч*: *рука*, *ручной*). Необходимо определить строго синхронически как все морфонемы, существующие в каждом славянском языке или диалекте, так и место, занимаемое данной морфемой внутри морфемы»³.

В этих определениях важность и нужность морфонологии основана на понятии «морфонемы» как «комплексном образе» чередующихся фонем в алломорфах, возможность чего следует еще доказать.

В упомянутой уже статье 1955 г. я писал:

«Какое же «общее представление» может быть у [к] и [ч], у [г] и [ж] (в первой паре «глухость», что ли? А во второй — «звонкость»? А у *берегу* — *беречь* — явление того же порядка — ни то, ни другое...). В особенности же интересно, что «общее» у беглых гласных с нулем (а ведь

³ «Тезисы Пражского лингвистического кружка». [Русск. перев.]. М., 1967, стр. 21—22.

это точно такое же чередование что и [к]—[ч] или [г]—[ж]. Какая же здесь может быть «*idée complexe*»?

В поисках прямолинейной систематики Н. С. Трубецкой придумал несуществующую и ненужную для структуры языка единицу — ей нет соответствия в объективной действительности языка; там есть корреспонденция, соответствие или чередование вариантов морфем (*рук / руч, бег / беж, сон / сн* — и т. п.), но [к / ч], [г / ж] и тем более [0 / нуль] не образуют каких-либо реальных единиц структуры языка »⁴.

Я готов и сейчас утверждать и мифичность, и ненужность понятия «морфонема», но это не относится к понятию морфонологии и реальности соответствующего явления в структуре языка ⁵.

Состав части лингвистики «морфонология» намечен Н. С. Трубецким в его известной статье «Мысли о морфонологии».

«Полная морфонологическая теория состоит из следующих трех разделов: 1) теории фонологической струк-

⁴ А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии).

⁵ Следует подчеркнуть, что использование термина «морфонема» в ином смысле по линии: Улашын — Трегер — Харрис — Халле — Оливерius — Уорт для меня также неприемлемо — это травести фонем в московском смысле с ненужной «многоэтапностью» квазиединиц. Согласен с мнением Н. Д. Арутюновой: «...указать на морфонеми... как на столь же четко выделяемые единицы, какими являются фонемы..., принципиально невозможно, хотя многие языковеды прилагают к этому усилий много» (сб. «Единицы разных уровней...» М., 1970, стр. 69). Возражения Н. А. Слюсаревой Э. А. Макаеву и Е. С. Кубряковой (там же) мне мало понятны: «Наименее ясным, как это следует из доклада Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой, является положение морфонеми как единицы, наличие которой определяет уровневый характер морфонологии; по всей вероятности, трудности выделения единиц этого промежуточного уровня связаны с тем, что он... является переходным от пезнаковых единиц — фонем — к знаковым, двусторонним единицам» (Там же, стр. 272). Оставив общий вопрос о «знаковости» или «незнаковости» структурных единиц (здесь я никак не могу согласиться со сказанным, см.: А. А. Реформатский. Введение в языковедение. М., 1967, стр. 20—24; *Он же*. Из истории отечественной фонологии, стр. 42), я должен возразить и по данному частному случаю: морфонология как «небазисный», промежуточный уровень, характеризуется не наличием, а отсутствием соответствующей единицы — «морфонеми»; поэтому морфонология — не ярус, а лишь уровень, а если «ярус» и «уровень» — синонимы, то «подуровень».

туры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию»⁶.

Прежде чем подвергнуть анализу «программу» Н. С. Трубецкого, приведем еще некоторые соображения на эту тему других лингвистов.

В статье «О грамматике венгерского языка» В. Скаличка, приведя указанные определения задач морфонологии Н. С. Трубецкого, так интерпретирует указанную проблематику:

«Высказанные нами взгляды на сему и морфему позволяют следующим образом сформулировать задачи морфонологии:

1. Учение о фонологической структуре сем.
2. Учение о неопределенности их фонологических структур.
3. Учение о функциональном использовании неопределенности семы (внутренняя флексия, инфискация).

Наиболее важным является третий раздел морфонологии. Есть, однако, языки, например турецкий, для грамматики которых данный раздел не играет никакой роли; для других языков он, напротив, весьма развит...»⁷.

Ниже В. Скаличка так определяет место морфонологии:

«Морфонология — это лишь одна из проблем описательной грамматики. Другой проблемой является характер сочетания сем и морфем»⁸.

Этой области В. Скаличка названия не дает, да, правда, и трудно это назвать, если сюда входит и порядок слов («венг. *szegény fiú* «бедный мальчик» — *fiú szegény* «мальчик беден»), и «... функциональное использование ударения (ср. русск. *рѣк* / *и* — *рук* / *ѹ*)...».

Думаю, что тезисы В. Скалички мало проясняют сущность морфонологии.

Зато правильным представляется по указанным вопросам утверждение Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой:

⁶ Н. С. Трубецкой. Некоторые соображения относительно морфонологии [Русск. перев.]. «Пражский лингвистический кружок». М., 1967, стр. 115—118.

⁷ В. Скаличка. О грамматике венгерского языка [Русск. перев.]. — Там же, стр. 148.

⁸ Там же, стр. 149.

«Таким образом, положение многих малых систем и соответственно дисциплин, которые их изучают,— оказалось как бы вдвойне неопределенным. Это в полной мере относится и к той малой системе, которая служит предметом рассмотрения в настоящей работе и которая именуется то фономорфологией, то морфофонологией, то, наконец, морфонологией»⁹.

Разбирая положения Н. С. Трубецкого о морфонологии, авторы отмечают:

«Не трудно заметить, что все эти три задачи (см. выше эпиграф.— А. Р.) объединяет обращение к звуковой стороне морфемы, но если область исследования, очерченная в пункте первом, определена вполне четко, то выделение второй и третьей задачи морфонологии в качестве разных задач этой дисциплины вызывает известные возражения.

Следует, во-первых, указать на принципиально различный характер «комбинаторных звуковых модификаций», с одной стороны, и «чередований, выполняющих морфологическую функцию»,— с другой... нельзя класть в основу классификации столь разнородные признаки»¹⁰.

Приведенные замечания справедливы, но при этом не следует упускать из виду основной тезис, определяющий «статус морфонологии», намеченный еще Трубецким: «Морфонология как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву достойное место в грамматике...» (см. выше, эпиграф).

Развивая дальше это положение Н. С. Трубецкого, я писал в 1955 г. (на что авторы указанной статьи ссылаются в сносках):

«В указанном отношении понимания морфонологии как своеобразного мостика между фонетикой и грамматикой или фонологией и морфологией, представляется не лишенным справедливости», и к этому сноски: «Особенно интересно эта концепция аргументируется А. А. Реформатским»¹¹.

Основанием этой «концепции» служит мой тезис о

⁹ Э. А. Макаев, Е. С. Кубрякова. О статусе морфонологии в единицах ее описания. «Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие». М., 1969, стр. 88.

¹⁰ Там же, стр. 90.

¹¹ Там же, стр. 100.

том, что явления морфонологии «уже не относятся к фонологии и еще не относятся к грамматике»¹².

Приняв этот тезис, следует прежде всего отказаться от причисления морфонологии как к фонологии, так и к морфологии, и, таким образом, многие фонологические и морфологические пункты «статуса морфонологии» должны сами отпасть, но многое, обычно не включаемое в морфонологию, должно найти себе место в ее области.

Тем самым следует вернуть фонологии пункт второй морфонологической «программы» Н. С. Трубецкого («теория комбинаторных звуковых изменений, которым подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях»), а многое из пункта третьего надо вернуть морфологии («теория звуковых чередований, выполняющих морфологическую функцию»). Ясно, что пункт третий положений В. Скалички, несмотря на всю свою «неопределенность», также должен определенно отойти к морфологии («учение о функциональном использовании неопределенной семы, внутренняя флексия, инфиксация»).

Действительно, изымать из сферы грамматики то, что ей по праву принадлежит, нецелесообразно. И почему же надо выделять инфиксацию, а прочие «-фиксации» (префиксацию, постфиксацию, трансфиксацию, интерфиксацию) оставлять в законном ареале грамматики? Единственным аргументом здесь могла бы быть трактовка инфиксации как чередования внутри одноморфемной единицы, тогда нет ни инфикса, ни инфиксации, если же есть инфикс, то это биморфемно. Как будто бы легче изъять из грамматики внутреннюю флексию, так как при внутренней флексии нет биморфемности, но почему же тогда аффиксальное образование форм слабых германских глаголов будет грамматика, а аблаут сильных глаголов — не грамматика?

Внутренняя флексия¹³ — тоже грамматический способ выражения грамматического значения, как и аффиксация, и разносить их в разные области языка и лингвистики — нелогично. Это — грамматика¹⁴, а морфоно-

¹² А. А. Реформатский. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии), стр. 100.

¹³ Понимаемая в соответствии с изложенным в моем «Введении в языковедение» (1967, стр. 279—287).

¹⁴ См. правильное соображение В. В. Лопатина и И. С. Улуханова в сб. «Единицы разных уровней...»: «Термин «внутренняя флек-

логия, как уже говорилось выше, «еще не грамматика». Итак, факты грамматики не должны включаться в морфонологию, или вернее — морфонология не должна внедряться в грамматику. Но вернемся ко второму положению Н. С. Трубецкого.

Что имеется в виду под «комбинаторными изменениями морфемы». Если комбинаторика зависит от фонологических условий (изменение звучания фонем в связи с окружением или же с такими позиционными факторами, как ритмика слова), то это всецело фонология, и морфонологии тут делать нечего. Гораздо сложнее установить и объяснить сущность тех случаев, которые не зависят от чисто фонетических условий, но тем не менее комбинаторны. Я имею в виду те случаи, которые были упомянуты в моей маленькой статье «Фонологические заметки»¹⁵. Здесь действительно возникает контроверза.

В этой статье я ставил вопрос о том, почему в русских примерах *братский*, *ленинградский* получается из *тс*, *дс* аффриката [ц], а в примерах *отсадить*, *подсадить* — не получается; почему в случае *купаться* группа [т'с] образует [ц], а в случае *пяться* (императив) — не образует? И приводил объяснение, потому что здесь «действуют» разные грамматические тенденции: при образовании [ц] действует фузия, а при отсутствии превращения консонантной группы [тс] в [ц] — действует агглютинация. Это, очевидно, правильно, ибо обратное толкование, — что в этих случаях позиции для фонем и их порядок те же, но это разные фонемы — «по-московски» объяснить нельзя. Значит, здесь фонемы те же, в том же порядке следования, но позиции разные. Однако это какие-то «другие позиции», чем обычные — фонологические.

Нельзя ли эти «позиции» привести к аналогиям со случаями: *рука*—*ручной*, *нога*—*ножной*, *слух*—*послушный*? Думаю, что нельзя. И вот почему.

В указанных словообразовательных словоформах *ме* на [к] на [ч], [г] на [ж] и [х] на [ш] не обладает универсальной обязательностью, ср. *крякать*—*крякнуть*, *стегать*—*стегнуть*, *пахать*—*пахнуть*, где указанная сме-

сия» может быть, с нашей точки зрения, применен лишь к уровню морфологии» (стр. 131, сноска 15).

¹⁵ А. А. Реформатский. Фонологические заметки. — ВЯ, 1957, № 2, стр. 100—101 (в перепечатке 1970 г. — стр. 481—482).

на фонем не применяется, а морфемные стыки здесь такие же, как в *ручной, ножной, послушный*, где данная смена фонем обязательна. В случаях же с [ц] из [тс] обязательность абсолютная, тогда как в случаях [к]—[ч] [г]—[ж], [х]—[ш] нет абсолютной обязательности, а чередование узко локализовано грамматическими категориями и фонологически необязательно.

Вместе с тем случаи: *рука—ручной, нога—ножной, слух—послушный* не затрагивают грамматику, а остаются «не у дел»: ни к фонологии, ни к морфологии не тянут как следствия сопутствующих условий. Тем самым — это и есть морфонология в указанном выше смысле. Здесь важно отметить, что причинной зависимости по системе здесь нет, а господствует лишь известная норма, не сводимая к логическому объяснению. А это немаловажная черта морфонологии, и дело тут касается лишь ограниченного круга фактов.

Случаи же с [тс], дающие [ц], и случаи с [тс], не дающие [ц], остаются в фонологии, несмотря на всю парадоксальность позиционных условий («... те же фонемы, в той же последовательности...»).

Все указанные соображения приводят к тому, что «поправки» В. Скалички к основополагающим тезам Н. С. Трубецкого не могут служить ориентиром при определении статуса морфонологии.

Могут ли быть иные соображения, хотя бы в цитированной выше статье Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой? Рассмотрим еще некоторые положения этой статьи.

3

Отмечая противоречивость некоторых положений Н. С. Трубецкого по поводу морфонологии (1 — «раздел фонологии», 2 — «часть грамматики», 3 — «промежуточная дисциплина, связующая фонологию с морфологией»), авторы подкрепляют свои мнения ссылками на Ельмслева, Мартине, Комарка. Все сказанное ими по данному поводу убедительно и нужно. Справедливо и указание на то, что «специфика морфонологии... заключается в том, что из всех грамматических единиц в ней ограничиваются одними морфемами и... анализируется фонологическая структура морфем»¹⁶. Не менее существенны указания

¹⁶ Э. Макаев, Е. С. Кубрякова. Указ. соч., стр. 95.

на «типологические расхождения в индоевропейских языках..., позволяющие дифференцировать языки, для которых нужны преобразования начала морфемы (типа кельтских), середины морфемы (типа германских), конца морфемы (типа славянских)»¹⁷, «и какие именно группы фонем альтернируют»¹⁸. Своевременно и замечание о супплетивизме: «... мы отказываемся... считать членами одной морфемы супплетивные образования. Чередования типа англ. good—better и т. п. остаются, таким образом, за пределами морфонологии...»¹⁹

Все это правильно, но здесь не указано одно очень важное обоснование: я имею в виду различие аллоэмии и изоэмии. Если «одно и то же» выступает в виде своих вариантов — это аллоэмия (аллофоны, алломорфы); если же разное выступает в одной и той же функции — это изоэмия (сюда как раз и относится супплетивизм). При аллоэмии — тенденция дивергенции, а при изоэмии — конвергенции. Тем самым предмет морфонологии ограничен аллоэмией, а изоэмия (в том числе и супплетивизм) — внеположны морфонологии²⁰.

Если в свете указанных положений пересмотреть вопрос об образовании множественного числа существительных в английском языке, затронутый в статье Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой, то получится следующее:

В примерах boys, cats; foxes; oxen; feet; children — множественное число образовано по разному:

1) в boys [boɪz], cats [kæts], foxes [fɒksɪz] флексии [z], [s], [ɪz] — та же морфема; различие [z] и [s] — чисто фонологическое на фонетическом уровне; различие же [z] и [ɪz] не фонетическое, это алломорфы, и это аллоэмия и морфонология;

2) в oxen множественное число показано иной морфемой; это изоэмия и отношения к морфонологии не имеет;

3) в feet (ед. ч. foot) представлена чистая внутренняя флексия, выражающая различие единственного и множественного числа, что наряду с аффиксацией и дру-

¹⁷ Там же, стр. 97.

¹⁸ Там же, стр. 98.

¹⁹ Там же, стр. 104.

²⁰ О явлениях аллоэмии и изоэмии см.: А. А. Реформатский. Термин как член лексической системы языка. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1967, стр. 121; Он же. «Введение в языковедение», 1967, стр. 311.

гими грамматическими способами всецело подлежит ведению грамматики; в случае же образования множественного числа *child* [tʃaɪld] — *children* [tʃɪldrən] есть и внутренняя флексия, и внешняя флексия *-en*, как в *oxen* (т. е. соединение случаев: *ox—oxen* и *foot—feet*); внутренняя флексия здесь явно избыточна и может быть устранена по аналогии (ср. прежнее: *cow—kine* [kaʊ]—[kaɪn] и теперешнее: *cow—cows* [kaʊ]—[kaʊz]).

Итак, из всех рассмотренных случаев только: *boys*, *foxes* и с известной оговоркой *child—children* могут быть предметом морфонологического описания.

По поводу внутренней флексии Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова держатся иной точки зрения: «...включать ли в морфонологическое описание формы с внутренней флексией? Как известно, большинством лингвистов анализ этих форм выводится за рамки морфологии и объявляется уделом одной грамматики. Попытаемся, однако, аргументировать другое решение этого вопроса»²¹.

Из трех случаев изменения морфем, приведенных авторами (1, [bɔɪz]—[kæts], *стекло—стекла*; 2. *Band—Bänder*, *носит—нашивал* и 3. *foot—feet*, *собирал—собрал*) сами авторы отводят первый, так как это «никак не отражается на морфологических функциях». Нам кажется, что главное состоит в том, что эти случаи — всецело область фонологии. Третий случай авторы относят к морфологии: «...все формы с внутренней флексией — независимо от того, какую морфологическую нагрузку они имеют, — рассматриваются нами как формы морфонологические»²². Мы же полагаем (в связи со сказанным выше), что эти случаи — всецело область грамматики и подлежат описанию в морфологии.

Второй же, «средний», случай как раз и должен описываться в морфологии, так как: 1) он не зависит от фонологических закономерностей, а связан с морфологическими ситуациями и 2) является избыточным, так как необходимое грамматическое значение выражено уже аффиксально, а тем самым различие двух алломорф может быть унифицировано по аналогии (ср. «нормальное» *ходил—хаживал*, *носил—нашивал* и др. и с устранением че-

²¹ Э. А. Макаев и Е. С. Кубрякова. Указ. соч., стр. 104.

²² Там же, стр. 105.

редования: *подытожил—подытоживал, обжегорил—обжегоривал, пришпорил—пришпоривал* и под.). Но у авторов на «избыточность» иная точка зрения (указ. соч., стр. 105, сн. 32).

Критика, которой подвергают авторы понятия «морфемы», нам представляется правильной и убедительной. Но в полемике с Е. Курыловичем (указ. соч., стр. 109) авторы опять аргументируют от «грамматического значения», а не от структурной значимости, что сопряжено с понятием избыточности. Избыточна не «морфема» — таковой единицы нет и не должно быть, а избыточна альтернатива, могущая быть устраненной без нарушения морфологической системы языка. И описанием таких альтернатив ведаёт морфонология (однако это не означает, что тем самым и исчерпывается её статус, о чём см. ниже).

Негативные определения статьи Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой тоже не вызывают сомнения: 1) «Отличительной чертой морфонологии с точки зрения её уровня статуса оказывается... что она включается в базисный уровень (фонологию или морфологию? — А. Р.), являясь сама уровнем и е б а з и с н ы м»²³; 2) «Не составляя базисного уровня языка, морфонология характеризуется не какими-либо новыми единицами, установленными на предыдущих ступенях анализа... Этим и мотивируется самостоятельный статус морфонологии — лингвистической дисциплины, которая несмотря на её несомненную важность, подчеркнутую впервые ещё Трубецким, все ещё не получила того признания, которого она, безусловно, заслуживает»²⁴.

Всячески соглашаясь со сказанным (за исключением отнесения морфонологии к фонологии или к морфологии: ведь морфонология и не фонология, и не морфология, а «мостик» между ними!), я не могу согласиться с возражениями Н. А. Слюсаревой и Е. А. Земской, высказанными на конференции в прениях²⁵. Определение Э. А. Макаева и Е. С. Кубряковой: морфонология — «небазисный уровень» мне как раз представляется правильным, ведь у неё нет своей единицы, что необходимо для «базисного

²³ Там же, стр. 114.

²⁴ Там же, стр. 119.

²⁵ «Единицы разных уровней грамматического строя языка...», стр. 270—280.

уровня», а о том, что никакой «морфонемы» нет, было уже сказано выше. Очевидно, Н. А. Слюсарева и Е. А. Земская, возражая, молчаливо признают «морфону»?

4

Прежде чем внести полную ясность в вопрос о «статусе морфонологии», ее габаритах и ее компетенции, надо коснуться еще одной стороны ее содержания, что пока что мало фигурировало в рассмотренной литературе. Я имею в виду акцентологические вопросы морфонологии. Как раз этой проблематикой давно занимается В. А. Редькин. Обратимся к его большой статье «Построение раздела «морфонология»» (1966), где автор описывает то, что, по его мнению, составляет предмет морфонологии.

В этой работе В. А. Редькин правильно отметил, что Н. С. Трубецкой, при всех его заслугах в этой области, сузил задачи морфонологии. Сам В. А. Редькин так говорит о морфонологии: «Это не фонология и не морфология или словообразование. Такое положение морфонологии определяет необходимость выделить для нее специальный раздел в структуре описательной грамматики»²⁶

Заслуга В. А. Редькина состоит в том, что он вслед за Е. Д. Поливановым и др. отводит большое место в морфонологии акцентологическим явлениям (я бы сказал даже, что «акцентологическая морфонология» у В. А. Редькина как-то «заслоняет» прочие разделы морфонологии: в указанной статье она занимает 29 стр. из общего объема статьи в 49 стр.). Но следует признать, что этот раздел морфонологии — акцентологический — разработан автором исключительно подробно и детализирован логично (здесь: и место ударения в слове, и акцентная парадигма, и иерархия акцентных средств, и принципы классификации типов ударения, и соотношение ударения и чередований и аффиксации...). Все это изложено с учетом традиций науки и новинок лингвистической литературы. И все же остаются некоторые неясности.

Во-первых, в предлагаемой В. А. Редькиным схеме «построения морфонологии» все подразделы начинаются ударением, тогда как до рассмотрения акцентологических

²⁶ В. А. Редькин. Построение раздела «морфонология». — «Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка». М., 1966, стр. 8.

проблем следует рассмотреть и описать многое «не акцентологическое» (ведь ударение накладывается на готовый набор фонем и образованных ими морфем). К этому «многому» относится фонемный состав морфем, стыки морфем при словообразовании и словоизменении, дельмитативные морфонологические явления и др. Все это у В. А. Редькина как бы подчинено акцентологии.

Во-вторых, в области самой акцентологической проблематики неясно, что же остается в акцентологии собственно фонологии? Ведь акцентологические явления прежде всего фонология, так это трактовалось издавна. Правда, вопроса о сегментном и суперсегментном уровне раньше не ставили, а просто «валили» все в фонетику, тем более ни о какой морфофонии не было речи. Сейчас же, когда эти вопросы ставятся и исследуются, очень важно найти линии размежевания, а не только зоны объединения. В. А. Редькин обходит эти вопросы, и создается впечатление, что, по Редькину, все акцентологические проблемы — только морфофония и фонологии здесь нечего делать. Однако на поверку это не так. Акцентологические вопросы, как и вопрос о фонеме, могут и должны найти себе место и в фонологии, и в морфофонии. И тут следует пойти такие же критерии, как и в проблематике фонем, которыми интересуется и фонология (в первую очередь), и морфофония (с указанными выше ограничениями).

Думаю, что вряд ли у кого-нибудь возникнут возражения по вопросу об определении «природы» ударения в том или ином типе языков и о том, какова же «марка» значимости ударения: интенсивность, количество или тональные движения для того или иного языка; это описывает и решает фонология. Но все это вопросы иного порядка, чем сегментация речевой цепи, ее распадение на слова, морфемы и составляющие их фонемы. Конечными единицами линейной сегментации являются фонемы; их «составляющие» — мерисмы — не сегменты, так как они не сукцессивны, не расположены в линейной последовательности; они симультанны. Ударение же, хотя и немисливо вне цепи и расчленяет и объединяет звенья этой цепи, — не может быть описано подобно фонемам, которые являются звеньями этой цепи. Ударение — не звено, а суперсегментная накладка на цепь и ее звенья. Но это положение отнюдь не выводит ударение и вообще

Все акцентологические явления из фонологии. Это прежде всего — фонология, но только не сегментная, а суперсегментная. Здесь есть свои фонологические закономерности, требующие прежде всего фонологической интерпретации. Попутно следует указать и на слог как особое звено цепи, но прямо не соотнесенное с такими звеньями, как слово, морфема, фонема. Слог не единица, а поле, о чем правильно писали П. С. Кузнецов и В. В. Шево-рошкин:

«...в последние годы никто не оспаривает важности для фонетики такой единицы, как слог, который, на мой взгляд, в особенности имеет значение как поле, на котором осуществляются различные позиционные преобразования...»²⁷.

«...слог... есть явление синтагматического плана, тогда как фонема представляет собой явление парадигматического плана»²⁸.

Гораздо труднее говорить о слоге как явлении морфонологии, а если уж говорить, то трактуя его именно как одно из условий, как позиционный плацдарм для проявления единиц и их модификаций, как поле.

А отсюда следует и общий вывод: надо исследовать в фонологии разные явления, определив, что в них сегментно, что суперсегментно, а потом рассматривать, может быть, их же, но в плане морфонологии, не забывая о том, что у морфонологии нет своих единиц, что она «небазисный уровень» и тем самым не «ярус» в структуре языка, а именно «мостик». Исходным пунктом для такого умонастроения может служить третий критерий первичных наметок Н. С. Трубецкого, а отнюдь не первый («морфонология — часть фонологии») и не второй («морфонология — раздел грамматики»). При таком подходе все, что надо, найдет себе должное место и в онтологии предмета (язык и его структура), и в описании (статус морфонологии как лингвистической дисциплины).

Вопросы, связанные с пониманием другого суперсегментного и в основе фонологического явления — с интонацией, здесь мы разбирать не будем, так как интонация свя-

²⁷ П. С. Кузнецов. Проблема дифференциальных признаков в фонологии и разграничение различных типов их. «Исследования по фонологии». М., 1966, стр. 209.

²⁸ В. В. Шево-рошкин. К проблеме соотношения звуковых и фонемных цепей. — Там же, стр. 165.

зана не со словом или морфемой, что подлежит ведению морфологии, а с фразой, актуализирующей синтаксические единицы языка. Говорить об этом надо, но не в работах по морфонологии, а в работах по «синтакфонологии», просодике, интонемике. Этому вопросу посвящена в данном сборнике особая статья: «Прологомены к изучению интонации», куда мы и отсылаем читателя.

5

Как видно из всего предыдущего, вопрос о морфонологии не так прост: и объектов в нем много, и все они «чужие», много и комплексов, много и ложных объединений; трудно размежевание и определение ее границ. Все это правильно, но тем не менее дело требует преодоления трудностей и принятия каких-либо решений. Но прежде чем решиться на такой поступок, мне хотелось бы остановиться на двух недавних публикациях, посвященных вопросам морфонологии, о которых не было раньше речи. Я имею в виду статью С. М. Толстой и брошюру Д. С. Уорта.

С. М. Толстая совершенно справедливо указывает, что «... в морфонологии должны быть сформулированы, во-первых, принципы выделения элементарных чередований разных морфем, характеризующихся тождественными условиями»²⁹. И далее: «Как известно, в лингвистике до сих пор нет сколько-нибудь единого, общепризнанного понимания морфонологии, ее предмета, задач и статуса в кругу лингвистических дисциплин. Объективной основой отрицания самостоятельности морфонологии является сложность, неоднородность самого предмета, который, с одной стороны, пересекается с традиционной областью фонологических фактов (позиционно обусловленные чередования, фонемный состав морфем) а, с другой стороны, захватывает явления, имеющие явно иную природу (морфологические или альтернативные чередования)»³⁰. Все это справедливо. Особо хотелось бы подчеркнуть в статье С. М. Толстой оценку «морфонемы»: «...очевидна недопустимость в рамках московской теории понятия «морфонема», которое по существу уже содержится в понятии фонемы. Напротив, ленинградская теория не должна,

²⁹ С. М. Толстая. О некоторых трудностях морфонологического описания.— ВЯ, 1971, № 1, стр. 39.

³⁰ Там же, стр. 37.

по-видимому, исключать важности признаков морфемы как обобщения чередующихся в составе морфемы фонем»³¹.

Как представитель московской школы скажу, что эти высказывания С. М. Толстой я нахожу совершенно правильными. Что же скажут по затронутым вопросам ленинградцы, не знаю; им виднее. Попутно хотелось бы отметить, что «морфонема» у автора здесь понимается не по Трубецкому, а по Улашину.

Очень любопытны соображения С. М. Толстой о «направлении чередований», под чем разумеется «...выбор направления (или, что то же самое, — исходной морфемы) ставится в зависимость от внешних по отношению к морфонологии соображений»³².

Тема о «направлении чередований» — новая; конечно, она нужна для разработки морфонологического описания, что и подчеркивает в своей статье С. М. Толстая: «...в морфонологическом описании не всегда можно оперировать пенаправленными чередованиями, это в принципе возможно при установлении их грамматических функций или лексической мощности, но невозможно при их квалификации в зависимости от условий, т. е. при их собственно морфонологической систематизации»³³. Да, для систематического описания какой-либо морфонологической системы важен «отправной пункт» ряда, но в принципе вряд ли так уж важно при наличии чередования нуля с «беглыми» <э> и <о> обязательно начинать именно с нуля или же с «беглых гласных». Важно определить, что с чем чередуется, так как и то, и другое — равноправные альтернанты.

Статья С. М. Толстой не охватывает всей проблематики морфонологии и не претендует на это.

Совсем иное впечатление производит брошюра Д. С. Уорта, опубликованная Проблемной группой по экспериментальной и прикладной лингвистике при Институте русского языка АН СССР (1972).

Работа Д. С. Уорта основана на понятии «морфонема». Для нее Д. С. Уорт даже ввел специальный графический знак {#}, что объясняется так: «{#} — морфонема «гласная ∞ нуль» в системе словоизменения, как,

³¹ С. М. Толстая. Указ. соч., стр. 38.

³² Там же, стр. 41.

³³ Там же, стр. 43.

например, в слове *день*, род. *дня* — основа {d' # n'} или *окно*, род. *окон* — основа {ok # n}»³⁴.

Что же для Д. С. Уорта представляет собой сама «морфонема»? Теоретического ответа на этот вопрос в работе Д. С. Уорта мы не находим; во «Введении» лишь сказано: «...мы займемся рассмотрением особенностей одной специфической единицы морфонологии современного литературного русского языка (СЛР), а именно, морфемы «гласная ∞ нуль», и попытаемся выяснить различия в поведении этой единицы в системах словообразования и словоизменения».

Д. С. Уорт вводит три вида транскрипции: 1) морфонеменная в { }, 2) фонемная в //, и 3) фонетическая в []. Здесь автор ссылается на Р. И. Аванесова, предложившего тоже в свое время «трехэтажную систему» транскрипции...

Самое забавное здесь то, что Д. С. Уорт, не объяснив, что такое его «морфонема», вводит ее как реальный объект для транскрибирования! «Морфонема» Д. С. Уорта {#} — это же подпоручик Кижэ, который числится, имеет регалии, но «фигуры не имеет»!

На фоне этой абстрактной «кижевщины» удивляет «введение двух морфем {y} и {i}»³⁵? Как же это, презрев табель о рангах, простенькие фонетические вариации смогли допрыгнуть до чина «морфем»?

Взяв термин «морфонема» в смысле Трубецкого, Уорт спокойно вдвинул этот мифический объект в ряд реальных языковых единиц и придумал для этого особую «морфонологическую транскрипцию», чего не имел в виду сам Н. С. Трубецкий, ограничивавшийся дробью: *к/ч*, *г/ж*, *о/нуль* и т. п.

Таким образом, для теории морфонологии брошюра Д. С. Уорта не имеет никакого значения, материал же русского языка Д. С. Уорт собрал педантично и разложил по полочкам досконально, показав изрядную прагматическую хватку.

В общем «полнометражной» перспективы морфонологического ареала пока еще нет, но совокупность всех публикаций от пионерских наметок Н. С. Трубецкого и до

³⁴ Д. С. Уорт. Чередования гласных с нулем в словообразовании (перевод с английского Е. Н. Саввиной под ред. Е. А. Замской), М., 1971, стр. 5.

³⁵ Там же, стр. 4.

последних статей и программ достаточны для того, чтобы «за деревьями увидеть лес» и решить основные вопросы морфонологии.

6

Итак, подведем итоги сказанному и принятому.

1. Морфонология является промежуточным, «небазисным» уровнем, связывающим, как «мостик», два «базисных» уровня (или лучше: яруса) языковой структуры: фонологию и морфологию.

2. Морфонология — «уже не фонология», но «еще не морфология».

3. Как «небазисный» уровень морфология не имеет своей единицы, а опирается, с одной стороны, на «базисный» уровень (точнее: ярус) — фонологию, с другой стороны, на «базисный» уровень (точнее: ярус) — морфологию, оперируя единицами этих уровней (точнее: ярусов) — фонемой и морфемой. Никакой «морфонемы» нет и быть не может.

4. Содержание морфонологии состоит как из сегментных явлений (фонемы, в составе морфем, их сочетания внутри морфем и на стыке морфем), так и суперсегментных явлений (ударение, фонологическая гармония целого слова или его морфологической части и других «накладок» на готовый уже набор фонем в морфемах).

5. Если различать аллоэмию, когда одна единица (в данном случае — морфема) по дивергенции предстает в некотором многообразии алло-элементов, и изоэмию, когда две (или более) единицы по конвергенции выполняют ту же функцию (в данном случае являются показателями тех же флексий или иных аффиксов), — то морфонология относится всецело к аллоэмии. Поэтому такие явления, как супплетивизм (типичный случай изоэмии), к морфонологии отношения не имеют.

6. Все то, что принадлежит фонологии (позиционная дистрибуция фонем, их варьирование в зависимости от фонологических позиций и т. п.) не может быть предметом морфонологии. Она «уже не фонология».

7. Все то, что определено грамматическим значением и относится к грамматическим способам выражения грамматических значений (например, внутренняя флексия индоевропейских языков), также не может быть предметом морфонологии. Она «еще не морфология».

8. Пограничность фонологической проблематики, с одной стороны, и морфологической, — с другой, затрудняет уточнение ареала собственно морфонологической проблематики. Отграничение от фонологии регламентируется тем, что для фонологии существуют позиции, фонологически объяснимые и определяемые в терминах фонологии, а для морфонологии существуют условия проявления морфонологических фактов, не обладающие чисто фонологической характеристикой; эти условия исключительно грамматичны, но не облечены грамматическим значением, а соотнесены со значимостью.

9. Морфонология сопряжена как с парадигматикой, так и с синтагматикой, принимая во внимание указанные выше ограничения.

10. Следовательно, к морфонологии прежде всего отнесится фонемное изменение морфем, не зависящее от фонологических позиций, т. е., по Бодуэну, традиционные альтернации как регулярные (*пеку* — *печёшь*, *бегу* — *бежишь*), так и нерегулярные (*берегу* — *беречь*, *могу* — *мочь*) с указанием морфонологических условий и ситуаций. Конечно, здесь «в перспективе» надо учитывать и те альтернации, которые облечены грамматическим значением (внутренняя флексия: *избега́ть* — *избежа́ть*, но не включая ее в ареал морфонологии).

11. К морфонологии относится и специфика фонемного оформления морфем (например, в русском языке — наличие фонемы <щ> как в корнях: [щ-и], [пра́щур], [щот], [прощ-е], так и в аффиксах: [больш-ущ-ий] [не-год'-ащ-ий], [ман'-ащ-ий] и наличие парной фонемы <ж> — только в считанном числе корневых морфем и никогда в аффиксах³⁶.

12. Что касается «морфонологических позиций» (стыки морфем внутри слова), то здесь даже при тождестве фонологических позиций (указанные случаи типа: *купать-ся* — *пяться*, *братский* — *отсадить*, см. выше) — область фонологии, а не морфонологии, так как эти явления относятся к варьированию фонем, а не к чередованию фонем. Морфонология имеет дело с готовым набором фонем, ниже фонем не спускается, и варьирование самих фонем к ее компетенции не относится. Потому же такие позиции,

³⁶ См.: А. А. Реформатский <Ж>. «To honor R. Jakobson». The Hague — Paris, 1967, стр. 1650—1656.

как «начало слова» (инициаль, *Anlaut*) и «конец слова» (финаль, *Auslaut*) также относятся к фонологии.

13. Предоставив факт ударения как такового и его фонологические последствия, например, для вокализма (ритмика слова, редукция гласных, их количественные соотношения) фонологии, с одной стороны, и использование ударения грамматикой в виде грамматического способа (различение слов: *му́ка* — *мука́*, *за́мок* — *замо́к*, *не-редо́бхнутъ* — *передо́хнутъ*; различение словоформ: *ру́ки* — *рукí*, *до́ма* — *дома́*, *насы́пать* — *насыпа́ть* и т. п.), с другой стороны, так как эти случаи — факты лексики и грамматики, — ведению же морфонологии подлежат факты организации фонем и морфем в слово посредством ударения, модели этих акцентных форм, их парадигматика и иерархия акцентологических единиц. Следует отметить еще раз, что само ударение (какова бы ни была его природа) не сегмент и не свойство конечных сегментов речевой цепи — фонем, а суперсегментная накладка на звуковую цепь и на ее звенья, на готовый набор фонем в слове. Однако это положение не исключает принадлежности ударения и акцентологии в целом ни фонологии, ни грамматике. Вопросы акцентологической морфонологии, таким образом, являются наиболее сложными и запутанными в общей совокупности статуса морфонологии.

14. Морфонология, поскольку это факты языка, конечно, не чужда системы и системности, но из всех языковых фактов — факты морфонологии больше касаются нормы, а не системы; морфонология не глобальна, а «штучна», ср., например, в русском языке есть только пять глаголов на *-оть*, а из них один имеет чередование в корне: *молотъ* — *мелю...* Морфонология — «штучный отдел»...

АЛЬТЕРНАЦИЯ <Л> И <Л'> ПРИ СЛОВООБРАЗОВАНИИ

1

В русском словообразовании с <л> и <л'> бывают разные случаи в связи с их меной, но, возможно, что и тут есть свои закономерности.

Вообще фонемы <л> и <л'> в русском языке, как правило, не варьируют по признаку твердости — мягкости, т. е. всякое твердое [л] — это фонема <л>, а всякое мягкое [л'] — это фонема <л'> — это подлинно фонемы <л> и <л'>, а не «смягченное [л]» или тем более «отвердевшее [л']». Например:

Перед гласными:

лаг — ляг, лог — лёг, лук — люк, лык — лик, а ныне и: *ЛЭФ* (Лаборатория экспериментальной фонетики) и *Леф* (название журнала 20-х годов «Левый фронт» под редакцией Маяковского). Последний случай требует оговорки в связи с соотношениями в морфологических парадигмах, о чем см. ниже.

Перед согласными:

галка — галька (как и: *полка — полька, колка — Колька, Калка — калька, валка — Валька, пилка — шпилька* и др.); *Волга — Ольга* (как и: *иволга — фольга, Волга — Вольга*: название реки Владимирской обл. или имя богатыря русских былин), *Волхов — ольховый* и т. д.

Как обычно указывается, позиция перед <к>, <г>, <х> и для других согласных сильная: *Варка — Варька, горка — горько, банка — банька, Тёска — Тёська, гонка — Гонька* (для некоторых сочетаний примеров нет, например [мк] — [м'к], но это не меняет тенденции).

Интересно, что оппозиция твердой и мягкой согласной перед палатализованной следующей сохраняется (*полке — польке, варке — Варьке, банке — баньке, Тоске — Тоське*, а также: *полба — пальба* и *полбе — пальбе* и т. д.).

Интересен пример парной оппозиции в словоформах: *польза — польза*.

Итак, различие <л> и <л'> во всех позициях фонематично, а не вариативно; это всегда две разные фонемы, а в случае наличия их в составе той или иной производной словоформы на том же месте — это не варьирование, а альтернатива, т. е. область морфонологии, а не фонологии.

Единственное «темное пятно» в этой морфонологической идиллии — это позиция перед <э>, что обычно считается слабой позицией для <л>, где оно позиционно изменяется в [л'], а не альтернирует с ним. Однако И. А. Бодуэн де Куртене первый высказал сомнение по поводу этого положения. В 1904 г. он писал¹: «... в русских *столъ, на-столъ, стол-а... в стол-ѣ...* рядом с флексией, состоящей в присоединении окончаний, равно как и в психофонетической альтернативе или чередовании последнего согласного основы *лѣ* (в *столѣ*) и *лѣ* (в *стол-ѣ* — *столь-э*), мы имеем также представочную или префиксальную агглютинацию...», т. е. иными словами Бодуэн квалифицирует чередование [л] и [л'] в склонении как корреляцию, т. е. опять же усматривает здесь альтернативу, а не дивергенцию, что было принято думать и в его время и позднее.

В наши дни этому вопросу посвящена специальная статья С. А. Барановской, где автор довольно убедительно доказывает, что недостаточно обычное мнение о том, что перед <э> для согласных, парных по твердости — мягкости, эта позиция — слабая, где <л> — <л'> нейтрализуются в [л']: *о доле = о доле* (от *дол*) и *о доле* (от *доля*). Автор пишет: если эта позиция и не совсем «сильная», то — почти: «Становление сильной позиции перед <э> для твердых — мягких согласных — живой процесс современного русского литературного языка»².

Примеры на различение твердого и мягкого *л* автор берет из области заимствованных слов (апеллятивов и собственных), аббревиатур, морфемных швов в префиксаль-

¹ И. А. Бодуэн де Куртене. Язык и языкознание. «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, т. ХLI (полutom 81), 1904, стр. 526.

² С. А. Барановская. Корреляция твердости — мягкости согласных в позиции перед <э> в современном русском литературном языке. «Система и уровни языка». М., 1969, стр. 56.

ных и составных словах, одним словом, из области так называемых подсистемных явлений. Пожалуй, самым интересным в этой статье является вопрос о мене твердых согласных на мягкие в конце основ перед флексией <э> или суффиксом сравнительной степени <-эйо-), где автор привлекает в союзники Бодуэна в связи с приведенным выше его высказыванием. Но, во-первых, С. А. Барановская недостаточно противопоставляет эти случаи всем предыдущим (заимствованные слова, аббревиатуры, названия букв, предложные стыки и прочие «акциденции»); во-вторых, не дает достаточной аргументации, чтобы осуществилось известное положение в полемике: *audiat et altera pars*; и, в-третьих, в аргументации автора не привлечен морфонологический аспект, а сложность вопроса и особое положение данного стыка морфем все-таки приводит к нейтрализации и омофонии (*о доле — о доле*, см. выше).

Из сказанного следует, что данный частный (но очень важный!) случай требует еще дополнительной аргументации, а работу С. А. Барановской следует продолжить. Здесь мы этот вопрос решать не будем, так как нас интересуют другие позиции для <л> и <л'> в иных морфонологических условиях.

2

Слушая по радио «Колыбельную» Чайковского на слова А. Н. Майкова, я обратил внимание на то, что Г. Вишневская поет: «...колыбелочку», а Е. Степанова поет: «...колыбелечку». Нужна ли в этом случае альтернатива <л'> с <л> при словообразовании или не нужна? А как это происходит в других случаях словообразования? Вот что меня заинтересовало и навело на размышления и наблюдения.

Альтернатива мягкой и твердой согласной при образовании десубстантивного прилагательного — норма для слов с финалью -нь: *Рязань — рязанский, Медынь — медынский, Умань — уманский, Астрахань — астраханский, Кубань — кубанский, Тамань — таманский* и др., а по аналогии и соотношение: *казанский* от *Казань* (из татарского *Казан*).

Обратное соотношение при образовании прилагательных от существительных на -ль;

1) *генерал — генеральский, маршал — маршальский, ангел — ангельский, винодел — винодельский*, слова на -фил;

славянофил — славянофильский и др., дьявол — дьявольский, монгол — монгольский, идол — идольский, креол — креольский, сокол — сокольский, галл — галльский, консул — консульский, Урал — уральский, а потому естественно: Кабул — кабульский, Стамбул — стамбульский и Джамбул — джамбульский...

2) генерал — генеральный, подвал — подвальный, шквал — шквальный, кимвал — кимвальный, интервал — интервальный, интеграл — интегральный, идеал — идеальный, скандал — скандальный, феодал — феодальный, кинжал — кинжальный, отвал — отвальный, вокзал — вокзальный, финал — финальный, фискал — фискальный, сигнал — сигнальный, номинал — номинальный, криминал — криминальный, оригинал — оригинальный, аврал — авральный, интернационал — интернациональный, театрал — театральный, минерал — минеральный, квартал — квартальный, ритуал — ритуальный, нахал — нахальный, удел — удельный, вассал — вассальный, футбол — футбольный, произвол — произвольный, глагол — глагольный, угол — угольный, ледокол — ледокольный, протокол — протокольный, купол — купольный, хлебосол — хлебосольный и мн. др.

От одних производящих основ образуются прилагательные на -ский (ангел — ангельский), от других — на -ный (пепел — пепельный), но бывает и так, что обе модели заполнены (генерал — генеральский и генеральный); важно в данных случаях то, что для образования словоформы необходима альтернация <л> — <л'> и невозможны словоформы прилагательных с [л] (*генералский, *генеральный), хотя никаких фонетических оснований для появления твердых согласных нет (может быть: и вальса и галса, и волна и вольна), и, конечно, никакой речи о «фонетическом отвердении» мягкой согласной в определенной позиции быть не может.

3

При образовании существительных с формантой -ка от существительных с производящей основой на -ль происходят явления противоречивые, но тем не менее закономерные.

Мягкое <л'> не альтернирует с <л> при образовании названий жительство по месту жительства, сохраняющих мягкое <л'> производящей основы: Тироль — тиролька, Гапсаль — гапсалька, Марсель — марселька, Тернополь —

тернополька, Севастополь—севастополька, Чистополь—чистополька, Ревель—ревелька, Суздаль—суздалька и т. п.

Иная закономерность существует для случаев «сведений», когда существительное с формантой -ка образовано из сочетания существительного с прилагательным, имеющим в финали основы л мягкое <л'>, здесь необходима альтернация <л'> с <л>: *диагональная материя—диагоналка, двухствольное ружье—двухстволка, трехпольная система (севооборота)—трехполка, самовольная отлучка—самоволка, член партии «Народной воли»—народоволка, учредительное собрание—учредилка, потребительское общество—потребилка, ружье центрального боя—централка, генеральная репетиция—генералка, «Комсомольская правда» (газета)—«Комсомолка» (фамильярное название этой газеты); очевидно, ревельская килька в сведении должна быть — *ревелка* (а жительница Ревеля — *ревелька!*); любопытно, что немецкое название пивной Bierhalle («пивное зало») по-русски оформлялось как обычное сведение: *биргалка!**

Уменьшительные от существительных с финалью -ль сохраняют мягкость <л'>: *спираль—спиралька, карамель—карамелька, постель—постелька, деталь—деталька, фрикадель—фрикаделька, неделя—неделяка, деталь—деталька, бандероль—бандеролька, мозоль—мозолька* и др.

Таким образом, в русском языке возможны параллельно и словоформы с сохранением <л'> производящей основы (в случаях уменьшительных словоформ, названий жителей по месту жительства), и словоформы с альтернативой <л'> производящей основы и <л> в произведенной (случаи сведений).

Теперь остается самое трудное. Я имею в виду те случаи, когда производная словоформа с формантой -ка имеет <л>, а основа производящей словоформы оканчивается на <л'>; эта альтернация может еще сопровождаться сопутствующим чередованием <э> перед <л'> и <'о> перед <л>: *ель—ёлка, щель—щолка, Гжель (город)—Гжолка (река), кошель—кошолка, нетель—тёлка, метель—метёлка*; в случаях же: *сопель—сопелка, свиристель—свиристелка* нет указанного сопутствующего чередования <э>—<'о>, так как в этих словоформах был когда-то ять, не «переходивший в <о'>» перед твердым согласным и в ауслаге.

А как же решить поставленный выше вопрос о «малень-

кой колыбели»? *Колыбелка, колыбелочка* или же: *колыбелька, колыбелечка*? Исходя из предыдущих наблюдений и соображений, этот вопрос не имеет однозначного решения: почему словоформам: *колыбель* — ? следовать модели: *постель—постелька*, а не *сопель—сопелка*? И то и другое возможно. Словари дружно показывают: *колыбелька*: с мягким <л'> — словарь Даля (под ред. И. А. Бодуэна де Куртене, 1908, т. II, стб. 369); словарь под ред. Д. Н. Ушакова (т. I, 1935, стб. 1413); четырехтомный (малый) академический словарь (т. II, 1958, стр. 100); словарь С. И. Ожегова (1952, стр. 250).

А все-таки есть основания и в пользу <л> твёрдого!

Среди опрошенных мною лиц (русских по рождению и по месту жительства, лингвистов по образованию) по данному вопросу очень определенно высказался С. С. Высотский (22/VII 71); он сказал: «Для меня *колыбелка, колыбелочка*, — как тянет парадигма, и так единственно для меня как носителя русского языка». Это же готов подтвердить и я в этой заметке, а авторитет и опыт Сергея Сергеевича был для меня всегда эталоном.

А, кстати, есть и еще один аргумент, немаловажный для решения вопроса, как же надо петь романс Чайковского, — это *jus primaе manūs*: текст самого автора, А. Н. Майкова, где значится:

Я дитя оберегал,
Колыбелочку качал...

Может возникнуть сомнение, почему же *колыбелочку*, а не *колыбёлочку*, как *метёлочку, ёлочку, тёлочку*? Потому, что в этом слове, как и в словах *сопель, свиристель*, был ять, который не «переходил в <'о>» перед твердыми согласными и в ауслауте (см.: И. И. Срезневский. Материалы к словарю древнерусского языка, т. I, стб. 1259: «Яко дѣтищъ в колыбѣля сладко спяхъ»; а на стб. 1260 того же тома имеется выписка из Стихир. XVII в.: *колыбе^лка* — еще одно свидетельство в пользу словоформы с твердым <л>).

1971 г.

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПАРАДОКСЫ

О ГЛАСНОМ ЗВУКЕ [ы] ПОСЛЕ ГЛАСНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1

Как-то раз, гуляя, я, по обыкновению, бормотал в полголоса различные фразы, переставляя слова, и занимался самонаблюдением произношения. Я повторял: «Отец и Тата пошли», где отчетливо выделялся кусок [цытатъ], но при перестановке двух первых слов что-то меня заставило задуматься. Я не сразу понял, но, повторив несколько раз, убедился, что союз *и* я определенно произношу как звук [ы], хотя ему непосредственно предшествует не твердая согласная, а гласная (правда, редуцированная). Итак, вопреки всем формулировкам употребления звука [ы] в русском литературном языке этот звук может совершенно естественно произноситься после гласной!

Я поделился этими своими наблюдениями с С. С. Высотским. Он не «ужаснулся» этому «открытию» и высказал интересные соображения о возможности вокалического сегмента (хотя бы и неоднородного на своем протяжении) на месте двух и даже трех гласных фонем и предложил сделать магнитофонную запись указанного примера с последующей расшифровкой в Фонетической лаборатории ИРЯ АН СССР.

Благодаря любезности и вниманию научного сотрудника лаборатории Р. Ф. Пауфошими была проведена магнитофонная запись произношения фразы: «Тата и отец пошли» у двух дикторов С. и Р. по три раза в трех сериях. Запись была проанализирована и расшифрована Р. Ф. Пауфошимой на сегментаторе типа «вращающаяся головка».

Вот результат этой обработки (приводится кусок, соответствующий орфографическому «...та и от-...», т. е. конец слова *Тата*, союз *и* и начало слова *отец*:

(Та)та и от(ец)

Первая серия

Диктор С.

1) т / ʔ³ / э^ы / и / ие / е / æ / а^и / т'

Примечания: 1) ы — похоже на украинское /и/,
2) /ие / дифтонг и смена основного тона.

2) т / ы* / ы³ / э / и / е / æ / ь^и / т'

Диктор Р.

1) т / ʔ³ / ʔ / ы / ы / и / т'

2) т / ʔ⁰ / ʔ^и / ы / а / а^{ой} / т'

3) т / ы / э / э / ʔ / ы / ы / т'

Вторая серия

Диктор С.

1) т / ы³ / ы / и / ие / æ / а / ʔ / т'

2) т / ы / ы / и / ие / æ / а / ʔ / т'

3) т / ы / ы / и^е / е / æ / а / а^и / т'

Диктор Р.

1) т / ʔ⁰ / ʔ / э / а / а^и / т'

2) т / (ʔ³)⁰ / э / э / э^и / и / т'

3) т / э / э / э / а / а^и / и / т'

Третья серия

Диктор Р.

1) т / ы / ы^иэ / е / ʔ^а / ʔ^и / ь / т'

2) т / ы³ / э / ʔ³ / ʔ^и / т'

3) т / ы / ие / е / е^и / т'

Интерпретация записей.

1. Несмотря на некоторый разброс приведенных фиксаций и нетождественность серий, общая тенденция намечается определенно: на месте союза *и* преобладают звуки [ʔ], [ʔ^ы], [ы], [ы], [ы³], т. е. гласные смешанной артикуляционной зоны приблизительно среднего ряда и⁻верхне-среднего подъема.

* Может быть /ь/.

2. Возможность дифтонгичности (или полифтонгичности) получающегося звука показывает правильность соображения, которое можно сформулировать так: «Соседние гласные как «звуки» не разграничены категорическими рубежами, а взаимодействуют своими перифериями, образуя непрерывную ленту сцеплений инициалей и финалей, и порой объединяются в один сложный гласный звук, репрезентирующий двух- и даже трехфонемное последование», что особенно подчеркивал во время нашей беседы С. С. Высотский.

3. Появление на месте союза *и* звука [ы] или «ы-образного гласного» объясняется все тем же фактором — наличием твердого (веляризованного) согласного перед всей группой гласных, «пронизывая» ее с той или иной глубиной охвата.

2

Этот опыт был опубликован в сборнике «Развитие фонетики современного русского языка» (1971, стр. 271—273), но я продолжал поиски. Меня интересовал вопрос об «охвате той или иной глубины» данного фактора. Поэтому я предложил С. С. Высотскому и Р. Ф. Пауфогшине провести еще один эксперимент, несколько в других условиях, а именно: дать экспериментальный текст на звуки [и] и [ы] в виде заголовка или вывески с «плакатным» чтением его.

Текст был такой:

1) Звуки *И* и *Ы*

2) Звуки *Ы* и *И*

1) Буквы *И* и *Ы*

2) Буквы *Ы* и *И*

Замысел состоял в том, чтобы [и] и [ы] в нормальном произношении по московской орфоэпической норме следовали: то за мягким слогом (звуки), то — за твердым (буквы).

Эксперимент показал, что при таком тексте надо было дать дикторам некоторую инструкцию к чтению, потому что у многих оказались в произношении мешающие

делу паузы и анлаутные кнаклауты. Участвовало 4 диктора. Р. Ф. Пауфошима обработала запись на сегментаторе типа «вращающаяся головка» (как и в первом эксперименте). По результатам анализа выяснилось, что диктор С. делал паузы от 34 до 305 м/с после «звуки» и «буквы» и перед союзом и.

Диктор В. делал аналогичные паузы от 101 до 207 м/с, и, кроме того, после паузы начинал с заметного гортанного взрыва (кнаклаута) [ʔ]. Поэтому обе эти записи не представили интереса, так как не давали «глубины охвата».

Диктор Е. делал паузу после «звуки» и «буквы» от 51 до 134 м/с, паузы же внутри отрезка «I и Ы» или «Ы и I» то были, то не были, и кнаклаутов не было в записи обнаружено.

Наиболее интересной для данного эксперимента оказалась запись диктора Р., где пауза после «звуки» и «буквы» не превышала пределов от 18 до 109 м/с, других пауз вообще не было (что и важно для данного эксперимента). Кнаклаут был обнаружен лишь один раз: между «звуки» и [ы], что как раз и примечательно для данного эксперимента, так как переход от мягкого слога [к'и] к отдельному [ы] противоестествен. Поэтому данная запись как наиболее отвечающая замыслу эксперимента и послужила для следующих выводов:

1) Если произносить «естественно» даже этот рекламноплакатный текст, то желание паузы может возникнуть только после «звуки» в сочетании с последующим [ы] или после «буквы» в сочетании с последующим [и] (хотя и в меньшей степени); в сочетаниях же: «звуки I и Ы» и «буквы Ы и I» пауз не должно возникать.

2) Переходы от [ы] к [i] и от [i] к [ы]: («И и ы» — «ы и и») совершаются скользящим способом через [й] (в обе стороны).

3) Естественно, что названия звуков и букв (и и ы) выделяются отчетливее по интенсивности и устойчивости «звукотипа».

4) Больше ничего этот эксперимент показать не мог.

5) А, значит, следует продолжить эксперименты в доказательство «глубины охвата», идущего от предшествующего к последующему. Ясно, что названия звуков и букв менее всего подверглись «охвату», и совсем иначе реали-

зовались, чем начальные элементы «плаката» («звуки» [ы]...», «буквы и...»,), где без ненужной паузы «охват» предшествовавшего определял в основном судьбу последующего. А получался при этом некоторый, трудно членимый «вокалический континуум», т. е. то, о чем говорил С. С. Высотский в связи с первым экспериментом.

1970—1971 гг.

[зф] из <зв>

1. Меня всегда поражал рассказ о том, как, увидав падавшее с яблони яблоко, Ньютон понял закон тяготения! Это микровидение, ведущее к макропрозрению, мне всегда представлялось тем идеальным сочетанием живой интуиции с высокой способностью разума, синтезом Рафаэля и Декарта, что экс-экво дорого и науке, и искусству...

2. Все дальнейшее прошу рассматривать вовсе не как желание во что бы то ни стало подражать великим образцам прошлого, а скорее как дружеский шарж на самого себя, где мотив «падающего яблока» — налицо, а вот «закона всемирного тяготения» — не видно.

3. В первой половине 30-х годов я усиленно переосмыслял все, что я узнал о фонеме, и мне еще больше хотелось понять и познать эту «незнакомку». Как-то в 1935 г. я шел на рассвете по берегу Мологи на встречу с одним моим другом, художником А. Д. Древином, и вдруг меня прорезало воспоминание о произношении другого моего приятеля, который грассировал «р» на «г» (как у Льва Толстого Денисов в «Войне и мир»: «Гишка! Тгубку!»). Я отчетливо вспоминал, что мой приятель [А. В. Ч.], произнося «нормальное г» озвончал стоявшую перед ним согласную («с голью кабацкой» — [згол'йу]), но перед звучащим у него «г-образно <р>» такого озвончения не происходило («с ролью Гамлета» — [сгол'иу]): [сг], а не [зг]; т. е. хотя <р> звучало у него как [г], но это «г-образное р» не озвончало предыдущую согласную глухую шумную, так как сохраняло свойства, присущие сонорным согласным!

4. Известно, что конечные сонорные в позиции после

глухих согласных (*Пётр, министр, вебрь, вопль, смысл, лагори́фм, песнь* и прочее) могут легко оглушаться и даже вовсе «пропадать». Когда же финаль слова представлена «сочетанием звонкая согласная + сонорная» (*добр, бодр, смугл*), то конечная согласная может несколько приглушаться к концу (почти так же, как и в финалях «гласная + + сонорная согласная» (*бор, мол, гон, ком* и т. д.)). Звонкая же согласная в этих позициях остается с голосом, вопреки некоторым мнениям, поддержанным такой транскрипцией Ломоносова: *добр* [dopr]...

5. А может ли быть такой случай, чтобы звонкая согласная перед конечным, заведомо оглушенным шумным звуком оставалась звонкой, или по крайней мере не теряла до конца своей звонкости, т. е. сохранялась бы, как перед конечной сонорной?

6. Как известно, все русские парные по звонкости — глухости согласные на конце слова (в ауслауте) оглушаются; точнее: звонкость и глухость <п> и <б>, <т> и <д>, <к> и <г> и т. д. — нейтрализуется в пользу глухого партнера. Та же судьба и у группы звонких согласных в позиции финали: *визг, лягз, вдрызг, обрюзг, дрягз* — звучат как: [в'иск], [л'аск] и т. д. Тем самым, казалось бы, звонкой согласной оставаться с голосом перед другой, оглушенной в силу позиции, — невозможно! Однако, как говорил Р. О. Якобсон: «И среди млекопитающих встречаются «утконосы»! Таким «утконосом», на первый взгляд, среди согласных кажется <в>.

7. Позиция перед <в> вообще необычна. Хотя <в> как и все парные по глухости-звонкости согласные, оглушается перед другими глухими и в ауслауте, превращаясь в [ф]: *бровок*, но *бровка* [брóфкл], *борова*, но *боров* [брóрьф], однако для предшествующих шумных <в> ведет себя как сонорные <р>, <л>, <м>, <н> и йот: *твои* — *двои*, *Тверь* — *дверь*, *сверь* — *зверь*, *кряква* — *лягва* и т. п., совершенно так же, как: *укра* — *игра*, *тля* — *для*, *кнут* — *гнут*, *смена* — *измена*, *отъехать* — *подъехать*.

Но у <в> есть одно отличие от сонорных в отношении предшествующих шумных, на которое первым обратил внимание Р. О. Якобсон: «В случае, когда шумный согласный предшествует звонкому шумному, первый из них тоже становится звонким, если они следуют непосредственно друг за другом или между ними имеется *в*: *от вдовы*

[двд-], с вдовой [-звд]-, к вдове [-гвд-], от взглядов [-двзг-], к вздохам [-гвзд-]...»¹ (ср. к врачу [-квр-], от Власа [-твл-], к внуку [-квн-], от вмятины [-твм-] и под. — А. Р.).

Это наблюдение взяла на вооружение С. А. Барановская и рассмотрела его на большом количестве примеров и позиций; брошенное вскользь Якобсоном наблюдение подтвердилось².

7. Но ни С. А. Барановская, ни Р. О. Якобсон не обратили внимания еще на одну особенность поведения русского <в>. Я имею в виду положение <в> в качестве финали в ауслауте. Это-то и имелось в виду в п. 5 о поведении оглушенной звонкой «как сонорной»: возможно ли в ауслауте в русском языке фонетическое сочетание [-зф], где [ф] из оглушенного <в>? Оказывается — возможно! Мне эти соображения пришли на ум, когда я сочинял стишки с рифмами: «резв — трезв» и вдруг почувствовал что-то необычное, что и осознал как [зф] вместо ожидаемого [сф] по образцу: [ск] из <зг>, [сп] из <зб> и т. п. (в случаях: *визг*, *изб* и т. п.).

8. Я решил проверить это явление на «аудиторском» (слуховом) анализе и на инструментальном эксперименте. Дикторам был предъявлен текст, состоявший из «рифмованного» двустипия:

От этих язв
Страдает ЯЗФ,

где: 1) *язв* — родительный падеж множественного числа от язва, 2) *ЯЗФ* — аббревиатура, которая может обозначать и «Ярославская зерновая фабрика», и «Ялтинский завод фруктов», и «Ядринская заочная фотография», и что угодно в этом роде; важно здесь то, что в аббревиатуре *ЯЗФ* — *з* подлинно фонема <з>, а *ф*, что самое главное, подлинная фонема <ф>, а не <в>, оглушенная в [ф].

¹ См.: R. Jakobson. Die Verteilung der stimmhaften Geräuschlaute im Russischen. «Selected writings», I. s-Gravenhage, Ed. I, 1962; Ed. II, 1971, стр. 506.

² См.: С. А. Барановская. Позиционное влияние на варьирование согласных по звонкости — глухости в современном русском литературном языке. «Труды Ун-та дружбы народов им. Патриса Лумумбы», 1968, т. XXIX, стр. 28—29; а также: С. А. Барановская. Консонантизм современного русского языка (глухость — звонкость, твердость — мягкость). Автореф. канд. дисс. М., 1967, стр. 6 и сл.

В качестве дикторов я опробовал лиц с хорошей дикцией и «добрым московским выговором» (Сергей В., Ирина И., Светлана Б., — это лингвисты от 35 до 65 лет; Люба Е. — технический работник ИРЯ с правильным московским произношением, и себя (коренной москвич в течение 70 лет).

9. Для прояснения своих наблюдений и предположений я обратился к сотрудникам Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР С. С. Высотскому и Р. Ф. Пауфошиму с просьбой и гипотезой, что было изложено в стихах (полный текст см.: «Предварительные публикации». ИРЯ АН СССР, 1974, № 56).

10. Мое предположение так или иначе подтвердилось проведенным экспериментом, т. е. у одних дикторов звонкость <з> перед [ф] из <в> сохранялась полностью, у других — более или менее (начало звонкое, а конец оглушался). А в аббревиатуре *ЯЗФ* у <з> перед «взаправдашним» <ф> было полное оглушение <з>.

11. Таковы были результаты «аудиторских» наблюдений. Инструментальный анализ (запись на магнитофон и последующий анализ на сегментаторе типа «вращающаяся головка», проведенный в Лаборатории экспериментальной фонетики ИРЯ АН СССР под руководством С. С. Высотского и Р. Ф. Пауфошима, показал скорее вторую возможность («постепенное оглушение»). Что же? И это уже положительный результат по сравнению с полным оглушением <з> из *ЯЗФ*. Кроме того, мои уважаемые экспериментаторы признавали, что аппаратура недостаточно точна для такой тонкой материи.

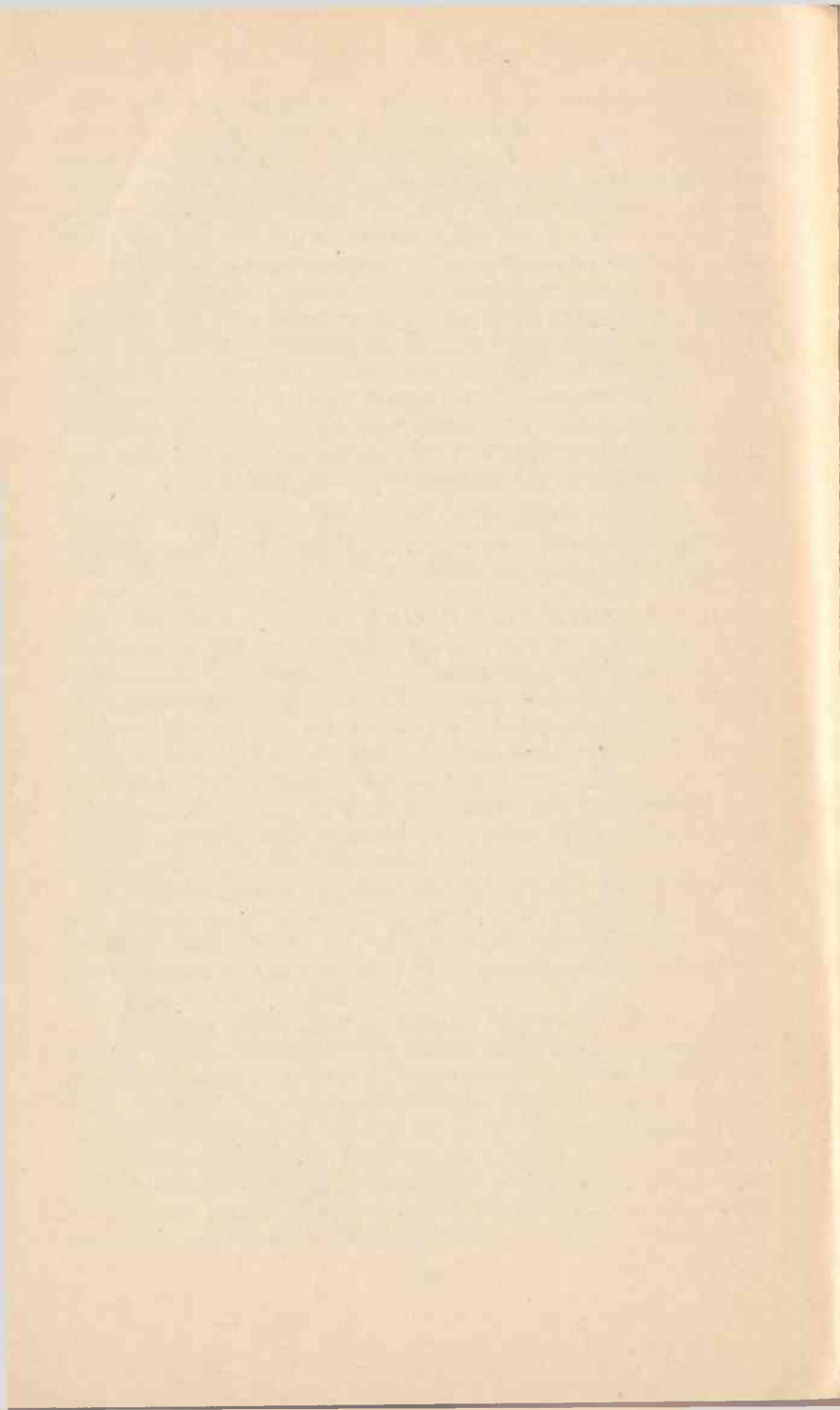
12. Итак, из всех наблюдений ясно, что рифму *язв* и *ЯЗФ* нельзя считать «стопроцентно точной», так как для среднего звена <з> получился различный результат: полное оглушение для <з> из *ЯЗФ* и неполное или минимальное — для <з> из *язв*.

13. Объяснение этого явления лежит всецело в фонологии: 1) если считать оглушение звонких в тех или иных позициях «меной фонем» (такова точка зрения Ленинградской школы), то загадка остается необъяснимой; 2) если же позиционное оглушение звонких считать варьированием той же фонемы с нейтрализацией в общем варианте двух членов оппозиции: звонкая — глухая, то все встает на свое место. В таких случаях, как *визг* и *писк* позиционное оглушение ауслаута дает полную нейтрализа-

цию звонких фонем <зг> и глухих <ск> в глухом варианте; в позиции же перед конечной фонемой <в> сохранение звонкости (или его лишь частичное оглушение) не дает нейтрализации с <з> перед фонемой <ф> так, как это происходит с <з> в аббревиатуре *ЯЗФ*, где в финали «настоящее» <ф>. Пусть само <в> в конечной позиции (в случае *язе*) оглушилось, но оно сохранило свои позиционные свойства и способности в отношении различения предшествующих звонких и глухих шумных фонем и действует подобно сонорным, каковым когда-то и было в истории русского языка, а ныне еще не утратило всех своих «сонорных» свойств, отсюда и объяснение описанного явления и возможности звучания звонкой согласной перед оглушенной фонемой <в> в отличие от обязательного оглушения <з> перед «настоящей» фонемой <ф> — т. е. звучания: [зф]!

Р. С. Таким образом, случай [зф] отнюдь не «утконос» в смысле Якобсона, так как это явление не противоречит системе, а вытекает из системы.

14/XII 69 г. — 4/VII 71 г. — 30/XII 71 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.	3
Пролегомены к изучению интонации	5
Фонемы йот и <и> в русском языке	74
Еще раз о статусе морфонологии, ее границах и задачах	98
Альтернатива <л> и <л'> при словообразовании.	119

Фонетические парадоксы

О гласном звуке [ы] после гласных в русском языке.	125
[зф] из <зв>	129

Александр Александрович
Реформатский
ФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Л. М. Гаврилова*
Художник *Л. С. Эрман*
Технический редактор *Ю. В. Рылина*

Сдано в набор 25/VII 1974 г.
Подписано к печати 17/XI 1974 г. Формат 84x108^{1/32}
Бумага № 2 Усл. печ. л. 7,14 Уч.-изд. л. 7,2
Тираж 11 000 Тип. зак. 949. Цена 43 к.

Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10